Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 6 (72). № 3

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2020

ISSN 2413–1679
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77 – 61821 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», протокол №2 от 24 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф.

(главный редактор)

Александрова И. В. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.
Дзыга Я. О. – д. филол. н., доц.
Дзюба Е. В. – д. филол. н., доц.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.
Злобина Н. Ф. – д. филол. н., проф.
Зябрева Г. А. – к. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.
Короченский А. П. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.
Маслова В. А. – д. филол. н., проф.
Меметов А. М. – д. филол. н., проф.
Нахимова Е. А. – д. филол. н., проф.
Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Солопова О. А. – д. филол. н., проф.
Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.
Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц.

(ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.01.09 – Фольклористика (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки)

Подписано в печать 24.09.2020. Формат 70х100 1/16.
Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 12,9. Бесплатно.
Дата выхода в свет
Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,
бул. Ленина, 5/7 http://sn-philol.cfuv.ru

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2020 г

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 3–19.

1. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.512.1

ПРОСТРАНСТВО В БАШКИРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Валиева М. Р.

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН
Уфа, Россия
E-mail: valieva_1979@list.ru

В данной статье анализируются слова и идиоматические словосочетания башкирского языка, выражающие пространство и ландшафт. В архаичной башкирской языковой картине мира пространство ассоциируется с Вселенной и бесконечностью. Бесконечность пространства направлена как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикальное мировидение башкир связано с атмосферными и космическими явлениями типа облаков, дождя, грозы и небесных светил, которые породили множество мифологических сюжетов. Подобное мировидение возникло с желанием объяснить существования подземных вод, пещер, ям и трещин на поверхности земли. Горизонтальное мировидение включает четыре основные стороны, где сам человек находится в центре происходящих событий, а его движения исходят от себя на все стороны и связаны с понятиями «дальность» и «досягаемость». Исходя из устойчивых фраз, представляющих расстояние от себя, установлено 4 вида дальности: *якын* ‘близкий’, *эргәлә* ‘очень близкий’, *алыҫ, йырак* ‘дальний’, *бик алыҫ* ‘очень дальний’. Помимо всего, отмечено, что виды дальности могут быть выражены соматической лексикой типа *баш осонда* ‘над головой’, *ҡул осонда* ‘под рукой’, *ҡут төбөндә* ‘возле «пятой точки»’, *күҙ алдында* ‘перед глазами’, *танау (аҫтында) осонда* ‘под носом, *досл.* на кончике носа’, *аяҡ аҫтында* ‘под ногами’ и т.п. В фольклорных текстах обнаруживается реальное и ирреальное пространство. Также в статье рассмотрено пространство кочевника, связанное с понятиями «пастбище», «юрта», «водопой» и т.п. По мнению автора, этническое пространство формируется на основе универсальной семантической категории «свой – чужой», которая делит социум на две группы. По принципу религиозных взглядов в башкирском языке можно выделить два пространства: *беҙҙең донъя* ‘наш мир’ и *теге донъя* ‘загробный мир’.
Ключевые слова: пространство, башкирский язык, архаическая модель мироздания.

ВВЕДЕНИЕ

В лингвокультурологических исследованиях последних лет башкирский язык рассматривается как культурный код и познание о мире, а не просто орудие коммуникации. Однако данное направление башкирского языкознания довольно молодое и не охватывает весь лексический фонд. Например, до сих пор не полностью описано пространство и ландшафт в башкирской языковой картине мира в виде монографического исследования. Научный задел данной темы ограничивается статьями, раскрывающими значения метафорических топотерминов, которые

являются универсальными языковыми единицами и результатом соотношения языка и мышления башкир в номинации географических объектов. Например, перенос соматизмов на ландшафтные объекты, то есть отсоматическая топонимическая система Южного Урала, Предуралья и Зауралья, а также цветовые топонимы как культурный фон в языковых единицах описан в статьях Ф. Г. Хисамитдиновой, М. Р. Валиевой, Р. Т. Муратовой, Г. Н. Ягафаровой. Мифотопонимия исследована в работах Ф. Г. Хисамитдиновой и Г. Х. Бухаровой. Определенные статьи Г. Г. Кульсариной, Р. А. Абуталиповой, А. И. Кулсарина анализируют этнокультурную особенность категории пространства в башкирском языке.

Исходя из вышесказанного, целью предлагаемой статьи является лингвокультурное описание традиционного пространства и архаической модели мироздания башкир.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Ландшафт и топонимия как показатель башкирской языковой картины мира

Каждая категория бытия, в том числе и пространство, получает свою лингвистическую интерпретацию. Ландшафт и система мироздания на поверхности земли и соответствующие им понятия, представления, знания выражены универсальными языковыми средствами. Топонимическая лексика, географическая терминология, синтагмы, обозначающие пространство с национально-культурной семантикой, дают мелкую детализацию особенностей рельефа и целое понятие, которое хорошо представляет характер мышления представителей башкирского этноса. Например, *Үле Иҙел* ‘Мертвый Идель’ обозначает сухое русло реки Идель, *Эт бармаҫ* досл. ‘собака не пойдет (не доберется)’ означает непроходимую болотистую местность, топонимы *Болан ятҡан уй* ‘долина, где лежали олени’, *Төлкө уйнаған тау* ‘гора, на которой играла (водилась) лиса’ содержат информацию о местной фауне, *тауыҡ кисеп сығырлыҡ йылға* образно передает значение мелкого водоема, *досл.* ‘речка с глубиной как куриный брод’ и т.п. Многие географические термины

образованы на основе метафорического переноса: *йылға ҡолағы* ‘затон, *досл.* ухо реки*’ тау итәге* ‘подножие (горы) *досл.* подол горы’, *тау бите* ‘южный склон горы *досл.* лицо горы’. Также названия растений как ядро фитонимического пространства аккумулировали в себе когнитивные познания башкир о местной флоре: *Бешәлетау* ‘сосновая гора’*, Көртмәлеһырт* ‘черничный кряж (хребет)’*, Мүклеһаҙ* ‘мховое болото’, *Сайлы күл* ‘озеро с болотной ряской’, *Ҡылғанлы дала* ‘ковыльная степь’, *Борсаҡ баҫыуы* ‘гороховое поле’ и т.п.

Образное мировидение и мифологическое мышление башкир иногда порождало целые системы топонимов, связанные с метафорой, анимизмом, поверьями. Так, многие реальные названия рек, озер Республики Башкортостан появились на основе мифологических представлений коренного народа и особого отношения, связанного с почитанием и сакрализацией водоема. Например, *Һөт йылғаһы* ‘Молочная река’, *Бәхет күле* ‘Озеро счастья’, *Убырлы күл* ‘озеро с упырем’*, Аждаһа күле ‘*озеро с драконом*’, Йәншишмә* ‘животворный родник; родник с живой водой’, *тере һыу* ‘живая вода’*, үле һыу* ‘мертвая вода’, *Йылҡысыҡҡан күле* в Бурзянском районе РБ ‘озеро, откуда появились табуны (лошадь) и бесчисленные стады домашних парнокопытных животных’. По представлениям башкир, озеро *Боғаҙаҡ* в Верхнеуральском районе Челябинской области также является святым источником, откуда появляются на землю из подводного царства резвые светлогривые тулпары.

Мифопоэтическое пространство всегда заполнено вымышленными чудесами. Однако исследование топонимов, сказочной географической терминологии показывает, что многие башкирские богатырские и волшебные сказки начинаются традиционными зачинами, где фигурируют реальные гидронимы и оронимы. Например, *на отрогах седого* ***Урала*** *был один башкирский аул* или *в давние-стародавние времена на берегу* ***Агидели*** *жили, говорят, старик со старухой* и т.п. Из примеров видно, что события происходят на Урале или на берегу реки Агидели. В целом, фольклор каждого народа бывает тесно связан с той территорией, где данный этнос сложился.

Архаическая модель мироздания башкир

Когнитивные познания о пространстве, архоэтническое мировосприятие и мировидение башкир отражались в башкирском языке множеством лексем и идиомов, описывающих свою окружающюю среду. Также по их представлениям структура мироздания, Вселенной упорядочена как по вертикали, так и по горизонтали. Определенные устойчивые фразы содержат фрагменты о сфероподобной и круглой форме Вселенной. Например, выражение *күк көмбәҙе* означает куполообразность небосвода, *Донъя туңәрәк* ‘Вселенная круглая’, *Донъя ҡуласа, әйләнә лә бер баҫа* ‘Вселенная колесообразная, вращается и снова повторяется’. Поговорка. *Йыл әйләнәһе – ер әйләнәһе* ‘Вращение земли – круглый год’ Поговорка. Все эти выражения и поговорки позволяют раскрыть мировидение древних башкир. В их представлениях Вселенная и Земля были круглыми и циклично вращались.

На поверхности земли (*Ер-һыу*) башкиры видели 4 стороны света:

1) (лит.) *көнсығыш, көнтыумыш* (средн.)*, көнтыуыш* (арг., кизил., миас., айск.) ‘восток; восход’ *досл.* ‘восход или рождение солнца, дня’;

2) (лит.) *көньяҡ, йылы яҡ, ҡибла, төшлөк яҡ* (сакмар.), *төшлөк жаҡ* (гайнинск.), *ҡобала* (средн.), *ҡобла* (айск., минзилинск.), *ҡыбыла* (кизил.), *ҡойбола* (сев.-зап.) ‘юг, южная сторона, дневная сторона, теплая сторона, сторона Каабы’;

3) (лит.) *көнбайыш, көнбатыш* (сев.-зап.)*, көнинеш* (средн.), *көнҡуныш* (арг.) ‘запад’*, досл.* ‘солнце заход, солнце закат’;

4) (лит.) *төньяҡ, тиҫкәре яҡ, һыуыҡ яҡ, тиреҫ яҡ* (средн.), *дирҫ* (икск.,), *тиреҫ жаҡ* (дим., айск.), *тиҫ бите* (кизил.), *төн бите* (арг.), *урыҫ яҡ* (арг., кизил.), *сумай* (арг.) ‘север’ *досл.* ‘ночная сторона, обратная сторона, русская сторона’.

В архаическом эпосе «Урал батыр» говорится, что центр мироздания – это суша первопредков башкир *Йәнбирҙе* ‘Сотворящий душу’ и *Йәнбикә* ‘Хранительница души’, они же являются родителями Урал-батыра. Это место имеет 4 стороны и было

окружено со всех четырех сторон морями: *Дүрт яғын диңгеҙ уратҡан / Булған, ти, бер урын.* «Урал батыр».

В просторечии народа определенные идиомы выражают подобное мировидение: *Дүрт яғың ҡибла. досл.* ‘твои четыре стороны свободны’, эквивалент ‘иди на все четыре стороны’. Также все четыре стороны имеют опасность и взрослые назидательно говорят молодым следующее: «*Алдыңды, артыңды, уңлы, һуллы ҡарап йөрө!*» ‘Будь осторожен, смотри на все свои четыре стороны: вперед, назад, направо, налево!’.

В древнетюркских текстах рунических памятников наблюдается также четырехстороннее горизонтальное пространство. В трудах С. Е. Малова, С. Г. Кляшторного, Н. Г. Шаймердановой анализируется совокупность следующих языковых единиц, выражающих древнетюркскую модель мира: tört buluŋ ‘четыре угла’, öŋjeki-qurjaqy ‘восток – запад’, jyrjaqy-berjeki ‘север – юг’, üst-asta ‘верх – низ’, öŋden – qurdan ‘вперед – назад’, berden – jyrdan ‘справа – слева’, jaqyn – uzaqy ‘близкий – далекий’ [13].

В башкирской языковой картине мира поверхность земли имеет четыре стороны света и множество векторов: *яҡ* ‘сторона, страна, направление, край, грань’*; ос* ‘конец, край’; *сит* ‘край, окраина’, *юл* ‘дорога’, *һуҡмаҡ* ‘тропинка’, *буй* ‘набережная; край нивы’, *йылға* ‘река’, *шишмә* ‘родник’, *кендек* ‘подземное русло реки’ и мн. т.п. Эти векторы всегда пересекаются и образуют *сат* ‘перекресток, развилина’ или *тамаҡ* ‘устье реки’. Например, *ете юл саты* ‘перекресток с семью развилинами’, *туғыҙ юл саты* ‘перекресток с девятью развилинами’*, ете йылға тамағы* ‘устье семи рек’ и т.п.

В народных песнях наблюдаются разные наименования ветров, которые также представляют многосторонность пространства: *ҡибланан иҫкән ел* ‘южный ветер, досл. ‘ветер со стороны Каабы’, *тиҫкәре ел* ‘северный ветер’, *ҡара ел* ‘резкий осенний ветер с северной стороны’*, арҡаларҙан иҫкән ел, арҡа еле* ‘горный ветер’, *ҡаршы ел* ‘встречный ветер’*, ыжғыр ел, ыҙғыр ел* ‘холодный пронзительный ветер с северной

стороны’, *ҡара көҙҙөң әсе еле, әсе ел* ‘резкий холодный ветер с северной стороны’, *яҙғы һыуыҡ ел* ‘весенний холодный ветер’, *ыңғай ел* ‘попутный ветер’, *туғай еле* ‘луговой ветер или ветер со стороны луга’, *йомшаҡ ел, диңгеҙ еле* ‘морской ветер, ветер со стороны моря’, *яр еле* ‘береговой ветер’, *урман буйы еле* ‘лесной ветер’, *ямғыр еле* ‘ветер со стороны, откуда идет дождь’ и т.п. С одной стороны, разнообразие наименований ветра показывает многосторонность и многоликость уральской погоды, с другой стороны, символизирует вечное движение жизни, цикличность и незыблемость природных законов на земле.

Традиционно пространство для башкир представляет собой горизонтальное движение, и по концептуализации расстояния устанавливается 4 вида дальности в башкирской языковой картине мира: *яҡын* ‘близкий’, *эргәлә* ‘очень близкий’, *алыҫ, йыраҡ* ‘дальний’, *бик алыҫ* ‘очень дальний’. Эти 4 понятия расстояния выражаются различными устойчивыми словосочетаниями и идиоматическими выражениями, которые отражают антропоцентрическое мышление и мифологические представления, мировоззрения этноса, а также локализацию объекта в пространстве. Например, маленькое и близкое расстояние *яҡын* передавалось образными выражениями: *әнә буйы ер* ‘величиной с иголку’, *бармаҡ буйы ер* ‘величиной с палец’, *бер ҡолас ер* ‘расстояние одного размаха руки’, *таяҡ ташлам ер* ‘небольшое расстояние величиной одного броска палки’, *өс аҙымда* ‘в трех шагах’ и т.п. *, күт (артында) төбөндә* ‘возле «пятой точки»’. Часто понятие *эргәлә* ‘очень близко, вплотную’ передается соматизмами, т.е. расстояние объекта измерялось локализацией возле части тела самого человека: *күҙ алдында* ‘перед глазами’*, танау осонда* ‘под носом, *досл.* на кончике носа’*, танау аҫтында / танау төбөндә* ‘под носом’, *ҡул осонда* ‘под рукой’, *ҡул һуҙымында* ‘рукой подать, *досл.* на расстоянии вытянутой руки’, *аяҡ аҫтында* ‘под ногами’ и др. Все это языковое оформление пространства вокруг самого человека и отсоматические устойчивые словосочетания, обозначающие локализацию предмета в быту, составляют специфику ассоциативного мировидения и образного мышления башкир.

Категория расстояния *алыç, йыраҡ* ‘далекий; дальность’ связана с визуальном восприятием человеческого (птичьего) глаза, иногда птичьим полетом. Например, *күҙ күреме еткән ер* ‘расстояние, досягаемое взглядом’, *күҙ күреме ер* ‘расстояние до горизонта’, *ҡош осошо бейеклегендә* ‘на высоте птичьего полета’, *бөркөт күреме ер* ‘место с дальностью сорок перевалов, *досл.* место на расстоянии зрительного восприятия орла’, *ҡоштар иңләй алмаçлыҡ дала* ‘широкая степь, недосягаемая полетом птиц’, *күҙ күреме етмәçлек тигеҙлек* ‘необозримая гладь’ и т.п.

Очень дальное расстояние для башкир представлялось неизвестностью и таинственностью. Другая важная особенность, отличающая архаичное понимание дального расстояния пространства по отношению объекта, заключается в том, что оно связано с древним антропоцентрическим мышлением. На фоне всего этого возникли различные гиперболы, выражающие локализацию предмета на неизвестном далеком месте: *ер аяғы, ер башы* ‘за тридевять земель, на краю света’ *досл.* ‘находится то ли в ногах, то ли на голове земли’; *ер ситендә* ‘на краю земли; на краю хлебного поля’; *ер башында* ‘в начале хлебного поля земли; в начале хлебного поля’; *ер уртаһында* ‘в середине земли’; *ер кендеге* ‘ось, середина земли, *досл.* пуп земли’; *күҙ күрмәгән, ҡолаҡ ишетмәгән яҡ* ‘невидимая, неуслышанная сторона’; *осо-ҡырыйы күренмәгән ер* ‘земля без конца и края’, *йәһәннәмдә* или *йәһәннәм төпкөлөндә* ‘на адской бездне’ и т.п.

Исследование языка и стиля башкирских фольклорных текстов обнаруживает реальное и ирреальное пространство, которое представляется недосягаемым местом простому смертному. Неизвестные, очень далекие, недосягаемые земли и водоемы уподобляются человеку и при этом употребляются анатомические термины в номинации таинственного места. Дальность объекта в пространстве ассоциируется с ирреальностью. Например, *ер ҡуйыны* ‘земное нутро, *досл.* пазуха земли’, *ер ауыҙы* ‘пещера, *досл.* рот земли’, *ер арҡаһы* ‘кряж; увал, хребет, *досл.* спина земли’, *диңгеҙ ҡултығы* ‘лагуна, *досл*. подмышка моря’, *ете диңгеҙ аръяғында* ‘за семью морями’, *ете тау артында* ‘за семью горами’, *ете ҡат ер аçтында* ‘под семислойной землей’,

ер аҫты батшалығы ‘подземное царство’, *ер аҫты* ‘недра земли, подземелье’, *ер тишеге* ‘дыра земли’, *ер кендеге* ‘пуп земли’ и т.п.

Семислойность неба и подземных недр нашла свою языковую интерпретацию в идиоматических выражениях: *ете ҡат ер аҫтында* ‘под семислойной землей’, *күктең етенсе ҡаты* ‘седмой слой неба’ и т.п.

Кроме этого, у древних башкир, как и у древних тюрков, существовали точные единицы измерения большого и малого расстояния: *саҡрым* ‘верста’, *аҙым* ‘шаг’, *ҡолас* ‘маховая сажень, размах рук’, *ая* ‘вершок’, *ҡарыш, һөйәм* ‘пядь’, *иле* ‘толщиной, шириной в [один] палец’, *ҡыл йыуанлыҡ* ‘толщиной с волос’ и др.

Несколько слов о мироздании и понятии Хаоса. В архаической модели мира башкир не существовал Хаос, то есть хаотического начала в пространстве как такового не было. Вначале была пустота или вода. Во многих архаических эпосах, легендах вода и все остальное создавалось системно, поочередно. Однако в древнетюркских письменных источниках, башкирском языке бытуют слова *трым-траҡай* и *арҡыс-торҡос* ‘беспорядочно’, которые означают беспорядок и хаотичность вещей.

Фольклорные и мифологические тексты и паремии башкирского языка свидетельствуют о гармоничном создании Вселенной, и в архаической картине мира башкир важным становится представление о центре Земли, о месте происхождения народа, которое совпадает с местом рождения Урал-батыра в эпических сказаниях: *Дүрт яғын диңгеҙ ураткан / Булған, ти, бер урын.* ‘говорят, было место, окруженное со всех четырех сторон морями’. «Урал батыр». Согласно легендам, создателями этой суши выступают две утки, первичное место рождения лошадей и парнокопытного домашнего скота – это *Йылҡысыҡҡан күле* в Бурзянском районе Башкортостана. В целом, каждый конкретный топообъект является результатом определенного акта мироздания, вследствии чего создана окружающая среда башкир. Например, голые горы и сопки образовались из пыли в калошах Алпа ‘великана’, когда он встряхнул свои калоши. Необъятные степные просторы, благоприятные для развития кочевого

скотоводства, бесконечные поляны, богатые пастбища, яйлау появились как огромные следы Алпа; семь башкирских родов происходят от его семерых сыновей, которые потом поселились на отрогах Уральских гор. Несметное богатство золота и драгоценные камни образовались из священных костей батыров.

Не только серия эпических рассказов об Алпах, но и многие другие фольклорные тексты посвящены мифопространству и описанию модели мироздания, появления небесных тел. Содержание, сюжет башкирских народных сказок, легенд, преданий связаны в основном мотивом объяснения названий звезд, созвездий, гидронимической и оронимической системы Урала. Так, название галактики Млечный путь по-башкирски звучит как *Ҡош юлы, досл.* ‘дорога птиц’, *Ҡаҙ юлы* ‘дорога гусей’, *Күс юлы* ‘дорога кочевников’ и т.п. В «Словаре башкирской мифологии» чл-корр. АН РБ Ф.Г. Хисамитдиновой написано: «Когда журавли (есть вариант дикие гуси) летели на юг, поднялся сильный ураган. Этот ураган разметал журавлиную стаю. Многие журавли, особенно молодые, отстали, сбились с пути. Тогда, чтобы указать молодым журавлям путь, взрослые журавли по небу рассыпали свои перья, которые превратились в звезды. Молодые журавли по этим звездам нашли путь в теплые края. С той поры эту часть Галактики башкиры называли *Ҡош юлы*» [12, с. 264]. По другой легенде известно, что это созвездие называется *Күс юлы* ‘дорога кочевников’ и согласно сюжету звезды происходят от поднявшейся пыли копытных животных во время переселения кочевников.

В архаической модели мира многих народов существует *Мировое дерево,* объединяющее все сферы мироздания. Данным деревом в языковой картине мира башкир выступает *Тирәк* ‘осокорь; тополь; дерево’, которое не потеряло древнетюркское фонетическое оформление *Teräk*. Подобное мировидение породило ряд устойчивых словосочетаний с понятием ‘опора’: *донъя терәге (тирәге)* ‘опора мира’, *Ер менән күк терәге* ‘опора между небом и Землей’, *ил терәге* ‘опора страны’ и т.п. По представлениям башкир, это мировое дерево – осокорь (тополь) является опорой между небом и землей.

Основоположники теоретических исследований по проблемам концептуализации пространства В. Н. Топоров и Е. С. Кубрякова считают, что «одна из наиболее фундаментальных областей в познании мира – категоризация пространства» [5; 8; 9]. Архаическое восприятие пространства в их работах комментируется как «расстилающаяся во все стороны протяженность, сквозь которую скользит взгляд и которая доступна при панорамном охвате в виде поля зрения при ее обозрении и разглядывании», как «обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей» [4, с. 26]. Все это зафиксировано в башкирском языке универсальными фразами *Ер менән күк араһы* ‘пространство между небом и землёй’, *Ер менән күкте бер итеп* ‘образуя одно целое между небом и землей’, *Ерҙән күккә ашыу* ‘подняться от земли до небес’, *ерҙән күккә олғашыу* ‘то же самое’, *ер менән күк араһында булыу* ‘находится в пространстве между небом и землей’ и т.п.

Таким образом, пространство в архаичной башкирской языковой картине мира ассоциируется с понятием Вселенной, многонаправленной в бесконечность и с целой системой мироздания. А человек – часть целостного образования архаичной модели мира и центр происходящих событий, его движения направлены на все стороны от себя. Его перемещение и понятие расстояния от самого себя фиксировано в языке по-разному. По представлениям башкир, *уң як* ‘правая сторона’ и *ал як* ‘фронтальная, фасадная, передняя сторона’ от себя является положительной, комфортной, удобной в отличие от *һул як, һулакай, тиҫкәре як* ‘левой стороны’, *арт як,* ‘задней стороны’ *һырт (арка) як* ‘спинной стороны’.

Представление о пространстве башкир-кочевников

Кроме вышесказанных, в башкирском языке существуют фразы о горизонтальном пространстве, представляющие образ жизни, быт и ментальность древних кочевников: *Ат еткән ергә, ат саптырып, хат еткән ергә хат ебәреп хәбәр таратыу* ‘разослать эту весть повсюду, куда письмо дойдет и лошадь доскачет’, *Ат етмәҫ ерҙә ята* ‘быть на месте, куда не доскачет (не доберется) конь’. *Ике көнлөк ат юлы* ‘двухдневный путь верхом на лошади’, *сана-арба юлы утмәй* ‘бездорожье’ досл.

‘нет дороги ни для саней, ни для телег’, *йәйәүлегә өс көнлөк арауыҡ* ‘трехдневная дальность для пешего’ и т.п.

В понимании кочевника пространство было бесконечным. И основной (родной) территорией тюркоязычных номадов воспринималась «Дешт-и-кипчак». Во многих башкирских народных песнях фигурирует топотермин *Сал Дала, Оло Дала* ‘Евразийская степь, «Великая степь»’, которая простиралась от Восточной Европы почти до берегов Тихого океана, издревле заселенная различными кочевыми народами. В казахских и киргизских народных песнях *ҰЛы дала* восхваляется как свободная, бескрайная, просторная родная земля кочевников. Цветолексема *сал (дала)* ‘седая (степь)’ наделена символичной, скрытой семантикой в контексте башкирских народных песен, и в нем, кроме прямого значения, заархивировано сакральное значение ‘много переживший, древний, исторический, великий’.

У башкир-кочевников в языке закреплены следующие выражения со значением пространства: *тирмә* ‘юрта’ *(тирмә алды* ‘площадь перед юртой; двор’, *тирмә эсе* ‘внутрь юрты’, *түр* ‘гостевая часть юрты’, *бишек(лек)* ‘колыбельная часть юрты’, *ҡашағаяҡ яғы* ‘кухня в юрте’, *утлыҡ / усаҡлыҡ* ‘очаг; очажный с котлом; центр юрты’, *тупһа (төбө)* ‘порог’, *ишек (төбө)* ‘преддверие’, *йәйләү (тыуған, үҙеңдең, сит)* ‘летовка (родная, своя, чужая)’, *иләү (уртаһы, сите)* ‘род; волость’, *ҡышлау / ҡышлаҡ* ‘зимовка, зимняя ставка рода’ *(өй, йорт, торлаҡ* ‘дом’, *утлыҡ* ‘стойло’, *кәртә* ‘загон’, *ҡура* ‘хлев’*), ауыл* ‘деревня’ *(урам* ‘улица’, *ауыл уртаһы* ‘центр деревни’, *ауыл сите* ‘край деревни’, *ауыл осо* ‘конец деревни’*), ҡарурман* ‘дремучий лес’, *һыулау* ‘водопой (для скота)’, *осһоҙ-ҡырыйһыҙ киң дала* ‘широкая бескрайняя степь’, *ҡуйы утлау* ‘густое пастбище, выгон’, *сабынлыҡ* ‘покосное место’, *көтөү* ‘пастбище’, *таҡырайған көтөүлек* ‘утоптанное голое пастбище, утоптанный выгон’, *тыуған яҡ* ‘родные края’, *тыуған ер* ‘родная земля’, *Урал* ‘Уральские горы’ *(тау-таш* ‘скалистые горы’, *ҡая* ‘скала’, *һырт* ‘кряж, хребет’, *түбә* ‘горная вершина’*), Ағиҙел* ‘р. Белая’ *(йылға буйы* ‘вдоль реки’, *йылға киңлеге* ‘ширина реки’,

кисеү ‘брод’, *йылға аҫты, йылға төбө* ‘дно реки’, *йылға өҫтө* ‘поверхность реки’) и т.п. Многие из перечисленных выражений являются общими и для других тюркоязычных народов.

Истоки восприятия пространства уходят корнями в то время, когда кочевник или охотник-сыроед и природа составляли одно целое. Семантика пространства имеет большое значение при формировании национальной картины мира. Г.Д. Гачев в своих работах по культурологии уделяет большое внимание влиянию географических и геополитических факторов на формирование образа мира различных народов. «Природа, среди которой народ вырастает и совершает свою историю, есть первое и очевидное, что определяет лицо национальной целостности...» [4, с. 63].

Согласно теории Г. Д. Гачева, географический объект *Уралтау* Уральские горы – это Родина башкир, отчая земля *Атайсал*; одновременно является центром мироздания и Мировой горой; это место рождения первопредка и батыра башкир Урала, создателя горной и пресноводной земли; это место рождения сказочных великанов Алпов; это земля с полезными ископаемыми и богатой природой, с разнообразным растительным покровом и со своим звериным царством (звериный царь – *айыухан* ‘медведь’); это также место, где течет священная вода *Йәншишмә* и *Тере һыу* ‘живая вода’, дарующая бессмертность, вечность, цикличность природы.

Этническое видение пространства

Адаптированный, обжитый угол земли, специфика этнодифференцирующих показателей (мировосприятие, национальный менталитет, культура, язык), обусловлены природно-географическими параметрами «пространства жизни» и территория, занимаемая этносом на момент формирования особенностей мировосприятия и национального характера народа, самобытность, родной язык и т.п. явления порождают концепт «свой» и «чужой».

«Свой» часто совпадает с территорией этнического, в частности башкирского родного пространства: *башҡорттар йәшәгән төбәк* ‘край, где компактно расселены башкиры’, *үҙебеҙҙең халыҡ (милләт) йәшәгән төбәк* ‘край, где компактно расселены

башкиры’, *башҡорт осо* ‘конец улицы, где живут башкиры’, *башҡорт урамы* ‘башкирская улица’, *башҡорт ауылы* ‘башкирская деревня’, *Башкортостан* ‘Башҡортостан’, *башҡорт ере* ‘башкирская земля’, *башҡорт ерҙәре* ‘башкирские земли’, *үҙебеҙҙең ерҙәр* ‘наши (башкирские) земли’, *тыуған яҡ* ‘родные края’, *Тыуған ер* ‘Родина’, *Атайсал, ата-бабалар ятҡан ер* ‘Отчая земля’, *атай йорто* ‘отцовский дом’, *изге ер, зыярат, ҡәберлек, ҡәбер тупрағы, изге тупраҡ* ‘священная земля, кладбище’, *атайҙар ятҡан төйәк* ‘место вечного упокоения отцов’ и т.п.

У башкир отношение «свой» и «чужой» в пространстве может зависеть от кровного родства. Понятие «свой» совпадает с кровной родоплеменной структурой, куда входит родной *аймаҡ, ара, зат, нәҫел, ырыу, ҡәбилә, халыҡ*. В их территории царит мир и покой, «свой» себя чувствует свободным, защищенным. За пределами кровного родства становишься «чужим». С целью быть «своим» в «чужом» пространстве и расширить широты своей (родной) земли всегда заключали экзогамные браки.

Следует отметить, что в современном обществе и языке появились новые понятия и новые ценности, выражающие пространство, которые связаны с местом рождения и Малой родиной башкир. В модели современного мира башкиры выделяют исходную точку – *тыуған ауыл* ‘родная деревня’; далее *ҡала* ‘город, где человек получает профессиональную подготовку’; *тыуған республика* – это пространство его свободных движений и связано с самореализацией, т.е. постоянное место жительство где он работает, живет, создает семью, воспитывает детей. Для кого-то пространством профессиональной самореализации является *Рәсәй* ‘Россия’, *Тыуған ил* ‘родная страна’, которая представляет единство идеологии, культурных ценностей Родины и патриотический дух родного народа.

Религиозное видение пространства

По принципу религиозных взглядов в башкирском языке можно выделить два пространства: *беҙҙең донъя* ‘наш мир’ и *теге донъя* ‘загробный мир’, которые составляют одно единое понятие существования в обоих мирах. В то же время

загробный мир представляется многослойным, ступенчатым и вечным. Наш мир есть череда испытаний для перехода в тонкий мир или вечность *мәңгелек*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что видение пространства в башкирской языковой картине мира определяется местом обитания народа, атмосферой, географическим ландшафтом, флорой и фауной. Этническое своеобразие языковых средств, выражающих пространственные параметры, обусловлено особенностями мировидения, мировосприятия и культурно-эстетическими ценностями башкир, в которых основной единицей измерения является параметризация бытийности: расстояние, преодолеваемое за единицу времени на лошади или пешком; дальность, измеряемая полетом птиц или с визуальным восприятием человеческого/птичьего глаза. Поэтому понятие дальности и близости пути, дороги, тропинки представлено множеством идиоматических выражений и образных фраз. Близкое расстояние в пространстве передается устойчивыми словосочетаниями, состоящими из соматизмов. В башкирской языковой картине мира этническое пространство выражается универсальной категорией «свой – чужой». Лексика, репрезентирующая Вселенную, выражает мир сферичным, горизантольная поверхность земли представляется бесконечным пространством. Вертикальная структура мира состоит из 3 или 15 слоев (*ете ҡат ер аҫты* ‘семислойное подземное царство’, *ер өҫтө* ‘поверхность земли’ и *ете ҡат күк* ‘семислойное небо’).

Список литературы

1. Абуталипова, Р. А. Лексический способ репрезентации локативных значений в башкирском языке [Текст] / Р. А. Абуталипова // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 4. – С. 1295-1298.
2. Бухарова, Г. Х. Отражение мифопоэтической картины мира в башкирской топонимии [Текст] / Г. Х. Бухарова // Проблемы востоковедения. – 2017. – № 4 (78). – С. 74-49.

3. Валиева, М. Р. Янаульская топонимия [Текст] / М. Р. Валиева // Городские башкиры: проблемы сохранения этничности. Материалы X Межрегиональной научно-практической конференции. 11 мая, 2018, г. Янаул. – С. 61-62.
4. Гачев, Г. Д. Национальный космо-психо-логос [Текст] / Г. Д. Гачев // Вопросы философии. – 1994. – № 12. – С. 59-78.
5. Кубрякова, Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Изв. РАН. Сер. Лит. и яз. – 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 22-31.
6. Кулсарин, А. И. Этнокультурные особенности категории пространственности в башкирском языке [Текст] / А. И. Кулсарин // Вестник Башкирск. ун-та. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 18--187.
7. Кульсарина, Г. Г. Образ времени и пространства в башкирской фольклорной картине мира [Текст] / Г. Г. Кульсарина // Вестник Башкирского университета. – Уфа, 2010. – Т. 15. – № 3(1). – С. 962-965.
8. Топоров, В. Н. Пространство и текст [Текст] / В. Н. Топров // Текст : семантика и структура. – М., 1983. – С. 227-284.
9. Топорова, В. М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка [Текст] / В. М. Топорова. – Воронеж, 1999. – 174 с.
10. Хисамитдинова, Ф. Г., Ягафарова, Г. Н., Муратова, Р. Т., Валиева, М. Р. Место соматизмов в башкирской топонимии [Текст] / Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Н. Ягафарова, Р. Т. Муратова, М. Р Валиева // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 4. – С. 157-168 .
11. Хисамитдинова, Ф. Г., Муратова, Р. Т., Ягафарова, Г. Н., Валиева, М. Р. Цветообозначения в башкирской топонимии [Текст] / Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Н. Ягафарова, Р. Т. Муратова, М. Р Валиева // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 140–159.
12. Хисамитдинова, Ф. Г. Словарь башкирской мифологии [Текст] / Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 418 с.

13. Шаймердинова, Н. Г. Язык в представлении картины мира древних тюрков [Текст] / Н. Г. Шаймердинова // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2011. – № 2. – С. 74-78.

References

1. Abutalipova R. A. *Leksicheskii Sposob Reprezentatsii Lokativnykh Znachenii v Bashkirskom Yazyke* [The Lexical Way of Representing Locative Values on the Bashkir Language]. *Vestnik Bashkirskogo Universitet*, 2015, Vol. 20, no. 4, pp. 1295-1298.
2. Bukharova G. Kh. *Otrazheniye Mifopojeticheskoy Kartiny Mira v Bashkirskoy Toponimii* [Reflection of the Mythopoetic Picture of the World in the Bashkir Toponymy]. *Problemy Vostokovedeniya*, 2017, no. 4 (78), pp. 74-49.
3. Valieva M. R. *Yanaul'skaya Toponimiya* [Yanaul's toponymy]. *Gorodskiye Bashkiry: Problemy Sokhraneniya Jetnichnosti. Materialy X Mezhregional'noy Nauchno-Prakticheskoy Konferentsii. 11 Maya 2018, G. Yanaul*. Pp. 61-62.
4. Gachev G. D. *Natsional'nyy Kosmo-Psikho-Logos* [National Cosmo-Psycho-Logos]. *Voprosy Filosofii*, 1994, no. 12, pp. 59-78.
5. Kubryakova Ye. S. *Yazyk Prostranstva i Prostranstvo Yazyka (K Postanovke Problemy)* [The Language of Space and the Space of Language (To the Statement of The Problem)]. *Izv. RAN. Ser. Lit. i yaz*, 1997, Vol. 56, no. 3, pp. 22-31.
6. Kulsarin A. I. *Jetnokul'turnyye Osobennosti Kategorii Prostranstvennosti v Bashkirskom Yazyke* [Ethnocultural Features of the Category of Spatiality in the Bashkir Language]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 2016, Vol. 21, no. 1, pp. 183-187.
7. Kulsarina G. G. *Obraz Vremeni i Prostranstva v Bashkirskoy Fol'klornoy Kartine Mira* [The Image of Time and Space in the Bashkir Folklore Picture of the World]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta.* Ufa, 2010, Vol. 15, no. 3 (1), pp. 962-965.
8. Toporov V. N. *Prostranstvo i Tekst* [Space and Text]. *Tekst: Semantika i Struktura.* Moscow, 1983. Pp. 227-284.
9. Toporova V. M. *Kontsept Forma v Semanticheskom Prostranstve Yazyka* [The Concept of Form in the Semantic Space of the Language]. Voronezh, 1999. 174 p.

10. Khisamitdinova F. G., Yagafarova G. N., Muratova R. T., Valieva M. R. *Mesto Somatizmov v Bashkirskoy Toponimii* [The Place of Somatisms in the Bashkir Toponymy]. *Sibirskiy Filologicheskii Zhurnal*, 2018, no. 4, pp. 157-168.
11. Khisamitdinova F. G., Muratova R. T., Yagafarova G. N., Valieva M. R. *Tsvetooboznacheniya v Bashkirskoy Toponimii* [Color Designations in the Bashkir Toponymy]. *Voprosy Onomastiki*, 2019. Vol. 16, no. 1, pp. 140–159.
12. Khisamitdinova F. G. *Slovar' Bashkirskoy Mifologii* [Dictionary of Bashkir Mythology]. Ufa, IJAL UC RAS, 2011. 418 p.
13. Shaimerdinova N. G. *Yazyk v Predstavlenii Kartiny Mira Drevnikh Tyurkov* [Language in the Representation of the World Picture of the Ancient Türks]. *Nauchnoye Obozreniye Sayano-Altaya*, 2011, no. 2, pp. 74-78.

SPACE IN THE BASHKIR LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Valieva M. R.

This article analyzes the words and idiomatic phrases of the Bashkir language, expressing space and landscape. In the archaic Bashkir linguistic picture of the world, space is associated with the Universe and infinity. The infinity of space is directed both vertically and horizontally. The vertical worldview of the Bashkirs is associated with atmospheric and cosmic phenomena such as clouds, rain, thunderstorms and heavenly bodies, which gave rise to many mythological plots. Such a worldview arose with the desire to explain the existence of underground waters, caves, pits and cracks on the surface of the earth. The horizontal worldview includes four main sides, where the person himself is in the center of the events taking place, and his movements radiate from himself to all sides and are associated with the concepts of «range» and «reach.» Based on stable phrases representing distance from oneself, 4 types of range have been established: *yaqyn* ‘close’, *ergələ* ‘very close’, *alïθ, jyraq* ‘distant’, *bik alïθ* ‘very distant’. In addition, it is noted that the types of range can be expressed by somatic vocabulary such as *bash osonda* ’overhead’, *qul osonda* ‘at hand’, *kut töböndə* ‘near the *fifth point*’, *küð aldynda* ‘before the eyes’, *tanau (athtynda) osonda* ‘under the nose, on the tip of the nose’, *ajaq athynda* ‘under the feet’ etc. Real and surreal space is found in folklore texts. The article also discusses the nomadic space associated with the concepts of pasture, yurt, watering place, etc. According to the author, the ethnic space is formed on the basis of the universal semantic category *friend or foe*, which divides society into two groups. According to the principle of religious views, two spaces can be distinguished in the Bashkir language: *betheŋ donya* ‘our world’ and *tege donya* ‘the afterlife’.

***Keywords**:* space, Bashkir language, archaic model of the universe.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 20–46.

УДК 811.352.1

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРХАИЗМОВ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА

Пазов С. У., Дахчукова И. А.

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева», Карачаевск, Россия
E-mail: pazov@rambler.ru

Абазинский язык является младописьменным, в силу чего многие вопросы лексикологии не исследованы монографически, в том числе и архаизмы. В статье осуществлена систематизация корпуса архаизмов. На базе более 600 устаревших слов, извлеченных авторами из лексикографических источников, текстов устного народного творчества абазин, художественной и публицистической литературы, а также полевых материалов, проведен анализ их особенностей и классификация архаизмов, выявлены основные причины перехода лексем из активного в пассивный словарный запас. Проведенное исследование подтвердило известное в общей лексикологии положение о том, что основным пусковым механизмом архаизации лексем является снижение уровня функциональной востребованности слова, вследствие утраты актуальности обозначаемого (денотата) этой единицы. На материале архаизмов современного абазинского литературного языка установлено пять групп устаревших слов, имеющих разные причины архаизации.
Процесс перехода слов из активного в пассивный лексический фонд происходит под влиянием как собственно языковых, так и экстралингвистических факторов. Младописьменный характер абазинского литературного языка рассматривается как один из факторов активного процесса архаизации особого пласта лексики, принятого в лингвистическом кавказоведении называть отраслевой лексикой. Предпринята попытка разграничения собственно архаизмов и псевдоархаизмов, создаваемых писателями и поэтами.
Ключевые слова: абазинский язык, абхазский язык, архаизм, словарный запас языка, десемантизация, псевдоархаизм, глаголы лабильной конструкции**.**

ВВЕДЕНИЕ

Лексический фонд языка является основанием, на базе которого проводятся исследования не только по вопросам лексикологии, но и по всем другим уровням языка. Изменения, которые происходят в фонетике, морфологии, морфонологии языка, отражаются на особенностях развития и функционирования лексического фонда. Динамика социально-политической, экономической и культурной жизни народа также накладывает свой отпечаток на лексический состав языка. Результаты исследования устаревшей лексики часто являются ключом, с помощью которого можно определить состояние языка в прошлом и пути его развития. Отраслевой лексике в исследованиях лингвистов-кавказоведов уделяется особое внимание как словам, относящимся в большинстве своем к исконному лексическому фонду языка или группы родственных языков. В абазинском языке так же, как и в других

кавказских языках, слова, относящиеся к отраслевой лексике, в подавляющем своем большинстве имеют давнюю историю, являются одним из важных компонентов словарного состава языка в целом. Отраслевой лексике, как части лексического фонда языка в кавказоведении в XX веке уделялось пристальное внимание. Однако в лингвистическом абазиноведении этот раздел словарного фонда языка изучен недостаточно. Сбор и систематизация лексического материала необходимы как для решения актуальных проблем лексикологии, так и для освещения истории языка и других культурно-исторических вопросов.

Абазинский язык является младописьменным (новописьменным) языком, не имеет многовековой письменной традиции. Стало быть, большой пласт слов, подвергшийся архаизации в разные периоды развития языка, канул в Лету, будучи не зафиксированным в письменных источниках и лексикографических изданиях. Более того, в современном лингвистическом абазиноведении нет серьезных исследований, в том числе и монографических, посвященных архаизмам, историзмам и, в целом, пассивному пласту лексики. Все это и назревшая необходимость инвентаризации этого лексического фонда языка определяют **актуальность** данного исследования**.**

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В целях определения основных лексико-грамматических особенностей архаизмов абазинского языка и их классификации в ходе анализа лексического материала решаются следующие задачи: а) инвентаризация части архаизмов абазинского языка и их систематизация; б) выявление собственно языковых и экстралингвистических факторов архаизации слов абазинского языка; в) классификация устаревших слов по лексическим типам.

Исследование архаизмов абазинского языка проводилось на базе лексикографического материала, извлеченного из существующих словарей, сборников афористической поэзии абазин, средств массовой информации, публикующих материалы на абазинском языке, сборников устного народного творчества, художественных произведений абазинских писателей и поэтов, а также полевого материала, собранного авторами в абазинских селениях в 2011–2019 гг.

Методологической и научно-теоретической базой исследования послужили труды известных языковедов: В. В. Виноградова [11], В. Г. Гака [12], Б. А. Ларина [27], С. И. Ожегова [35], М. И. Фоминой [48], Н. М. Шанского [50], Д. Н. Шмелева [51] и лингвистов-кавказоведов, внесших немалый вклад в становление и развитие лингвистического абазиноведения в целом, в том числе лексикологии и лексикографии абазинского языка: В. А. Амичба [4], С. А. Амичба [5–7], А. Н. Генко [1; 13], Р. К. Гублиа [14], О. П. Дзидзария [15], С. Х. Ионовой [19-20], Р. Н. Клычева [22-25], В. Х. Конджариа [26], К. В. Ломтатидзе [29-31], С. М. Начкебиа [34], Н. Т. Табуловой [43] и другие.

В ходе исследования и анализа собранного лексического материала в работе использованы описательный и сравнительно-исторический методы. Первый использовался, в основном, при классификации архаизмов по лексическим типам, второй был востребован при сравнении абазинских и абхазских лексем, изучении структуры архаизмов, имеющих устаревшие грамматические формы, а также словарных единиц разных диалектов абазинского языка. Во время сбора и систематизации устаревших слов из различных текстов и лексикографических источников был использован метод сплошной выборки. Частично применялись и методы контекстного и количественного анализа.

Абазинский язык относится к младо- (или ново-) письменным языкам. Зачатки лингвистического абазиноведения возникли еще до появления ныне действующей письменности. Первые работы теоретического характера, которые были посвящены отдельным проблемам структуры и особенностей грамматического строя абазинского языка, начали появляться в первой четверти XX века. Однако первыми монографическими исследованиями, в которых были поставлены вопросы изучения лексики, в том числе и устаревшей, абазинского и абхазского языков, стали диссертационные работы С. А. Амичба [5] и В. Х. Конджария [26]. В этих исследованиях впервые системно рассматривается лексический состав обоих диалектов (тапантского и ашхарского) абазинского языка в сравнительном аспекте с аналогичной лексической системой двух диалектов близкородственного абхазского языка. В отдельных случаях анализируются и устаревшие слова абазинских

диалектов, предпринимается попытка их этимологического и словообразовательного анализа. Позже, уже в начале XXI века, В. А. Амичба [4] в докторской диссертации, анализируя большой пласт антропонимов абхазского языка, рассматривает и небольшое количество общих абхазско-абазинских лексических единиц с признаками архаизации.

Вопросы этимологии и структуры устаревших слов становились предметом лингвистического анализа в отдельных статьях Р. Н. Клычева [22-25], Н. Б. Экба [54], С. У. Пазова [36], С. Х. Ионовой [19-20] и других. Они (слова) рассматривались с точки зрения структуры, словообразовательных моделей, происхождения и употребления, определения общих структурных элементов для абхазско-адыгских языков и т.д.

Отдельные архаизмы и историзмы анализируются и в диссертационном исследовании М. Г. Харатоковой [49], в котором основной акцент делается на исторические и социальные аспекты заимствований из разных языков. В последние годы определенное внимание устаревшей лексике в плане установления этимологии отдельных лексических единиц и в связи с исследованием вопросов этногенеза абазин уделяется и в работах Т. А. Муртазова [32].

При наличии такого количества исследований лексики абазинского и абхазского языков в современном лингвистическом абазиноведении до сих пор нет ни одного монографического труда или небольшой специальной работы по проблемам устаревшей лексики абазинского языка, выявлению причин архаизации, вымывания большого числа слов из активного словарного запаса.

Общеизвестно, что язык является системой и как система находится в постоянном и непрерывном обновлении. Самым проницаемым, активным, изменяемым в этом отношении является лексическая система языка. Она раньше других уровней языка реагирует на изменения, происходящие в обществе, и, в соответствии с этими изменениями, происходят различные движения лексического состава. Словарный запас языка может пополняться новыми словами, существующие слова могут приобретать новые значения или менять свои значения на новые, включать в свою систему иноязычные слова и адаптировать их фонетически и

грамматически. Наряду с приобретением новых слов, язык теряет и часть своих лексических единиц, существующих на тот или иной момент времени. Это связано с изменениями в жизни народа – носителя языка, с утратой многих понятий и предметов, характерных для какого-то периода жизни народа, вытеснением традиционно употребляемых лексем новыми словами, в том числе и заимствованными. Исходя из этого состояния «постоянного движения лексического состава, в языке всегда функционируют слова, относящиеся к активному словарному запасу, постоянно используемые в повседневной речи, и слова, вышедшие из каждодневного употребления и поэтому приобретшие архаическую окраску» [9, с. 271] .

С точки зрения частоты употребления тех или иных лексических единиц словарный состав языка делится на несколько групп.

Известный лингвист-лексиколог адыгских языков М. Л. Апажева по этому поводу пишет: «В первую группировку включаются слова, активно употребляющиеся в современном языке и не имеющиеся оттенков новизны и устарелости. Обычно это слова, давно возникшие в языке» [9, с. 271] и поддерживающие язык в успешном выполнении своих функций. Это группа, состоит из общеупотребительных слов, которые понятны для всех носителей данного языка и которые используются активно в повседневной жизни.

«Вторая группировка объединяет слова, по известным причинам воспринимающиеся» носителями этого языка «как устаревшие или устаревающие и играющие в живой сегодняшней их речи пассивную роль, а в словообразовательном отношении не проявляющие активности.

К третьей группе относятся слова, возникшие недавно, имеющие оттенок новизны, свежести и не получившие еще повсеместного распространения в общенародном языке» [9, с. 271–272].

С точки зрения частотности употребления и функциональной активности слова первой группы входят в активный, а второй и третьей групп – в пассивный словарный запас языка.

В современном абазинском языке в первую группу можно включить около 90% лексем, содержащихся в действующих Абазинско-русском [2] и Русско-абазинском [40] словарях. Примерно такое же соотношение имеется и в подготовленном к изданию новом большом Абазинско-русском словаре, содержащем около 100 тысяч словарных статей (архив КЧИГИ).

Примеры общеупотребительной лексики абазинского языка: ***абакIра*** «бороться». *УыгIвза угвы йхъымызтын амшв* ***уабамкIын*** *посл.* «Если не надеешься на своего спутника (товарища), не борись с медведем» [2, с. 25]; ***баца*** «хворостина, лоза, прут» ***Абаца*** *шайдзаркIву йгIауымрыхъварквын, йангIвара йгьуызгIарыхъвахрым* посл. «Если не согнешь прут сырым, то уж сухим и вовсе не согнешь» (соотв.: куй железо, пока горячо) [2, с. 115]; ***дзыхь*** «родник». *Йуыжвуаш* ***адзыхь*** *гьгIацIымцстI посл.* «Родник, из которого ты будешь пить, еще не пробился» (о молодости, о той поре, когда все еще впереди) [2, с. 115]; ***лаба*** «палка». *Ала абыгIвгьи афитI,* ***алабагьи*** *ачхIитI посл.* «Собака и кость есть, и палку терпит» [2, с. 263]; ***хъацIара*** «мужество, храбрость, смелость». ***УхъацIари*** *уынхари ажвлара йдрыхъва, ахъва йылакъауымчIвахын посл.* «Свое мужество и свои дела направляй на пользу общества, а не прячь их в золе» [2, 396] и т.д.

Примеры устаревшей лексики (слова пассивного запаса) абазинского языка: ***алаша*** «мерин, конь» [2, с. 67]. *ЙгIвыджьхузгьи йыцIакIвашауа* ***алаша*** *дукI даквчIван* «И второй сидел на светлом мерине, который все время рвался куда-то» (досл.: танцуя под ним) [1, с. 93]; ***гвыпхьакъвыт*** «плетенная приставная задняя часть арбы (в форме полукруга)» [2, с. 139]; ***гъьаша*** «бурдюк». ***Агъьаша*** *умыртIлакIва йту гьудыррым посл.* «Не развязав бурдюка, не узнаешь его содержимого» [2, с. 144]; джьа «усталость». *Ухъа йтазтын ущапIы* ***джьа*** *гьабарым* посл. «С умной головой ноги не устанут» [2, с. 209] и т.д.

В жизни народа отдельные события, факты, предметы и т.д. исчезают в связи с ненадобностью, невостребованностью, сменой приоритетов. Это, в первую очередь, связано с историческими фактами, изменениями, которые происходят или произошли в прошлом, а также появлением новых явлений, предметов, понятий, которые вытесняют из жизни более старые, не подходящие к новому укладу жизни,

соответствующие образцы. Жизнь стремительно меняется, меняются и слова, обозначающие новые, до этого неизвестные предметы, явления, понятия и т. д. Однако изменение слов происходит не так стремительно. Подобно тому, как память о старинных, ныне не употребляемых в быту, на производстве и других сферах жизни человека, предметах не сразу угасает, так и слова, используемые для их обозначения, еще какое-то время держатся в языке, постепенно переходя в пассивный словарный запас. Они «определенное время сохраняются в современном языке, к ним могут обращаться писатели при создании своих художественных произведений, хотя современное общество в целом уже не испытывает в них особой потребности. Такого рода слова могут быть зафиксированы в различных лексикографических изданиях, посвященных не только специально архаизмам, но также и в общелитературных словарях, напр., толковых с соответствующей стилистической пометой: уст. (арелое) или арх. (аизм)» [21, с. 117].

Встречаются случаи, когда архаизация той или иной группы слов не зависит от того, сколько столетий минуло с тех пор, как ушли из жизни предметы и явления, обозначениями которых являются современные архаизмы. «Многочисленные слова и выражения, которые совсем недавно в вузовских учебниках рассматривались как новые слова … в одночасье стали историзмами, т.е. разновидностью архаизмов, и уже сейчас студенты спрашивают, что такое ***трудодень***, а дети не знают, кто такой ***генеральный секретарь***» (выделено нами. – *И.Д., С. П.*) [21, с. 118]. К таким «новым» архаизмам и историзмам абазинского языка относится большое число советизмов: *райком, партком, генсек, колхоз, совхоз, кооператив, судагьар* «спекулянт», *комсомол* и многие другие.

В современном абазинском языке встречаются и такие архаизмы, которые существуют, функционируют только в составе афоризмов, пословиц, фразеологических единиц и других несвободных словосочетаний и синтаксических конструкций. Аналогичное встречается и в других языках, и, скорее всего, это явление общее для родственных и разноструктурных языков. В своем диссертационном исследовании «Устаревшая лексика в аварском языке» П. У.

Умарова отмечает совершенно такие же проявления архаизмов и историзмов аварского языка [47, с. 12].

Неразложимость общего значения аналогичных конструкций на отдельные значения составных компонентов позволяет сохраниться в их структуре таким словам, которые не функционируют в современном языке отдельно. Значения таких слов порой невозможно установить без глубоких этимологических разысканий. В структуре идиом или идиоматических выражений они являются структурными элементами, компонентами, а не самостоятельными словами. Фразеологические единицы типа *АлахI* ***йшйымагвуз*** */ йшйымагвауызыз* «сильно, крайняя степень какого-нибудь действия» [38, с. 25], *акыт* ***йырмасхIабым*** «тот, кто не похож на других» (соотв.: белый ворон) [38, с. 102], *уыла* ***ачвудзитI*** «очень хороший, красивый» [38, с. 118], ***йгвра*** *йгатI* «понравился, пришелся по душе» [38, с. 44], *йгвы* ***гIватI*** «засомневался» [38, с. 54], *йгвы* ***шIыгъьтI*** «заскучал» [38, с. 70] и другие содержат в своей структуре слова-компоненты, которые сохранились только в этих выражениях. Таковы компоненты ***йшйымагвуз, йырмасхIабым, ачвудзитI, йгвра***, (***й***)***шIыгъьтI***.

В лингвистической теории устаревших слов большинство исследователей выделяет несколько групп архаизмов в зависимости от основной причины, послужившей пусковым механизмом устаревания. Проведенный нами лексический и структурно-грамматический анализ большого корпуса устаревших слов (более 600 словарных единиц) абазинского языка и результаты научных разысканий лингвистов, занимающихся изучением как родственных, так и разноструктурных языков, в том числе и вопросами лексикологии и лексикографии [9; 15; 21; 25; 26, 34; 36; 47; 50] позволили выделить следующие группы устаревших слов:

1) **собственно лексические архаизмы**. Таковыми считаются слова, вышедшие из активного употребления;

2) слова, в которых процессу устаревания подверглось не все слово со всем комплексом структурно-семантических и грамматических особенностей, а лишь отдельное (отдельные) значение лексической единицы. В лингвистической литературе они называются **лексико-семантическими архаизмами**;

3) **лексико-фонетические архаизмы**, которые отличаются от предыдущих тем, что устаревшей, не употребляемой в современном языке является фонетический облик лексемы, а не сама лексическая единица в целом;

4) **лексико-морфологические архаизмы** в чем-то схожи с лексико-фонетическими – у них также архаизации подвергается на все слово, а лишь отдельные морфологические категории и формы;

5) **лексико-словообразовательные архаизмы** являются устаревшими только с точки зрения отдельных словообразовательных элементов или форм образования новой лексической единицы.

Внутри этих групп устаревших слов можно выделить и подгруппы, отличающиеся незначительными характеристиками. Однако считаем целесообразным на данном этапе изучения архаизмов абазинского языка остановиться на вышеприведенной классификации и рассмотреть особенности каждой обозначенной выше группы отдельно.

Среди **собственно лексических архаизмов** в первую очередь выделяются лексемы, которые, как было отмечено выше, являются в большинстве своем исчезнувшими и непонятными, не используемыми в речи большинства носителей абазинского языка. Их употребление зачастую требует пояснений со стороны автора. Таковыми является следующие группы слов:

а) лексические единицы, используемые только в специальных текстах с определенной (например, для характеристики исторических персонажей прошлых эпох) функциональной нагрузкой и активно не употребляемые в современном варианте абазинского литературного языка:

- ***гвабанакь*** «верхняя пастушья одежда из грубой шерсти»,

- ***гIвадза*** «напиток из винограда, похожий на *бахсыма* «буза», но крепче по содержанию алкоголя»,

- ***лихъа*** «деревянные пуговицы на рубашках, которые обычно носили старики»,

- ***майыт*** «серебряные пуговицы»,

- ***маркьа*** «посуда-мерка для крупы, для измерения количества крупы»,

- ***гьаргьан*** «веревка, витая из волос хвоста лошади»,

- ***гвагван*** «металлический кувшин с узким горлышком»,

- ***шарбал*** «домотканое сукно, вид ткани для пошива одежды»,

- ***шындаг*** «толстая льняная, шерстяная нитка»,

- ***квасампIа*** «о́труби»,

- ***къальам*** «перо, ручка». ***Акъальам*** *алшара дупI* «велики возможности пера»,

- ***ткъва*** «крокодил». *Ага удзышыргьи* ***аткъва*** *ахъа гIазтпшуа адзыхь угьзахъалуашым* «Как бы тебя ни одолевала жажда, все равно не сможешь решиться напиться из речки, когда из нее торчит голова крокодила»,

- ***къвыт*** «мука из жареной кукурузы». *Уыла* ***къвыт*** *анхъырпсалуагьи гIаншитI* «Бывает, и тебя обманывают» (досл.: бывает и глаза твои засыпают жареной кукурузной мукой),

- ***квырма*** «узел». ***Аквырма*** *алазрышвыз аквырма артIлахщагьи йдыритI* «Кто завязал узел, тот и знает, как его развязать» и другие;

б) лексемы, которые не функционируют в современном абазинском языке в качестве самостоятельных лексических единиц, а существуют только в составе сложных слов в качестве составного компонента. При этом соответствующие компоненты в структуре слова все еще воспринимаются как бывшие самостоятельные слова, потерявшие свое значение (содержательную часть) в современном абазинском языке:

- ***жвчвамгIа*** «обувь из кожи» (досл.: из кожи крупного рогатого скота),

- ***мшражв*** «запретный день недели»,

- ***чIвдзы*** «жидкость от прокисшего молока»,

- ***гIвнакъвыт*** «прислуга у госпожи» и т.д.;

в) лексические единицы, подвергшиеся десемантизации на синхронном уровне современного абазинского языка, но все еще встречающиеся в составе фразеологических единиц, пословиц, образцов афористической поэзии абазин как структурные компоненты:

- *АлахI* ***йшйымагвуз*** «сильно, крайняя степень какого-нибудь действия»,

- *акыт* ***йырмасхIабым*** «тот, кто не похож на других» (соотв.: белый ворон),

- *уыла* ***ачвудзитI*** «очень хороший, красивый»,

- ***йгвра*** *йгатI* «понравился, пришелся по душе»,

- *йгвы* ***гIватI*** «засомневался»,

- *йгвы* ***шIыгъьтI*** «заскучал».

Все вышеприведенные лексические единицы на уровне современного абазинского языка никакого отношения к активному словарному запасу литературного языка не имеют. Они являются словами, составляющими пассивный пласт лексики, а также фактами предшествующих формаций в становлении абазинского народа и более ранних периодов развития абазинского языка.

Аналогичные слова большей частью употребляются в языке художественной литературы и служат для стилизации, придания правдоподобности языку исторических персонажей, религиозных деятелей и т.д. Этот пласт лексических единиц в настоящее время не употребляется, большей частью и вовсе забыты, но слова этой группы одновременно являются и богатством абазинского языка, средством воспроизведения ситуаций давнопрошедших лет. К ним должен быть особый подход, который сможет сохранить эту часть лексики от полной утраты.

Лексико-семантические архаизмы представлены как обычно словами, отличающимися от вышеприведенных тем, что не полностью подверглись забвению, а потеряли одно или несколько своих значений, т.е. круг номинативных возможностей таких слов стал более узким. Функционируя в составе активного словаря современного абазинского языка, такие слова уже не могут одинаково активно использоваться во всех своих значениях, которыми была представлены раньше. Это бывшие многозначные слова, которые в ходе исторического развития языка потеряли одно или несколько значений и употребляются в современном абазинском языке в большинстве случаев в одном значении. Отдельные значения аналогичных слов перешли в пассивный словарный запас языка или исчезли совсем. Сложность установления таких словарных единиц для абазинского языка заключается в том, что здесь (у абазинского языка) не было многовековой письменной традиции и устаревшее слово или его уже невостребованное значение быстро исчезало полностью после перехода в пассивный запас. Тем не менее, лексико-семантические архаизмы имеются в современном абазинском языке и

занимают свою нишу в структуре устаревшего словарного фонда языка. Таковыми являются:

- ***хIатыкъ*** а) «кукурузная лепешка, чурек», б) «минимальное пропитание»,

- ***хърыгIвпа*** а) «шелуха от рушенного проса», б) «ничего», «что-то, что не имеет никакой цены», в) «что-то бросовое»,

- ***кIвымгъьара*** а) «стая ворон», б) «скопление молодых людей, издающих большой шум (шантрапа)».

Первый пример в современном абазинском языке используется в значении «кукурузная лепешка, чурек». Второе значение уже почти не употребляется. Представляет интерес и такой факт, что из двух приведенных выше значений слова ***хIатыкъ*** более значимым и древним является именно первое значение, второе является производным (с помощью образного переосмысления) от первого. То же самое наблюдается и во втором случае – ***хърыгIвпа*** сегодня более употребительна в значении «шелуха от рушенного проса», хотя и в этом случае частотность употребления данного слова не высока. В третьем примере, наоборот, слово ***кIвымгъьара*** в значении «стая ворон» почти уже не употребляется, а значение «скопление молодых людей, издающих большой шум (шантрапа)», возникшее, скорее всего, позже, используется чаще, хотя тоже имеет весьма низкую частотность употребления.

Лексико-словообразовательные архаизмы представлены словами, у которых словообразовательная модель является устаревшей, словообразовательные элементы в таких словах для современного абазинского языка не являются уже продуктивными и активными:

– ***шахIат-лыкъ*** «свидетельство, свидетельские показания, удостоверяющий документ», «свидетель». Данная лексема образована от слова *шахIат* «свидетель» с помощью аффикса -*лыкъ,* оба структурных элемента являются заимствованиями. При этом словообразовательный элемент *лыкъ* встречается и в некоторых других словах (**намаз-лыкъ** «молитвенный коврик», **баш-лыкъ** «башлык»). Однако на уровне современного абазинского языка он уже не выполняет сколь-нибудь активной

деривационной функции. В настоящее время этот словообразовательный элемент сохранился в языке в заимствованных словах;

– ***акъыль-сыз*** «безумец, безумный». В данном случае так же, как и в предыдущем, и слово, и словообразовательный элемент ***-сыз*** в значении «без (чего-либо)» являются заимствованными. Таковыми является еще ряд слов с такой же структурой: ***бет-сыз*** «бессовестный», ***кърар-сыз***, «человек, не умеющий держать слово, выполнять обещание; тот, кому нельзя верить», ***уыгIвыр-сыз*** «злой, злополучный, несчастливый», ***насып-сыз*** «несчастный, несчастливый» и т.д. Представляет интерес и такой факт, что в современном абазинском языке наряду с этими формами, которые заимствованы из тюркских (или посредством тюркских) языков, существуют для обозначения примерно таких же значений и имеющих такую же структуру заимствования из адыгских языков, например, ***наспы-нтша*** «несчастный, бедный». Более того, рядом с этими, синонимичными словами, заимствованными из разных языков, существуют и лексемы, образованные исконными словообразовательными элементами от той же лексической единицы с теми же значениями: ***акъылъы-да*** «безумец, безумный», ***акъылъы-да-хара*** «становиться глупым, обезуметь, поглупеть», ***насыпы-да*** «несчастный, бедняга» и т.д. Более активным в данном случае является исконно абазинский словообразовательный элемент ***-да*** «без чего-то». Этот же аффикс активно употребляется и во многих абазинских словах как аффикс «лишения»: ***хъа-да*** «без головного убора, без шапки», ***цIгIва-да*** «без дна, бездонный, очень глубокий», ***нчва-да*** «безбожник», ***нха-да*** «бездельник» и т.д.;

– ***ашIаргъва*** (вместо: ***агъвра***) «уздечка», ***Баз-хIа*** (вместо: ***Баз-пхIа***) «Базова» (фамилия) и т.д.

Лексико-фонетические архаизмы, как уже было сказано выше, отличаются устаревшим фонетическим обликом. Причиной устаревания могут быть многие факторы, в том числе а) спонтанные фонетические процессы языка, в результате чего отдельные звуки, видоизменяясь, придают слову новое звуковое обличие, б) иноязычное влияние или диалектные особенности:

а) фонетический процесс аффрикатизации переднеязычных билабиальных смычных в абазинском языке привел к появлению сразу нескольких вариантов одного и того же слова: ***уд'вылцI = уджвылцI*** «выйди», ***т'ва*** = ***чва*** «сено», ***утI'ва = учIва*** «садись» и т.д. Рефлексы, полученные в результате аффрикатизации: *уджвылцI* «выйди», *чва* «сено», *учIва* «садись» являются активными и частотность их употребления в современном абазинском языке высока. Исходные варианты почти уже не встречаются, разве что в диалектах и абхазском языке [29, с. 222–223];

б) палатализация латерального **л** в языке турецких абазин, которые говорят на том же абазинском литературном языке: ***члахIвара = чл'ахIвара (чльахIвара)*** «ножная ступка», ***лара = л'ара (льара)*** «она» и др. [7, с. 156]:

в) перестановка звуков в структуре слова: ***дзбылга = дзгылба*** «коромысло», ***гIвымсарга = мыгIвсарга*** «веник», ***хщрып*** = ***щхрып*** «серп» и др.

Лексико-морфологическая группа **архаизмов** абазинского языка отличается от предыдущих тем, что архаизации подвергается отдельная морфологическая категория или форма выражения этой категории. В современном абазинском языке расшатанное состояние грамматической категории класса и связанные с ними явления стали благодатной почвой для появления морфологических архаизмов. Таковы, например, различное оформление (и использование) классно-личных аффиксов ряда **D** (ряда номинатива) и ряда **L** (ряда эргатива): ***пхIакI лымапI*** вместо ***пхIакI длымапI*** «у нее есть одна дочь», ***сахща йхIвитI*** «Он говорит: сестра моя» вместо ***сахща йлхIвитI*** «моя сестра говорит» и др.

Рассматривая особенности лексико-грамматических архаизмов абазинского языка, следует уделить особое внимание отдельным грамматическим формам глагола в структуре некоторых фразеологических единиц абазинского языка – консервативность фразеологизмов (идиоматических оборотов) выражается в данном случае не только в том, что в их структуре до сих пор встречаются лексические единицы, давно неизвестные современному абазинскому языку, но и в сохранении грамматических категорий, грамматических форм, не используемых в современном языке, например, форма лабильного варианта ныне стабильного непереходного глагола *чара* «есть», «кушать» [36]. Дело в том, что в современном абазинском языке

глагол *чара* «есть» является одноличным непереходным финитным динамическим глаголом. Слово *чара* «есть» в структуре вышеприведенной фразеологической единицы не может быть одноличным, поскольку в нем содержатся два классно-личных аффикса третьего лица **й-**: первый формант (аффикс ряда номинатива) соотносится со словом *хIарам* «не по ритуалу зарезанное жертвенное животное», второй (аффикс ряда эргатива) согласуется с материально не представленным подлежащим, которое выражено личным местоимением **йара** (третье лицо, единственное число, класс мужчин) или соотносимым с ним именем существительным. Стало быть, слово ***й-й-фатI*** «съел» в структуре фразеологизма является двухличным, переходным финитным динамическим глаголом. Известно, что глагол во всех абхазско-адыгских языках раньше имел лабильную конструкцию, т.е. в зависимости от ситуации, от структуры предложения он мог реализовать то переходный (транзитивный), то непереходный (интранзитивный) вариант. Развитие языков привело к стабилизации лабильных глаголов, т.е. глагол становился или переходным, или непереходным. Абсолютное большинство глаголов в абхазско-адыгских языках (в том числе и абазинском) сегодня имеет стабильную конструкцию. Однако и сегодня немало глаголов, у которых сохранился лабильный вариант. В данном случае фразеологизм *хIарам йчатI* «обманул, соврал, поступил нечестно» (досл. «съел мясо, не по ритуалу зарезанного животного») сохранил переходный вариант глагола (*й)йчатI* «съел». Для современного абазинского языка это грамматический архаизм.

Таким образом, архаичными слова становятся потому, что они вышли из употребления в силу различных причин, основными из которых можно назвать следующие: а) их вытеснили другие исконные или заимствованные слова, б) устарела их форма (фонетическая, морфологическая, словообразовательная), в) бывшее значение (или значения) слова потеряло свою актуальность в современной жизни.

При этом необходимо отметить, что устаревшие слова, в том числе и архаизмы, в современном абазинском языке часто востребованы в произведениях устного народного творчества и художественной литературе.

Наши наблюдения и анализ текстов абазинского устного народного творчества и художественной литературы привели к выводу, что наиболее активно архаизмы используются в повестях и романах К. С-Г. Джегутанова, особенно в его дилогии «Хьапщ джьуар» («Золотой крест») [16] и «Лаба» («Лаба») [17]. Особый возвышенный тон повествованию придают архаизмы произведениям абазинского фольклора («Кына йпхIа Минат «Дочь Кыны Минат» (песня-плач) [10], «Гващагъагъ» [8, с. 101] (песня-плач), а также широко известному эпосу «Нарты» [33]) и т.д. Известный абхазский историк, этнограф и лингвист Ш. Д. Инал-Ипа по этому поводу сказал, что «Нартский эпос очень древний, едва ли не самый архаичный по типологии эпос в мире; это древнейший памятник поэтической культуры, пользующийся огромной популярностью и рассказывающий о героическом прошлом народа» [18, с. 595]. Архаизмы и историзмы играют немаловажную роль в характеристике образов героев этого эпоса. Исследователь лексики абхазского и абазинского языков С. А. Амичба добавила к тому, что было сказано, следующие слова: «В лексике абхазского (соотв.: абазинского) Нартского эпоса можно отыскать лексические единицы, пережившие века» [7, с. 97].

При этом надо иметь в виду, что часть слов, похожих по всем своим характеристикам на архаизмы, таковыми не являются. Они относятся к пассивному запасу языка, но созданы писателями и поэтами по образу и подобию устаревших слов и не так давно. Они выполняют функцию изображения жизни, быта, общественно-политического положения прошлого. Однако аналогичные слова являются авторскими неологизмами или псевдоархаизмами.

Необходимо отметить, что в силу младописьменного характера абазинского литературного языка понятие «архаизм» или «устаревшее слово» для разных поколений абазин бывает разным. Отраслевая лексика, которой в кавказоведении в прошлом веке уделялось много внимания, является ярким подтверждением такого положения. Многие слова таких отраслей, как земледелие, скотоводство, лексика швейного дела, слова, связанные с названиями народных игр и их элементами и т.д. в абазинском языке, безусловно, являются архаизмами для современной молодежи, тогда как для старшего поколения большинство этих слов все еще употребительны и

находятся в активном словарном запасе. На наших глазах большой пласт отраслевой лексики переходит в пассивный словарь. Исследование этой проблемы представляется интересным и перспективным в дальнейшем.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования собран и подвергнут анализу определенный пласт (более 600 слов) устаревших лексических единиц абазинского языка, который до сих пор не был предметом специального изучения. Предпринята попытка их систематизации, классификации и выявления основных причин перехода большого корпуса некогда активно употребляемых лексем, из активного в пассивный словарный запас. Исследуемый материал подтвердил известное в лингвистической теории положение о том, что основным пусковым механизмом архаизации лексической единицы является снижение ***уровня функциональной востребованности слова, вследствие утери актуальности обозначаемого (денотата) этой единицы. Значение слова теряет свою актуальность в повседневной жизни народа – носителя абазинского языка, частотность употребления слова падает, и в, конечном итоге, словарная единица выпадает из активного словарного запаса или полностью из языка.*** Надо полагать, что многие такие слова для современного абазинского языка безвозвратно утеряны. Это притом что каждая лексическая единица является в определенной мере источником истории народа, его культуры, материалом для восстановления и изучения быта, образа жизни, материальной и духовной культуры абазин и, в определенной мере, их соседей. Исчезновение определенного лексического пласта языка – это потеря источника изучения истории и культуры народа. Именно поэтому, в первую очередь, необходимо обратить особое внимание на сохранение такого богатство народа, как язык, в том числе и устаревший лексический фонд.

Абазинский язык относится к младописьменным языкам, он не имеет многовековой письменной традиции. Поэтому бóльшей части устаревающей лексики суждено было постепенно переходить в пассивный словарный запас, позже вовсе выпасть навсегда из словарного фонда. Отдельные такие слова все еще возможно восстановить с помощью сравнительно-исторического анализа лексических единиц родственных языков и их диалектов, а также изучая письменные источники древних народов, с которыми соприкасались абазины.

Архаизмы современного абазинского языка в зависимости от причины их перехода из активного в пассивный словарный запас подразделяются на несколько групп: а) ***собственно лексические архаизмы***; б) ***лексико-семантические архаизмы***; в) ***лексико-фонетические архаизмы***; г) ***лексико-морфологические архаизмы***); д) ***лексико-словообразовательные архаизмы***.

Процесс перехода слов из активного в пассивный запас языка происходит под влиянием как собственно языковых, так и экстралингвистических факторов. При формировании устаревших слов, называемых в лексикологии историзмами, основанием архаизации являются в большей степени экстралингвистические факторы: смена общественно-экономических формаций, средств производства, исторические изменения в образе жизни общества, человека и связанные с ними понятия и т.д. Перераспределение лексического состава языка из активного в пассивный запас зависит и от степени влияния на него контактирующих с ним как родственных, так и других разноструктурных языков.

Список литературы

1. Абазинские материалы А. Н. Генко [Текст] / Издание подготовили З. Д. Джапуа и П. К. Чекалов. – Сухум : Academia, 2019. – 464 с.
2. Абазинско-русский словарь [Текст] / под ред. В. Б. Тугова. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 536 с.
3. Аджибеков А. С. Названия растений. Словарь-справочник [Текст] / А. С. Аджибеков. – Карачаевск : КЧГУ, 2006. – 55 с.
4. Амичба В. А. Словарь личных имен абхазов: абхазско-русский, русско-абхазский [Текст] / В. А. Амичба. – Сухум : АГУ, 2012. – 603 с.
5. Амичба С. А. Лексика тапантского диалекта по сравнению с лексикой абжуйского и бзыбского диалектов абхазского языка [Текст] : автореф. дис. … канд. филол наук : 10.02.02 / В. А. Амичба. – Тбилиси, 1969. – 18 с.
6. Амичба С. А. Вопросы абхазско-абазинских языков [Текст] / С. А. Амичба. – В 3-х томах. – Т. II. – Сухум: АГУ, 2013. – 216 с.
7. Амичба С. А. Вопросы абхазско-абазинских языков [Текст] / С. А. Амичба. – В 3-х томах. – Т. III. – Сухум: АГУ, 2013. – 304 с.

8. Антология абазинской поэзии XX века. В двух томах [Текст] / Составитель М. Чикатуев. Т. I. – Черкесск – Минеральные Воды, 604 с.
9. Апажев М. Л. Современный кабардино-черкесский язык. Лексикология. Лексикография [Текст] / М. Л. Апажев. – Нальчик : Эльбрус, 2000. – 408 с.
10. Батал Къ. Абазаква рашва фольклор йауата. Кына йпхIа Минат [Текст] / Батал Къ. – Къарча къ. : КЧГУ, 2016. – Н. 151.
11. Виноградов В. В. Избранные труды / Исследования по русской грамматике [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 558 с.
12. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
13. Генко А. Н. Абазинский язык. Грамматический очерк. Наречие Тапанта [Текст] / А. Н. Генко. – М.: Издательство АН СССР, 1955. – 204 с.
14. Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии [Текст] / Р. К. Гублиа. – Сухум : АГУ, 2013 . – 330 с.
15. Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков [Текст] / О. П. Дзидзария. – Сухум : АГУ, 2009. – 334 с.
16. Джьгватан Къ. Хьапщ джьуар [Текст] / Джьгватан Къ. – Черкесск : Ставрополь гIвырагIацIщтырта. Къарча-Черкес хъвшара, 1981. – Н. 343.
17. Джьгватан Къ. Лаба [Текст] / Джьгватан Къ. – Черкесск : Ставрополь гIвырагIацIщтырта. Къарча-Черкес хъвшара, 1983. – Н. 184
18. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки [Текст] / Ш. Д. Инал-ипа. – Сухуми : Абгосиздат, 1960. – 448 с.
19. Ионова С. Х. Абазинская топонимия [Текст] / С. Х. Ионова. – Черкесск : КЧНИИ ИФЭ, 1992. – 270 с.
20. Ионова С. Х. Абазинские фамилии и имена [Текст] / С. Х. Ионова. – Черкесск : КЧИГИ, 2006. – 480 с.
21. Кабардино-черкесский язык [Текст] /под ред. М. А. Кумахова. – В 2-х томах. Т. II. – Нальчик : издательский центр «Эль-Фа», 2006. – 520 с.

22. Клычев Р. Н. О старом названии вина в абазинском языке [Текст] / Р. Н. Клычев // Абазинский литературный язык. Поиски и находки. – Черкесск : ТОО «Аджьпа», 2000. – С. 29–33.
23. Клычев Р. Н. К структуре глагольной основы КІВ + корень + Ш в абазинском языке [Текст] / Р. Н. Клычев // Абазинский литературный язык. Поиски и находки. – Черкесск : ТОО «Аджьпа», 2000. – С. 34–39.
24. Клычев Р. Н. К структуре абазино-абхазских отглагольных имен с превербами [Текст] / Р. Н. Клычев // Абазинский литературный язык. Поиски и находки. – Черкесск : ТОО «Аджьпа», 2000. – С. 45–50.
25. Клычев Р. Н. О лексикализации эквивалентных превербов в абазино-абхазских диалектах [Текст] / Р. Н. Клычев // Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей. – Грозный, 1987.
26. Конджария В. Х. Лексика ашхарского диалекта по сравнению с лексикой абжуйского и бзыбского диалектов абхазского языка [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / В. Х. Конджария. – Тбилиси, 1969. – 20 с.
27. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание : Избр. работы [Текст] / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 224 с.
28. Лафишев П. И. Абазинско-русско-латинский биологический словарь [Текст] / П. И. Лафишев. –Черкесск, 2000. – 336 с.
29. Ломтатидзе К. В. Тапантский диалект абхазского языка [Текст] / К. В. Ломтатидзе. – Тбилиси : Издательство АН Груз. ССР, 1944. – 236 + 146 с. (с текстами).
30. Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов [Текст] / К. В. Ломтатидзе. – Тбилиси : Издательство АН Груз. ССР, 1954. – 351 с. (с текстами).
31. Ломтатидзе К. В. Абазинский язык [Текст] / К. В. Ломтатидзе //Языки народов СССР. Т.4. – М. : Наука, 1967. – С. 123–144.
32. Муртазов Т. А. Атабаски, абаски, баски. Абхазо-абазинский язык сино-кавказской макросемьи в аспектах палеолингвистики [Текст] / Т. А. Муртазов. – Пятигорск : ООО «Издательство «Колиблри», 2013. – 278 с.

33. НартыргIа. Абаза уагIа рэпос [Текст] /АгIацIщтра йазызрыхIазырыз Мерымкъвыль В. Н. (в абазинском языке фамилия ставится впереди, а имя и отчество следуют за ними) йакIвпI. – Черкесск, 1975. – Н. 336.
34. Начкебиа С. М. Лексика народной медицины в абхазском языке [Текст] / С. М. Начкебиа. – Сухум : АБИГИ АНА, 2013 – 248 с.
35. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов /под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М. : Мир и образование, 2015. – 1375 с.
36. Пазов С. У. О глаголе *чара* «есть» в структуре фразеологизма *хIарам йчатI* [Текст] / С. У. Пазов // 1 Международный симпозиум кавказоведов : Тезисы докладов. – Тбилиси : АН ГССР, 1991. – С. 70-71.
37. Первый словарь абхазского языка В. П. Романова [Текст] / В. П. Романов / подготовлен к изданию Т. Гванцеладзе. – Тбилиси : Некери, 2014. – 156 с.
38. ПIаз Сергей. Абаза бызшва афразеология ажвар [Текст] / ПIаз С. – Черкесск : Къарча-Черкес республика гIвырагIацIщтырта, 1994. – Н. 272.
39. Романов В. П. Абазинской словарь [Текст] / В. П. Романов / подготовлен к изданию А. Ч. Абазовым.. – Сухум : Дом печати, 2016. – 172 с.
40. Русско-абазинский словарь [Текст] / под ред. Х. Д. Жирова и Н. Б. Экба. – М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1956. – 647 с.
41. Русско-абазинский словарь общественно-политической терминологии [Текст] / под ред. Кишмахова М. Ю. – Черкесск : Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1983. – 192 с.
42. Смыр Л. Х. Абазинско-русский словарь названий растений [Текст]. – Черкесск : КЧРИПКРО, 1999. – 96 с.
43. Табулова Н.Т. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология [Текст] / Н. Т. Табулова. – Черкесск : Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976. – 352 с.
44. Табулова Н. Т. Афористическая поэзия абазин [Текст] / Н. Т. Табулова. – Черкесск : КЧНИИ, 1977. – 144 с.
45. Тобыль Нурйа. Абаза бызшва аорфография ажвар [Текст] / Тобыль Н. – Черкесск : КЧР гIвырагIацIщтырта, 1972. – Н. 336.

46. Тобыль Нурйа. ТIапIанта-щхъарауа щхъарауа-тIапIанта ажвар. – Черкесск : Къарча-Черкес республика акъраль гIвырагIацIщтырта, 1999. – Н. 96.
47. Умарова П. У. Устаревшая лексика в аварском языке [Текст] : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.02 / П. У. Умарова. – Махачкала, 2013. – 22 с.
48. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология [Текст] / М. И. Фомина. – Изд. 3-е. – М. : Высшая школа, 1990. – 415 с.
49. Харатокова М. Г. Социолингвистические основы заимствования в абазинском языке [Текст] : автореф. дисс. … докт. филол. наук. – Нальчик, 2014. – 46 с.
50. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка: учебное пособие [Текст] / Н. М. Шанский. – М. : URSS : Либроком, 2009. – 305 с.
51. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.
52. Шхаева Е. М. Абазинско-русский словарь синонимов [Текст] / Е. М. Шхаева. – Карачаевск : КЧГУ, 2010. – 112 с.
53. Шхаева Е. М. Абазинско-русский словарь омонимов [Текст] / Е. М. Шхаева. – Карачаевск : КЧГУ, 2013. – 232 с.
54. Экба Н. Б. Этимология слова «ПСЫ» в языках абхазско-адыгской группы [Текст] // Алашара. – Сухуми, 1976, №1. – С. 75–77.

References

1. *Abazinskie Materialy A. N. Genko* [Abaza Materials of A. N. Genko]. Edition prepared by Z. D. Dzhapua and P. K. Chekalov. Sukhumi: Academia Publ., 2019. 464 p.
2. *Abazinsko–russkii Slovar`* [Abaza–Russian Dictionary] Ed. by V. B. Tugov. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1967. 536 p.
3. Adzhibekov A. S. *Nazvaniya Rastenii. Slovar–Spravochnik* [Names of Plants. Glossary]. Karachayevsk: KCHSU Publ., 2006. 55 p.
4. Amichba V. A. *Slovar Lichnykh Imen Abkhazov: Abkhazsko–Russkii, Russko–Abkhazskii* [Dictionary of Proper Names of the Abkhaz. Abkhazian–Russian, Russian–Abkhazian]. Sukhum: ASU Publ., 2012. 603 p.

5. Amichba S. A. *Leksika Tapantskogo Dialekta po Sravneniyu s Leksikoi Abzhuiskogo i Bzybskogo Dialektov Abkhazskogo Yazyka: Avtoreferat dis. … Kand. Filol Nauk* [The Lexicon of the Tapant Dialect Compared to the Lexicon of the Abjuy and Bzyb Dialects of the Abkhazian Language. Abstract of Thesis]. Tbilisi, 1969. 18 p.
6. Amichba S. A. *Voprosy Abkhazsko–Abazinskih Yazykov. T. II* [Issues of the Abkhazian–Abaza Languages], Vol. II, Sukhum, 2013, 216 p.
7. Amichba S. A. *Voprosy` Abkhazsko–Abazinskih Yazy`kov. T. III* [Issues of the Abkhazian–Abaza Languages], Vol. III, Sukhum, 2013, 304 p.
8. *Antologiya Abazinskoi poe`zii XX Veka. V Dvukh Tomah. T. I* [Anthology of the Abaza Poetry of the 20th Century]. In Two Volumes. Vol. I. Compiled by M. Chikatuev. 604 p.
9. Apazhev M. L. *Sovremennyi Kabardino–Cherkesskii Yazyk. Leksikologiya.* [Modern Kabardino–Circassian Language. Lexicology. Lexicography]. Nalchik: Elbrus Publ., 2000. 408 p.
10. Batal K'. *Abazakva Rashva Folklor Iauata. Kyna Ipkhia Minat.* [From Abaza Song Folklore. Daughter of Kyna Minat]. Karachaevsk: KCHSU Publ., 2016. 151 p.
11. Vinogradov V. V. *Izbrannye Trudy /I ssledovaniya po Russkoi Grammatike*. [Selected Works. Research on Russian Grammar]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 558 p.
12. Gak V. G. *Sopostavitelnaya Leksikologiya*. [Comparative Lexicology]. Moscow: Mezhdunar Relations Publ., 1977. 264 p.
13. Genko A. L. *Abazinskii Yazyk. Grammaticheskii Ocherk. Narechie Tapanta*. [Abaza Language. Grammatical Essay. Tapanta Dialect]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 204 p.
14. Gublia R. K. *Ocherki po Abkhazskoi Jetimologii*. [Essays on Abkhazian Etymology]. Sukhum: ASU Publ., 2013, 330 p.
15. *Dzidzariya O. P. Istoriko-Jetimologicheskii Analiz Otraslevoi Leksiki Abkhazo–Adygskikh Yazykov*. [Historical and Etymological Analysis of the Branch Vocabulary of the Abkhazian–Adygian Languages]. Suhum: ASU Publ., 2009. 334 p.
16. Dzhgvatan Kali. *Hapshh Dzhuar* [Golden Cross]. Cherkessk: Stavropol Book Publishing House. Karachay–Cherkess branch Publ., 1981.

17. Dzhgvatan Kali. *Laba*. [Laba]. Cherkessk: Stavropol Book Publishing House. Karachay–Cherkess Branch Publ., 1983. 184 p.
18. Inalipa Sh. D. *Abkhazy. Istoriko-Jetnograficheskie Ocherki*. [Abkhazians. Historical and Ethnographic Essays]. Sukhumi: Abgosizdat Publ., 1960. 448 p.
19. Ionova S. Kh. *Abazinskaya Toponimiya* [Abaza Toponymy]. Cherkessk: KCHIGI Publ., 1992, 270 p.
20. Ionova S. Kh. *Abazinskie Familii i Imena.* [Abaza Surnames and Names]. Cherkessk: KCHIGI Publ., 2006. 480 p.
21. *Kabardino–Cherkesskii Yazyk* [The Kabardino–Circassian Language]. Ed. by M. A. Kumakhov. In 2 volumes. Vol. I1. Nalchik: Publishing Center El-FA Publ., 2006. 520 p.
22. Klychev R. N. *O Starom Nazvanii Vina v Abazinskom Yazyke* [About the Old Name of Wine in the Abaza Language]. *Abazinskii Literaturnyi Yazyk. Poiski i Naxodki*. Cherkessk: Aipa LLP Publ., 2000, pp. 29–33.
23. Klychev R. N. *K Strukture Glagolnoi Osnovy KIV + Koren + Sh v Abazinskom Yazyke* [To the Structure of the Verbal Basis KIV + Root + Sh in the Abaza Language]. *Abazinskii Literaturnyi Yazyk. Poiski i Naxodki*. Cherkessk: Aipa Publ., 2000, pp. 34–39.
24. Klychev R. N *K Strukture Abazino–Abkhazskih Otglagolnykh Imen s Preverbami* [To the structure of Abaza–Abkhaz verbal names with preverbal]. *Abazinskii Literaturnyi Yazyk. Poiski i Naxodki*. Cherkessk: Aipa LLP Publ., 2000, pp. 45–50.
25. Klychev R. N. *O Leksikalizatsii Jekvivalentnykh Preverbov v Abazino-Abxazskikh Dialektakh* [On Lexicalization of Equivalent Preverbs in Abaza-Abkhazian Dialects]. *Problema Leksicheskogo Sostava Dialektov i Razrabotka Dilalektnykh Slovarei.* Grozny, 1987.
26. Kondzhariya V. Kh. *Leksika Ashkharskogo Dialekta po Sravneniyu s Leksikoi Abzhuiskogo i Bzybskogo Dialektov Abkhazskogo Yazyka: Avtoref. Dis. … Kand. Filol. Nauk*. [Lexicon of the Ashkhar Dialect in Comparison with the Lexicon of the Abjuy and Bzyb Dialects of the Abkhazian Language. Abstract of Thesis]. Tbilisi: GSSR Institute of Linguistics Publ., 1969. 20 p.

27. Larin B. A. *Istoriya Russkogo Yazyka i Obshchee Yazykoznanie: Izbr. Raboty* [History of the Russian Language and General Linguistics. Selected Works]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1977. 224 p.
28. Lafishev P. I. *Abazinsko–Russko–Latinskii Biologicheskii Slovar.* [Abaza–Russian–Latin Dictionary]. Cherkessk, 2000. 336 p.
29. Lomtatidze K. V. *Tapantskii Dialekt Abkhazskogo Yazyka.* [Tapant Dialect of the Abkhazian Language]. Tbilisi: Academy of Sciences Publ., 1944. 236 + 146 p.
30. Lomtatidze K. V. *Ashkharskii Dialekt i Ego Mesto Sredi Drugikh Abxkhazsko–Abazinskikh Dialektov* [Ashkhar Dialect and its Place Among other Abkhazian–Abaza Dialects]. Tbilisi, 1954. 351 p.
31. Lomtatidze K. V. *Abazinskii Yazyk* [The Abaza Language]. *Yazyki Narodov SSSR*, Vol. 4, Moscow: Nauka Publ., 1967, pp. 123–144.
32. Murtazov T. A. *Atabaski, Abaski, Baski. Abkhazo–Abazinskii Yazyk Sino–Kavkazskoi Makrosemi v Aspektakh Paleolingvistiki*. [Athabaski, Abaski, Baski. Abkhazo–Abaza Language of the Sino–Caucasian Macrofamily in Aspects of Paleolinguistics]. Pyatigorsk: Koliblri Publishing House Publ., 2013. 278 p.
33. *NartyrgIa. Abaza UagIa Repos.* [Narty. Abaza Folk Epic]. Compiled by V. N. Maremkulov. Cherkessk, 1975. 336 p.
34. Nachkebia S. M. *Leksika Narodnoi Mediciny v Abkhazskom Yazyke*. [Lexicon of Folk Medicine in the Abkhazian Language]. Sukhum: ABIGI ANA Publ., 2013, 248 p.
35. Ozhegov S. I. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Under the General Editorship of L. I. Skvortsova. Moscow: Mir i Obrazovanie Publ., 2015. 1375 p.
36. Pazov S. U. *O Glagole Chara Est v Strukture Frazeologizma Haram Ichat* [On the Verb *Chara* (Eat) in the Structure of Phraseology *Haram Ichat*]. 1 Mezhdunarodnyi Simpozium Kavkazovedov: Tezisy Dokladov. Tbilisi, 1991, pp. 70–71.
37. *Pervyi Slovar Abkhazskogo Yazyka V. P. Romanova* [The First Dictionary of the Abkhazian Language by V. P. Romanov]. Prepared for Publication by T. Gvantseladze. Tbilisi, 2014. 156 p.

38. Paz S. *Abaza Byzshva Afrazeologiya Azhvar* [Phraseological Words of the Abaza Language]. Cherkessk, 1994. 272 p.
39. Romanov V. P. *Abazinskoi Slovar* [Abazian Dictionary]. Prepared for Publication by A. Ch. Abazov. Sukhum: House of Printing Publ., 2016. 172 p.
40. *Russko–Abazinskii Slovar* [Russian–Abaza Dictionary]. Edited by H. D. Zhirov and N. B. Ekba. Moscow: State Register of Foreign and National Dictionaries Publ., 1956. 647 p.
41. *Russko-Abazinskii Slovar Obshhestvenno–Politicheskoi Terminologii* [Russian–Abaza Dictionary of Socio–Political Terminology]. Edited by M. Yu. Kishmakhov. Cherkessk. 1983. 192 p.
42. Smyr L. Kh. *Abazinsko–Russkii Slovar Nazvanii Rastenii*. [Abazian–Russian Dictionary of Plant Names]. Cherkessk: KCHRIPKRO Publ., 1999. 96 p
43. Tabulova N. T. *Grammatika Abazinskogo Yazyka. Fonetika i Morfologiya.* [Grammar of the Abaza Language. Phonetics and Morphology]. Cherkessk: Karachay–Cherkess Branch of Stavropol Book Publishing House Publ., 1976. 352 p.
44. Tabulova N. T. *Aforisticheskaya Poeziya Abazin* [Abazin Aphoristic Poetry]. Cherkessk, 1977. 144 p.
45. Tobyl Nuria. *Abaza Byzshva Aorfografiya Azhvar*. [Spelling Dictionary of the Abaza Language]. Cherkessk: Karachay–Cherkess Republican Book Publishing House Publ., 1972. 336 p.
46. Tobyl Nuria. *Tapanta–Shchkharaua, Shchkharaua–Tapanta Azhvar* [Tapanta of Sharawa of Sharawa–Tapanta Vocabulary]. Cherkessk: Karachay–Cherkess Republican Book Publishing House Publ., 1999. 96 p.
47. Umarova P. U. *Ustarevshaya Leksika v Avarskom Yazyke: Avtoreferat dis. ... Kand. Filol Nauk* [Outdated Vocabulary in the Avar Language, Abstract of Thesis]. Makhachkala, 2013. 22 p.
48. Fomina M. I. *Sovremennyi Russkii Yazyk. Leksikologiya*. [Modern Russian Language. Lexicology]. Third Edition, Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1990, 415 p.

49. Kharatokova M. G. *Sociolingvisticheskie Osnovy` Zaimstvovaniya v Abazinskom Yazyke*: *Avtoreferat dis. … Doct. Filol. Nauk* [Sociolinguistic Basis of Borrowings in the Abaza Language. Abstract of Thesis]. Nalchik, 2014. 46 p.
50. Shanskii N. M. *Leksikologiya Sovremennogo Russkogo Yazyka: Uchebnoe Posobie* [Lexicology of the Modern Russian Language. Textbook]. Moscow: URSS Librokom Publ., 2009. 305 p.
51. Shmelev D. N. *Sovremennyi Russkii Yazyk. Leksika* [The Modern Russian Language. Vocabulary.]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1977. 335 p.
52. Shkhaeva E. M. *Abazinsko–Russkii Slovar Sinonimov* [Abaza–Russian Dictionary of Synonyms]. Karachayevsk: KCHGU Publ., 2010. 112 p.
53. Shkhaeva E. M. *Abazinsko–Russkii Slovar Omonimov* [Abaza–Russian Dictionary of Homonyms]. Karachayevsk: KCHGU Publ., 2013. 232 p.
54. Ekba N. B. *Etimologiya Slova PSY v Yazykakh Abkhazsko–Adygskoi Gruppy* [Etymology of the Word PSY in the Languages of the Abkhazian–Adyghe Group]. *Magazine Alashara.* Sukhumi, 1976, № I, pp. 75–77.

LEXICAL ANALYSIS OF ARCHAISMS OF THE ABAZA LANGUAGE

Pazov S. U., Dakhchukova I. A.

The Abaza language is a language with a recent system of writing, and on that ground many issues of lexicology including archaisms have not been studied monographically. The article presents the systematization of a particular case of archaisms. On the basis of more than 600 obsolete words extracted by the authors from the lexicographical sources, texts of Abaza folklore, artistic and publicistic literature and field materials, analysis of its features and classification of archaisms, the main reasons for the transition of lexems from active to passive vocabulary are revealed. The study confirmed the well-known position in General lexicology that the main trigger for archaization of lexemes is a decrease in the level of functional relevance of the word, due to the loss of relevance of the denoted (denotation) of this unit. Depending on the reason for transition to a passive vocabulary, several groups of archaisms are distinguished: a) proper lexical archaisms , b) lexical-semantic archaisms, c) lexical-phonetic archaisms, d) lexical-morphological archaisms, and e) lexical-word-forming archaisms.

The process of word archaization is influenced by both linguistic and extralinguistic factors. Due to the nature of the Abaza literary language, which is recently put into writing, the concept of «archaism» or «obsolete words» is different for different generations of Abazins. Many words related to the vocabulary of agriculture, cattle breeding, sewing, etc. are already archaisms for modern youth, while for the adult (elderly) population they are still commonly used. The process of archaization of words is influenced by both linguistic and extralinguistic factors.

Keywords: the Abaza language, the Abkhazian language, archaism, language vocabulary, desemantization, pseudo-archaism, labile verbs.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 47–64.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.161.1

ЗАПАД И ВОСТОК В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОЛЕ МЕНТАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Литвинчук И. Н.

Таврическая академия (Структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Симферополь, Россия
E-mail: irinlitvi@gmail.com

В русле когнитивно-лингвистического подхода к изучению современного состояния межкультурных отношений в Республике Крым был применен метод ассоциативного эксперимента, который традиционно используется с целью исследования структуры концептов. Выявление содержания универсальных концептов «Восток» и «Запад» представляется целесообразным прежде всего в аспекте создания единого смыслового поля культурного взаимодействия и превенции конфликтов. Осуществление компаративного исследования содержания концептов «Восток» и «Запад» в различных социокультурных традициях позволяет определить как психосемантические зоны совпадения и взаимопересечения культурных смыслов, способствующих интеграции культур, так и оппозиционные области. Выявление содержания данных концептов актуально для описания концептосферы этнонационального самосознания. В качестве респондентов были задействованы представители двух этнокультурных групп Крыма – русские и крымские татары. Был осуществлен анализ различных зон интерпретативного поля концептов «Восток» и «Запад». Определены и описаны ядро и периферия этих концептов. Выявлены формально-грамматические и семантические особенности ассоциатов, продуцируемых русскими и крымско-татарскими респондентами на стимулы восток и запад, а также этнокультурные черты формирования ассоциативного поля. В результате анализа ассоциативных реакций респондентов нашла подтверждение гипотеза о уровневой структуре концептов «Восток» и «Запад».

***Ключевые слова*:** концептосфера, ментальная идентичность, культурное взаимодействие, этногруппа, ассоциативная реакция**.**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и междисциплинарные основания исследования

Актуальным для описания концептосферы межкультурного взаимодействия в Крыму, как регионе, в котором взаимопересекаются различные смыслообразующие цивилизационные модели, является исследование и моделирование номинативного поля концептов «Запад» и «Восток». «В Черноморском регионе сложились и взаимодействуют между собою три основные цивилизационные модели. Две из них

являются традиционными, построенными на религиозных основах (ислам и православие), а третья, западноевропейского происхождения, презентует модернизованную цивилизационную схему. Каждая из этих моделей связана с определенной системой культурных ценностей и соответствующей конфигурацией политических, экономических и социальных отношений» [6, с. 532]. Крым, как исторически обусловленная активная зона цивилизационных стыков, сложившаяся в результате «перекрестного взаимодействия Античной (Древнегреческой, а затем Греко-Римской) и Ирано-Зороастрийская цивилизации» [6, с. 525], издавна является уникальным регионом, в котором проявились западные и восточные культурные влияния. Его самобытность – результат не только активных торгово-экономических связей, но и конфликтных отношений Исламского и Восточнохристианского миров. Неповторимое своеобразие крымской культуры детерминировано многовековыми традициями сосуществования на полуострове адептов христианства (понтийсике греки, армяне, итальянцы, украинцы, русские, болгары), иудаизма (караимы, евреи-крымчаки) и ислама (татары, турки). При этом «поликультурные… пространства накапливают веками и хранят в себе некую совокупную память, которая… складывается из коллективной памяти всех тех культур, что волей истории контактировали и продолжают контактировать на рассматриваемом пространстве» [3]. Таким образом, дихотомия Восток–Запад с античности воспринимается в общественном сознании не только как географическое противопоставление, но и как символическая противоположность совокупных ментальных характеристик основных субъектов межцивилизационного взаимодействия, глобальных культурных систем.

Концепты «Запад» и «Восток» входят в ценностно-смысловое поле многих этнокультурных общностей, вступающих в перманентное взаимодействие. Своеобразный конгломерат ценностей, фундаментальных для каждого из взаимодействующих этносов, находит отражение и в особенностях ментальной идентичности жителей Крыма. Одной из наиболее актуальных задач социокультурного развития этого важнейшего для судеб Евразии региона на протяжении всего периода новейшей истории было создание реальных

инструментов, направленных на согласование ценностей и основанных на них форм эффективной интеракции различных этнических общностей, преодоление устоявшихся конфронтационных схем отношений.

Актуализация принципа ментальной идентичности, в основе которого лежит, с одной стороны, единство общецивилизационных законов и, с другой – специфика черт субъектов межкультурного взаимодействия [12], детерминирует оптимизацию взаимодействия народов Крыма. Поскольку «менталитет – мироощущение, мировосприятие, определяющееся народно-национальными обычаями, образом жизни, мышлением, нравственностью» [4], одним из основных направлений изучения ментальной идентичности субъектов межкультурной интеракции является выявление их обобщенного образа в поле восприятия друг друга.

Социокультурные паттерны, обладающие высокой степенью репрезентативности, находят отражение в языке и речи представителей взаимодействующих этнических общностей. Изучение особенностей ментальной идентичности как личности, так и социокультурной группы подразумевает особое внимание к концептам, которые в своем содержании отражают традиции и национальные стереотипы [8]. В этом контексте можно говорить о проявлении феномена языковой ментальности, который дает изобильный материал для междисциплинарных исследований на стыке лингвистики и психологии, социологии и культурологии.

Выявление содержания изучаемых концептов в эксперименте способствует экспликации характера устойчивых связей, сложившихся в концептуальной системе языковой личности как представителя определенного этноса и субъекта межкультурных отношений, и определению качества взаимодействия анализируемых концептов, особенностей пересечения концептуальной семантики [10]. Как отмечает Г. Ю. Богданович, «в научных исследованиях лингвокультурологического контекста для иллюстрации полученных результатов трудно обойтись без ассоциативного эксперимента» [1, с. 10]. Так, в последние несколько лет силами крымских лингвистов осуществляются ассоциативные эксперименты, в частности направленные на выявление ассоциативного поля

«русский язык в Крыму» [2]. По мнению И. А. Стернина, многоуровневая структура концептов практически проявляется в ассоциативном эксперименте, применяемом в когнитивной лингвистике [9]. Материалы такого эксперимента позволяют выявить национальную субъективность языковой картины мира [8]. При этом национальная специфика сопоставляемых концептов проявляется прежде всего в несовпадениях, особенно значимых для межкультурной коммуникации [7].

МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТА

С целью изучения содержания концептов «Запад» и «Восток» в дискурсе межкультурного взаимодействия в Республике Крым был осуществлен ассоциативный эксперимент.

В качестве участников эксперимента были задействованы представители двух этнокультурных групп Крыма – русские и крымские татары. Выбор этих этнических групп обусловлен тем, что русские и крымскотатарские обучающиеся являются наиболее многочисленными в академических группах [3, с. 59]. В связи с этимсостав группы волонтеров позволил выделить пропорциональное соотношение респондентов именно из этих этнокультурных групп. В исследовании приняли участие 386 человек, обучающиеся «КФУ им. В. И. Вернадского», из них 196 респондентов – этнические русские и 190 – крымские татары. Возраст участников эксперимента – от 18 до 24 лет. Гендерный состав каждой из этнокультурных групп также был сбалансированным: русская группа состояла из 95 юношей и 101 девушки, а крымско-татарскую – представили 98 девушек и 92 юноши.

В рамках процедуры проведения данного исследования все испытуемые получили бланки с заданиями: 1. Напишите любые ассоциации на слово *восток*. 2. Напишите любые ассоциации на слово *запад*. В процессе обработки полученных данных была составлена матрица, по которой можно было проследить как индивидуальные вербальные ассоциации каждого респондента, отражающие его социокультурный опыт, так и особенности групповых этноспецифических реакций на каждый из предъявленных стимулов. Семантика слов, являющихся ассоциативными реакциями, была соотнесена с определенной тематической группой,

например: «страна», «история», «время», «менталитет», «уклад жизни», «кухня» и др. Количество индивидуальных ассоциативных реакций на каждый из предъявленных стимулов варьирует от 1 до 15 лексических ассоциатов.

Ассоциативные вербальные реакции на стимулы *восток* и *запад* были классифицированы и интерпретированы в соответствии со следующими аспектами исследования.

1. Формально-грамматические и семантические особенности ассоциатов.
2. Этнокультурные особенности формирования ассоциативного поля реакций, продуцируемых русскими и крымскотатарскими респондентами на стимулы *восток* и *запад*.
3. В соответствии с семантико-когнитивным подходом к анализу структуры концепта [5] в его макроструктуре выделяется интерпретативное поле, включающее несколько зон: утилитарную, общеоценочную, регулятивную, социально-культурную, мифологическую, идентификационную [7]. В связи с этим исследование структуры концептов «Запад» и «Восток» в аспекте межкультурного восприятия и взаимодействия было осуществлено посредством анализа различных зон интерпретативного поля этих концептов.

АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

По результатам эксперимента, большинство респондентов обеих этнокультурных групп на предъявленные стимулы продуцировало разнообразные семантико-тематические реакции, выходящие за рамки простых географических ассоциаций. Однословных ассоциатов – 1814, развернутых ассоциативных реакций (словосочетаний) – 293. Респонденты обеих этнокультурных групп проявили наибольшую активность в реагировании на стимул *восток* (общее количество ассоциатов на стимул *восток* – 1145, на стимул *запад – 962),* при этом наиболее многочисленными семантическими ассоциативными группами оказались «культура», «традиции», «менталитет», «люди», «кухня». В данной статье представлен анализ ассоциативного материала, соответствующего лексико-

семантической группе «менталитет», поскольку она является наиболее многочисленной.

Общее количество однословных ассоциатов, полученных в эксперименте на стимул *восток* в русской группе респондентов, – 405 (в перечне ассоциатов в скобках приводится частотность каждого из них в материале эксперимента): тайна (42), красота (29), традиционность (27), мудрость (26), опасность (25), таинственный (23), гостеприимство (22), трудолюбие (21) консерватизм (20), загадочный (17), фантазия (16), сказочный (15), мудрый (12), закрытый (10), строгость (10), медитация (9), философия (9), национализм (7), секретность (7), скрытность (6), скромность (5), непонятный (5), недружелюбие (4), самобытность (4), непредсказуемый (3), покладистость (3), сдержанность (3), великолепный (2), покладистый (2), скромный (2), подчинение (1), закомплексованность (1), величественный (1), предупредительность (1), послушный (1), яркий (1), радужный (1), духовный (1), чувственность (1), уникальный (1), неопознанный (1), любвеобильность (1), вдумчивый (1), утонченность (1), прекрасный (1), поэтичность (1), романтичность (1), романтичный (1), удивление (1), духовность (1).

Анализ однословных реакций респондентов русской группы на стимул *восток* позволяет выделить общеоценочную зону концепта «Восток»: она представлена 99 синтагматическими ассоциатами, посредством которых транслируются когнитивные признаки, выражающие общую оценку (*прекрасный, романтичный, величественный, таинственный*). Только 15% от общего количества таких ассоциатов обладает условно негативной семантикой (*закрытый, непонятный*), 2 ассоциата (4%) репрезентируют нейтральную семантику (*неопознанный, послушный*), остальные – представляют эксплицитно позитивную реакцию на стимул. Коэффициент оценочности в интерпретационном поле данного концепта в ассоциативном материале русской группы респондентов (отношение общего количества однословных реакций к количеству ассоциатов оценочного характера) – 0, 24.

Парадигматические ассоциаты представляют социально-культурную зону концепта «Восток», отражая такие его когнитивные признаки, как: связь с особенностями восточной культуры (*самобытность, мудрость, традиционность*) и

национальным характером (*гостеприимство, мудрость, трудолюбие, любвеобильность*); эстетические параметры обобщенного образа культуры (*красота*), интенции социального взаимодействия (*национализм, консерватизм*), духовные практики (*медитация, философия*), чувственные особенности восприятия отдельных проявлений культуры (*тайна, опасность, фантазия*).

На слово-стимул *запад* респонденты русской группы отреагировали 517 ассоциатами: свобода (48), закон (45), личность (40), развитие (39), прогресс (38), образование (36), деньги (29), прагматизм (23), порядок (22), благосостояние (20), стремление (19), бизнес (19), цивилизация (18), целеустремленность (16), спокойствие (12), умеренность (10), открытый (10), современный (9), демократия (8), холодность (6), секс (5), прагматичный (3), прибыль (2), улыбчивый (2), расчетливость (2), совершенство (2), открытость (2), равноправие (1), новизна (1), педантичность (1), ненасытность (1), искусство (1), разврат (1), развращенный (1), воля (1), толерантность (1), расчетливый (1), самоуверенность (1), принципиальность (1), надежность (1), эгоизм (1), совершенный (1), интеллигентный (1), элита (1), элитный (1), креативный (1), рассудок (1), свободолюбие (1), лаконичность (1), злой (1), грубый (1), волевой (1), раскрепощенность (1), хамство (1), невоспитанность (1), прекрасный (1), аристократы (1), чопорность (1).

Общеоценочная зона интерпретативного поля концепта «Запад» у русских респондентов представлена 34 однословными синтагматическими ассоциатами, из которых 7 – транслируют позитивную оценку (*прекрасный, совершенный, креативный*), 22 – нейтральную (*открытый, современный*). Ассоциаты с выраженной негативной семантикой (*развращенный, грубый*) немногочисленны: их всего 5. Коэффициент оценочности в интерпретативном поле концепта «Запад» в русской группе респондентов невысокий – 0,06.

Парадигматические ассоциаты транслируют такие когнитивные признаки концепта «Запад», как способы организация социального устройства (*закон, развитие, прогресс*), принципы социального взаимодействия (*демократия, равноправие*), социальные группы (*элита, аристократы*), социальные системы (*цивилизация, образование, искусство*), экономические феномены (*деньги, бизнес,*

прибыль), национальный характер (*прагматизм, расчетливость, холодность, чопорность*), психологические понятия (*личность, воля, толерантность*), психологическое состояние (*спокойствие, стремление*), формы неформальной интеракции (*секс*).

Русские респонденты продуцировали большую группу ассоциатов-словосочетаний (всего 141 слово) на стимул *восток*: дело тонкое (35), древние традиции (29), строгая иерархия (15), трудолюбивые люди (8), сильная религия (7), приверженность традициям (6), строгие люди (5), древний мир (4), преобладание коллективного над индивидуальным (3), уважение к обществу (2), суровые законы (2), дипломатия в общении (2), много религий (2), привязанность к канонам (1), заветы предков (1), мудрость веков (1), духовно богатые люди (1), остановился во времени (1), соблюдают этикет (1), бережно хранят (1), изучают смысл жизни (1), толпы недружелюбных людей (1), вспыльчивые люди (1), улыбчивые люди (1), добросовестные люди (1), люди-трудоголики (1), внешне закрытые люди (1), недоверчивые люди (1), хитрые люди (1), импульсивные люди (1), очень интересный мир (1), любвеобильные люди (1), завистливые люди (1), неповторимые черты искусства (1).

В группе ассоциатов-словосочетаний на стимул *восток* широко представлены одиночные реакции, описывающие «человеческий фактор», определяющие ментальный облик представителей восточной культуры (*вспыльчивые люди, улыбчивые люди, люди-трудоголики*). Эти вербальные реакции преимущественно представляют периферию концепта «Восток», однако два таких словосочетания (*трудолюбивые люди, строгие люди*) транслируют его ядерные признаки. Ядерной является и такая стереотипизированная характеристика восточной культуры в восприятии русских респондентов, как «*дело тонкое*», которая представляет мифологическую зону интерпретационного поля концепта «Восток». Этот факт актуализации в эксперименте устойчивых дистрибуций подтверждает тенденцию к усилению стабильности центра ассоциативного поля, обусловленную культурно-историческими традициями конкретного этноса. Все остальные ассоциаты соотносятся с социально-культурной зоной интерпретативного поля. В ядро входят

также ассоциаты-словосочетания, эксплицитно транслирующие основные характеристики ментальности представителей Востока (*древние традиции, строгая иерархия, сильная религия, приверженность традициям, преобладание коллективного над индивидуальным*).

Ассоциативных реакций-словосочетаний на слово-стимул *запад* у русской группы респондентов значительно меньше (всего 75 слов)**:** высокие технологии (25)**,** свободные отношения (11),соблюдают законы (8)**,** двигаются вперед (4), свобода нравов (2), деловитые люди (2), раскрепощенные люди (1), высокий уровень культуры (1), сексуальная ориентация (1), превалируют материальные ценности (1), символизирует современный мир (1), законодатель моды в музыке (1), ценят свободу (1), планетарный масштаб (1), двигатель прогресса (1), тотальная агрессия (1), устремленный в будущее (1), требовательные люди (1), элита общества (1), демократичные отношения (1), красивые люди (1), сдержанные люди (1), высокомерные народы (1), считают себя высшей расой (1), восхищаюсь архитектурой (1), творческий импрессионизм (1), интересные открытия (1), элитное общество (1), огромное разнообразие искусства (1).

Значимую часть периферии концепта «Запад» представляют ассоциаты-словосочетания «имя существительное + имя прилагательное», характеризующие типичных представителей западной культуры в восприятии респондентов русской группы (*сдержанные люди, требовательные люди, высокомерные народы*), в то время как ядерным элементом являются словосочетания с такой же структурой, но отличающиеся по семантике: они обозначают значимые, по мнению русских респондентов, социальные достижения западного общества (*высокие технологии, свободные отношения*). Характерной особенностью ассоциатов-словосочетаний как реакции на слово-стимул *запад* является обилие словосочетаний с главным словом-глаголом, которые представляют и ядро (*двигаются вперед*), и периферию (*ценят свободу, считают себя высшей расой*). Следует отметить, что только в этой группе ассоциатов представлены словосочетания с личной формой глагола (*восхищаюсь архитектурой*) и причастием (*устремленный в будущее*).

Общее количество ассоцитивных реакций крымских татар на стимул *восток* – 556 слов, что значительно больше по сравнению со всеми остальными группами ассоциатов: традиции (83), закон (61), справедливость (54), доброта (48), мудрость (35), сердечность (34), уникальный (32), красота (31), гордость (30), искренность (25), миролюбивый (24), гордый (23), совершенный (12), прекрасный (9), добросовестный (9), совершенство (8), мудрый (6), дружба (6), гостеприимный (4), спокойствие (3), традиционность (2), сплоченность (2), гармония (2), постоянство (1), устойчивость (1), духовность (1), бодрость (1), милосердие (1), старина (1), философия (1), дружелюбие (1), невмешательство (1), рассудительность (1), порядочность (1), рассудительный (1), незабываемый (1).

Общеоценочная зона концепта «Восток» у крымскотатарских респондентов представлена в плане однословных реакций 132 синтагматическими ассоциатами, из которых 63 ассоциата транслируют позитивную оценку (*совершенный, прекрасный, добросовестный*), 69 – нейтральную (*уникальный, рассудительный, незабываемый*). Ассоциаты с выраженной негативной семантикой в анализируемом материале не представлены. Этот факт можно интерпретировать как психосемантический коррелят высокого уровня позитивной культурной самооценки. Общий коэффициент оценочности концепта «Восток» в этой группе респондентов – 0,26.

На стимульное слово *запад* в крымскотатарской группе респондентов получено 336 ассоциатов: расчет (37), свобода (34), ресурсы (29), индивидуализм (28), прогресс (27), комфорт (24), целеустремленность (22), образование (19), превосходство (18), сила (15), деньги (12), авантюризм (10), скромность (8), богатство (5), цивилизация (5), свободолюбие (5), достаток (4), мода (2), холодный (2), расчетливый (2), общительность (2), высокомерный (2), самоуверенность (1), лживость (1), вежливость (1), рациональность (1), демократия (1), богатый (1), свободный (1), культурный (1), волевой (1), порядок (1), точность (1), разнообразие (1), разнообразный (1), неестественность (1), милитаризм (1), высокотехнологический (1), модный (1), органичный (1), непревзойденный (1), усталость (1), сон (1), тишина (1), буржуи (1), вежливость (1).

Следует отметить, что в крымскотатарской группе респондентов общее количество однословных ассоциатов на стимул *запад* меньше на 200 слов по сравнению с количеством таких реакций на стимул *восток* и значительно меньше в сопоставлении с реакциями на стимулы *восток* и *запад* у русских респондентов. В сопоставлении ассоциатов, которые встретились в анализируемом материале один раз, и ассоциатов, которые приводятся респондентами более 4 раз, был выявлен факт значительного превалирования множественных реакций (пропорция 24 / 312 соответственно). Эти данные могут получить истолкование как явное преобладание устойчивых стереотипных представлений о Западе в ментальном поле респондентов крымскотатарской группы.

Общеоценочная зона интерпретативного поля концепта «Запад» представлена 13 парадигматическими ассоциатами, 4 из которых транслируют негативную семантику (*холодный, высокомерный*), а остальные – амбивалентны (*разнообразный, богатый, свободный*). Ни один из когнитивных признаков, транслируемых такими ассоциатами, не входит в ядро концепта «Запад». Коэффициент оценочности – 0,04, наиболее низкий по сравнению с другими группами ассоциатов.

Крымскотатарские респонденты отреагировали на стимул *восток* 43 ассоциатами-словосочетаниями: уважение к старшим (10), национальные традиции (7), правильное воспитание (5), чувство собственного достоинства (1), общество выше человека (1)**,** бережно храним традиции (1), уважение к себе и другим людям (1), традиционное постоянство во всем (1), культурные люди (1), добрые люди (1), добросовестные люди (1), прекрасные люди (1), несуетливые люди (1), веселые люди (1), рассудительные люди (1), незыблемость жизненных устоев (1), совершенный мир (1), погруженность во внутренний мир человека (1), стремление к гармонии с природой (1), воплощение спокойствия (1), колыбель цивилизации (1), гармония с природой (1), направляют все силы на самосовершенствование (1), предупредительное поведение (1).

В плане количественного соотношения асоциатов концепт «Восток» в реакциях крымских татар представлен сбалансированно: ядерные признаки представляют 23 ассоциата, периферийные – 21 ассоциат. При этом большинство ассоциатов,

встречающихся в материале реакций один раз, транслирует сходную семантику: это позитивная характеристика ментальных устоев представителей восточной культуры. Значимая часть периферии (40% от общего количества ассоциатов-словосочетаний) представлена словосочетаниями по способу согласования, описывающими положительные человеческие качества (*добрые люди, добросовестные люди, прекрасные люди*). Выявлены также словосочетания по типу «примыкание» и «управление» с главным словом-глаголом в форме первого лица множественного числа (*бережно храним, уважаем себя и других людей*), представляющими типичные поведенческие паттерны, эксплицитные самохарактеристики «восточных людей» в освоении межличностного и межкультурного пространства.

Крымскотатарские респонденты продуцировали в качестве реакции на слово-стимул *запад* 34 ассоциата-словосочетания: соблюдение законов (9), полная противоположность (3), большой контраст (2), что-то далекое (2), стараются сделать жизнь удобной и комфортной (1), бурное развитие (1), динамическое движение во всем (1), цивилизованные люди (1), безэмоциональные люди (1), вежливые люди (1), динамичный образ жизни (1), рациональное познание мира (1), ценность технологического развития (1), превосходство над другими народами (1), скорость во всем (1), мания величия (1), дикий образ жизни (1), рациональное познание мира (1), двоякая ментальность (1), ленивые люди (1), потребительское отношение (1), склонность к изменениям (1).

Эта самая немногочисленная группа вербальных реакций представлена только ассоциатами, соответствующими социокультурной зоне интерпретативного поля концепта «Запад». Количественный разрыв между ядром (12 ассоциатов) и периферией (22 ассоциата) небольшой. При этом ядерные компоненты транслируют семантику основных свойств общественного устройства Запада (*соблюдение законов*) и его сопоставительную характеристику с Западом в восприятии респондентов-крымских татар (*полная противоположность, большой контраст, что-то далекое*). Периферия также представлена двумя семантическими группами: это обобщенные ментальные характеристики представителей западной цивилизации (*динамичный образ жизни, рациональное познание мира, ценность технологического развития,*

мания величия) и психолого-поведенческие особенности ее представителей (*безэмоциональные люди, ленивые люди*).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. В результате многофакторного анализа ассоциативных реакций респондентов нашла подтверждение гипотеза о уровневой структуре концептов «Запад» и «Восток». Были выявлены и описаны ядро и периферия этих концептов.

2. Установлен факт значительного преобладания парадигматических ассоциатов над синтагматическими в вербальных реакциях на стимулы *восток* и *запад* в обеих этнокультурных группах респондентов. Это явление обусловлено как прагматикой морфолого-синтаксической формы стимульных слов, так и особенностями семантики ядерных и периферийных элементов концептов «Запад» и «Восток».

3. Определены сходство и различия в структуре интерпретативного поля концептов «Запад» и «Восток». Так, на материале однословных ассоциатов не было выявлено регулятивной, мифологической и идентификационной зон обоих концептов.

4. Сопоставительный анализ интерпретативного поля концепта «Восток» показал: активность включения модуса оценки Востока у русских и крымских татар сходная, что подтверждает сходство коэффициентов оценочности (0,24 и 0,26 соответственно). Русские толерантны к Востоку и его ценностям, поскольку более 80% ассоциатов на стимул *восток* обладают позитивной семантикой, а явно негативных реакций вообще не выявлено. Крымские татары демонстрируют преимущественно позитивную оценку Востока и высокий уровень культурной самооценки.

5. Коэффициент оценочности концепта «Запад» значительно ниже по сравнению с коэффициентом оценочности концепта «Восток» и имеет сходный уровень в русской и крымскотатарской группе (0,06 и 0,04 соответственно). Большинство ассоциативных реакций, полученных на стимул *запад* в обеих группах респондентов, не имеют явного оценочного модуса. Таким образом, фон восприятия

мира Востока основан на выраженной категории «отношение», в то время как Запад интерпретируется более отстраненно, рационализированно. Реакции крымскотатарских респондентов на стимул *запад* носят ярко выраженный нейтрально-экзистенциальный характер. Мир Востока является позитивным в глазах информантов обеих групп, а Запада – индифферентным.

6. Выявлено значительное преобладание парадигматических ассоциатов над синтагматическими в вербальных реакциях на стимулы *восток* и *запад* в обеих этнокультурных группах респондентов. Это явление обусловлено как прагматикой морфолого-синтаксической формы стимульных слов, так и особенностями категориальной семантики ядерных и периферийных элементов концептов «Запад» и «Восток».

7. Характер семантических различий, выявленных по результатам анализа интерпретативного поля концептов «Запад» и «Восток» в ассоциативных реакциях респондентов позволяет сделать вывод о том, что мир Востока является более близким в плане содержания ментальной идентичности и установок межкультурного взаимодействия для молодых представителей русской и крымскотатарской социокультурных общностей.

Проведение дальнейших лингвокультурологических и когнитивных исследований коллективного самосознания народов Крыма представляется актуальным для формирования бесконфликтной социокультурной среды в этом регионе, к которому в сложные периоды истории обращено пристальное внимание мирового сообщества.

Список литературы

1. Богданович, Г. Ю. Ассоциативный эксперимент как прием интерпретации дискурса [Текст] / Г. Ю. Богданович // Дискурс-Пи. Научный журнал. – № 1(30). – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2018. – С. 10–16.
2. Богданович Г. Ю., Димитрова В. И. Лингвокультурная ситуация в Крыму: межкультурное славянское взаимодействие языков // Ученые записки Крымского

федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. Том 5 (71). № 2. – С. 184–185.

3. Богданович Г. Ю., Новикова Т. Ю. Русский язык в межкультурной коммуникации: крымский лексикографический контекст // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. Том 3 (69). № 2. 2017 г. – С. 19.
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1. [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – 1232 с.
5. Литвинчук, И. Ценностные ориентации и самоактуализация молодежи в межкультурном взаимодействии: Крымский контекст [Текст] / И. Литвинчук // «Alma mater» (Вестник высшей школы). – № 5. – Москва : ИНОИЦ «Алмавест», 2020. – С. 58–63.
6. Пахомов, Ю. Н. Цивилизационная структура современного мира: В 3-х т. Т. 2. Макрохристианский мир в эпоху глобализации [Текст] / Ю. М. Пахомов, Ю. В. Павленко, В. С. Будкин, Н. С. Бондаренко, О. В. Головина, И. Ю. Гузенко, А. З. Гончарук, Р. Н. Джангужин, Е. Э. Каминский, В. П. Кириченко. Ин-т мир. Экономики и междунар. отношений НАН Украины. – Киев : Наук. думка, 2007. – 691 с.
7. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 2–е перераб. и доп. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
8. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Балясникова О. В., Полянская А. Г., Разумкова А. В., Свинчукова Е. Г., Степанова А. А. Коллективная монография [Текст] / Под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. – Ярославль : Канцлер, 2017. – 240 с.
9. Стернин, И. А. Структурная организация концепта [Текст] / И. А. Стернин // Культура общения и ее формирование. Вып.18. – Воронеж, 2007. – С. 26–30.
10. Титаренко, Е. Я. Исторический вектор развития языков в полилингвокультурном сообществе (крымский опыт) [Текст] / Е. Я. Титаренко, Р. Н. Гусейнова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – № 5. – 2017. – С. 58–66.

11. Ященко, Т. А. Семантика «ради» как область пересечения культурных концептов ‘радость’, ‘цель’ и ‘причина’[Текст] / Т. А. Ященко // Язык и культура. – Вып. 6, т. 3., ч. 1. – Киев, 2003. – С. 393–388.
12. Adams G., Markus H. R. Culture as patterns: an alternative approach to the problem of reification // Culture and Psychology, 2001, 7(3), pp. 283–296.

References

1. Bogdanovich G. Yu. *Assotsiativnyi Eksperiment kak Priem Interpretatsii Diskursa* [Associative Experiment as a Method of Discourse Interpretation]. *Diskurs-Pi. Nauchnyi Zhurnal*, 2018, № 1(30), pp. 10–16.
2. Bogdanovich G. Yu., Dimitrova V. I. Lingvokul'turnaya situaciya v Krymu: mezhkul'turnoe slavyanskoe vzaimodejstvie yazykov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal. Tom 5 (71). № 2. – S. 184–185.
3. Bogdanovich G. Yu., Novikova T. Yu. Russkij yazyk v mezhkul'turnoj kommunikacii: krymskij leksikograficheskij kontekst // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Filologicheskie nauki. Tom 3 (69). № 2. 2017 g. – S. 19.
4. Efremova T. F. *Novyi Slovar' Russkogo Yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Explanatory and Derivational Dictionary of the Russian Language.]. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 2000, in 2 Volumes, Vol. 1. 1232 p.
5. Litvinchuk I. *Tsennostnye Orientatsii i Samoaktualizatsiya Molodezhi v Mezhkul'turnom Vzaimodeistvii: Krymskii Kontekst* [Value Orientations and Self-Actualization of Youth in Intercultural Interaction. The Crimean Context]. *Vestnik Vysshei Shkoly. Almamater*, 2020, № 5, pp. 58–63.
6. Pakhomov Yu. N., Pavlenko Yu. V., Budkin V. S., Bondarenko N. S., Golovina O. V., Guzenko I. Yu., Goncharuk A. Z., Dzhanguzhin R. N., Kaminskii E. E., Kirichenko V. P. *Tsivilizatsionnaya Struktura Sovremennogo Mira: V Trekh Tomakh. Tom Vtoroi. Makrokhristianskii Mir v Epokhu Globalizatsii* [Civilizational Structure of the Modern

World. In Three Volumes. Vol. 2. Macro-Christian World in the Era of Globalization]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 2007. 691 p.

7. Popova, Z. D. Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka [Tekst] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – Izd. 2–e pererab. i dop. – Voronezh : Istoki, 2007. – 250 s.
8. *Regional'noe Yazykovoe Soznanie Komi, Russkikh, Tatar. Problemy Vzaimovliyaniya. Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A., Balyasnikova O. V., Polyanskaya A. G., Razumkova A. V., Svinchukova E. G., Stepanova A. A.* [Regional Linguistic Consciousness of Komi, Russians, and Tatars. Problems of Mutual Influence]. Ed. by N. V. Ufimtseva. Yaroslavl': Kantsler Publ., 2017. 240 p.
9. Sternin I. A. *Strukturnaya Organizatsiya Kontsepta* [Structural Organization of the Concept]. *Kul'tura Obshcheniya i Ee Formirovanie*, 2007, Issue 18, pp. 26–30.
10. Titarenko E. Ya., Guseinova R. N. *Istoricheskii Vektor Razvitiya Yazykov v Polilingvokul'turnom Soobshchestve (Krymskii Opyt)* [Historical Vector of Language Development in the Multilingual Cultural Community (Crimean Experience)]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya Russkaya Filologiya*, 2017, № 5, pp. 58–66.
11. Yashchenko T. A. *Semantika Radi kak Oblast' Peresecheniya Kul'turnykh Kontseptov Radost', Tsel' i Prichina* [Semantics of the Word *Radi* as an Area of Intersection of Cultural Concepts of Joy, Goal, and Reason]. Kiev: Yazyk i Kul'tura, Issue 6, Vol. 3, Part 1, 2003, pp. 393–388.
12. Adams G., Markus H. R. Culture as patterns: an alternative approach to the problem of reification. Culture and Psychology, 2001, № 7(3), pp. 283–296.

WEST AND EAST IN THE CONCEPTUAL FIELD OF MENTAL IDENTITY AND CULTURAL INTERACTION

Litvinchuk I. N.

The method of associative experiment, which is traditionally used to investigate the structure of concepts, was applied in the course of cognitive-linguistic approach to the study of the current state of intercultural relations in the Republic of Crimea. Revealing the content of *West* and *East* universal concepts seems appropriate primarily in the aspect of creation of integrated semantic field of cultural interaction and conflict prevention. The implementation of comparative investigation of the content of *West* and *East* concepts in various sociocultural traditions allows defining psychosemantic zones of coincidence and intersection of cultural meanings enabling integration of cultures, as well as oppositional areas. The content of these concepts is relevant for the description of the concept sphere of ethno-national self-awareness. Representatives of two ethno-cultural groups in Crimea – Russians and Crimean Tatars – were involved in experiment as respondents. The analysis of various zones of interpretative field of *West* and *East* concepts was implemented. The core and peripherals of these concepts were revealed and described. Formal grammatical and semantical peculiarities of associative reactions, as well as ethno-cultural features of the formation of associative field to *East* and *West* stimuli produced by Russian and Crimean Tatars respondents were revealed. The hypothesis of the level structure of *West* and *East* concepts was confirmed, based on the results of the analysis of associative reactions of respondents.

***Keywords*:** concept sphere, mental identity, ethnic group, cultural interaction, associative reaction.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 65–84.

УДК 811.512.141'37

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ALA 'ПЕГИЙ' И SÏBAR 'ПЕСТРЫЙ' В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Муратова Р. Т.

**Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук,
Уфа, Россия
E-mail: bairima@yandex.ru**

Цель статьи – изучить происхождение названий для пегого и пестрого цветов в башкирском языке, проследить их развитие на общетюркском фоне, выявить и описать дополнительные коннотативные значения данных цветообозначений. Актуальность темы обусловлена отсутствием исследований лексем *ala* 'пегий' и *sïbar* 'пестрый' как в сравнительно-историческом аспекте, так и в плане синхронии с выявлением денотативных и коннотативных компонентов в их семантике. В ходе исследования выявлено, что лексемы *ala* 'пегий' и *sïbar* 'пестрый' имеют древнее происхождение: *ala* восходит к пратюркскому **ala* и праалтайскому **ǎlV* 'пестрый'; пратюркская форма цветообозначения *sïbar* реконструирована в форме *čopur, čap-* 'пестрый, рябой', 'непородистый, неряшливый', 'высыпать (о сыпи, чирьях)', которая происходит от праалтайского **šop`é* 'веснушки, пятна'. Лексемы *ala* и *sïbar* как в башкирском, так и во всех других тюркских языках сохранили свое первоначальное значение. К тому же, во всех тюркских языках они имеют дополнительные коннотативные значения, что характеризует устойчивость древних смыслов. *Ala,* кроме обозначения пегого окраса, также является эпитетом яростных глаз и весеннего почерневшего снега, пигментных пятен на коже, употребляется в значениях 'разноцветный', 'выделяющийся'. *Sïbar* применяется в значениях 'пестрый', 'рябой', 'чубарый', 'разнообразный', 'многоцветный', 'разношерстный', 'изменчивый', 'веснушчатый'. Такие же значения отмечены и в других тюркских языках.
Ключевые слова: *башкирский язык, тюркские языки, цветообозначения, пегий, пестрый.*

ВВЕДЕНИЕ

Цвет относится к базовым понятиям категоризации мира. В связи с этим цветообозначающая лексика в основном составляет дрейнейший пласт лексики того или иного языка. При изучении лексем, обозначающих цвет, выделяются основные (абсолютные) и оттеночные цветообозначения. Абсолютные цветонаименования, в свою очередь, делятся на хроматические, называющие семь цветов радужного спектра (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый), и ахроматические (белый, серый, черный) [9, с. 84]. Оттеночными считаются названия участков спектральных цветов, которые могут быть обозначены отдельным словом (алый, вишневый, бордовый, малиновый, салатовый, медный, песочный). Кроме того,

можно выделить неспектральные цвета, находящиеся за пределами спектров: оттенки серого (ахроматические), цвета смешанные с ахроматическими (розовый, как смесь красного с белым, сиреневый, образованный в результате смешения фиолетового и белого), коричневые и пурпурные цвета. Отдельной группой цветообозначающей лексики выступают названия для пегого и пестрого цветов, которые по сути своей не являются цветом, а представляют смешанную окраску с различными сочетаниями цветов.

В современной лингвистической науке цветообозначения изучаются в разных направлениях и аспектах: историческом, лексико-семантическом, грамматическом, сопоставительном, когнитивном, функциональном, психолингвистическом и др. [5; 6; 8; 13; 20; 30 и др.]. Цветонаименования в тюркских языках рассматривались в работах лексического, этнолингвистического, сравнительно-исторического плана [11; 23; 24; 28; 33 и др.].

Несмотря на наличие работ лексикологического, ономастического, этнолингвистического характера, затрагивающих цветообозначения в различных аспектах, в башкирском языкознании нет специальных трудов, посвященных изучению сравнительно-исторического развития цветолексем, прослеживанию их семантической нагрузки, выявлению дополнительных значений лексем.

Цель данной статьи – изучить происхождение названий для пегого и пестрого цветов в башкирском языке, проследить их развитие на общетюркском фоне, выявить и описать дополнительные коннотативные значения данных цветообозначений. Источниками примеров для выявления значений слова послужили словари башкирского языка и данные корпуса башкирской прозы, который включают в себя 1256 произведений различных жанров [1; 2; 25; 27]. Актуальность темы обусловлена отсутствием исследований лексем *ala* ‘пегий’ и *sïbar* ‘пестрый’ как в сравнительно-историческом аспекте, так и в плане синхронии с выявлением денотативных и коннотативных компонентов в их семантике. Новизна исследования заключается в том, что, во-первых, что в нем данные лексемы впервые рассматриваются как в диахронии, так и синхронии, во-вторых, привлекаются данные корпуса башкирской прозы и фольклора, которые являются богатым источником языкового материала, что

не использовалось в предыдущих исследованиях, в-третьих, семантика цветообозначений рассматривается на общетюркском фоне: демонстрируются лексико-семантические соответствия в тюркских языках.

Основными методами исследования названий *ala* ‘пегий’ и *sïbar* ‘пестрый’ в башкирском языке будут выступать: сравнительно-исторический метод – в изучении происхождения слов и их эволюции, который позволит определить существование какого-либо явления на разных этапах развития языка и находить его наличие или отсутствие в родственных языках; метод лексико-семантического анализа – в описании значений лексем; лингвокультурологический метод – в изучении отражения роли того или иного цвета в духовной культуре народа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Ала ‘пегий’

Пегий цвет – это сочетание белого или черного с другими цветами. Особенность пегого цвета заключается в том, что разноцветные пятна составляют большие крупные участки. Пегим обычно обозначается масть лошади, но в то же время слово применяется и относительно окраса других предметов и поверхностей. В башкирском языке пегий цвет обозначен лексемой *ala.* В большинстве тюркских языков прослеживается эта форма с фонетическими вариациями: тат., ног., каз., ккалп., кум., кбалк., кр.-тат., кирг., алт., аз., уйг, узб., сюг, хак, шор., тув., як. *ala,* турк. *a:la,* гаг. *ala-ǯa,* тур. *ala / ala-ǯa,* чув. *ula.* Пратюркская форма цветообозначения ‘пегий’ реконструирована в форме **āla* [24, с. 607]. В том или ином языке слово имеет следующие значения: пестрый, пятнистый, крапчатый, пегий (о масти животного), полосатый, накожная болезнь в виде белых пятен, разреженные всходы, веснушчатый, лысина, равнина, испещренная небольшими песчаными участками, в сочетании с *qar* – посеревший весенний снег и другие [34, с. 129–130]. Учеными предполагается, что данное слово передавало не цветовую окрашенность предметов, а образ светлых проплешин, пятен или даже полос на фоне более темного окружения на поверхности предметов при любой их цветовой гамме. Дальнейшее развитие семантики было связано с закреплением применения этого слова в основном для

обозначения окраса шкуры и перьев животных и птиц со светлыми, т.е. белыми, пятнами или полосами [24, с. 607].

Пратюркское **āla* своими корнями восходит к праалтайскому языку. Алтайская праформа восстановлена как **ǽlV* ‘пестрый’. Рефлексы лексемы встречаются, как отмечалось выше, в тюркских языках, а также в корейском языке и монгольской группе алтайских языков: бур. *alag*, калм. *aläg*, х-монг. *alag* ‘пестрый’, кор. *älluk* ‘быть пятнистым, украшенным’ [48, с. 291].

Слово *ala* зафиксировано в древнетюркских источниках: *ala at* ‘пегий конь’ (в словаре М. Кашгари, XI в.), *ala atlïγ jol täŋri men* ‘я – бог судьбы на пегом коне’ (в “Гадательной книге” – “Ïrq bitig”, IX в.), *omarnïŋ ala adïn tergän aldïm* ‘я взял у Омара [в долг] пегого вола и телегу’ (юридический документ уйгурским письмом, XIII в.) [14, с. 32–33]. В “Древнетюркском словаре” также представлены такие значения слова *ala* как ‘проказа’, ‘недобрые помыслы, козни’, ‘название местности’ [14, с. 32–33].

В словарях XIX – начала XX веков представлены разные значения слова, в том числе его функции в составе сложных слов и устойчивых выражений: *ala* ‘пестрый, пегий, полосатый, с большими пятнами’, *ala quš* ‘сорока’, *ala bota* ‘лебеда’, *ala balïq* ‘форель’, *ala köŋül* ‘коварство’, *ala tänlik* ‘проказа’ [31, с. 351–352], *ala qïšdaj, ala jazdaj* ‘круглое лето, круглую зиму’, *alarγan köz* ‘глаза, налитые кровью (говорится о запаленной лошади, о человеке в падучей болезни)’ [10, с. 78].

В башкирском языке функционируют следующие значения лексемы *ala:*

1. Пегий, пятнистый, пёстрый (о масти животных): *ala at* ‘пегий конь’, *ala hïjïr* ‘пятнистая корова’, *ala qað* ‘пестрый гусь’, посл. *attan ala la tïwa, qola la tïwa* ‘у кобылы рождаются и пегие, и буланые жеребята’. Под пегим подразумевается в основном сочетание белого и черного. Поэтому если имеется в виду сочетание белого с другими цветами, второй цвет уточняется в аналитической форме: *qoba ala* ‘буро-пегий’, *harï ala* ‘желто-пегий, солово-пегий’, *jerän ala* ‘рыже-пегий’, *kük ala* ‘сиво-пегий’, *qola ala* ‘саврасо-пегий’.

Цветообозначение *ala* в сочетании с названиями животных или другими лексемами встречается в топонимии: ороним *Alabajtal* (букв. пегая кобыла) – гора в

Кугарчинском р-не Республики Башкортостан, ойконим *Alaɣuð* (букв. пестрая река) – в Кигинском р-не РБ, ойконим *Alatana* (букв. пестрая телка) – в Стерлитамакском р-не РБ [27; 45].

В других тюркских языках цветообозначение *ala* также распространенный термин для обозначения масти животных: тат. *ala bija* ‘пегая кобыла’ [35], тур. *alaʒa at* ‘пегая лошадь’ [37, с. 41], туркм. *ala sïɣïr* ‘пятнистая корова’ [38, с. 39], уйг. *ala at* ‘пегая лошадь’ [40, с. 14], хак. *ala inek* ‘пегая корова’ [43, с. 48], тув. *ala āt* ‘пегая лошадь’ [36], як. *ala atïïr* ‘пегий жеребец’ [47, с. 36], чув. *ula ĕne* ‘пегая корова’, *ula laša* ‘пегая лошадь’ [46, с. 510].

2. Слово участвует в словообразовании и является составным компонентом названий животных, птиц, рыб, растений пегой и пятнистой окраски: *ala öjräk* ‘хохлатая чернеть’ (букв. пестрая утка), *ala säpsäw* ‘хрустан’ (букв. пестрый кулик), *ala seben turɣajï* ‘мухоловка-пеструшка’ (букв. пестрая мухоловка), *alabalïq* ‘сиг’ (букв. пестрая рыба), *alabuɣa* ‘окунь’ (букв. пегий бык), *alaɣanat* ‘чернолобый сорокопут’ (букв. пестрые крылья), *ala miläwšä* ‘фиалка трехцветная’ (букв. пестрая фиалка) [27].

В других тюркских языках слово также участвует в словообразовании: тат. *ala kit* ‘полосатик, кит-полосатик’ (букв. пестрый кит), *ala miläwšä* ‘анютины глазки; иван-да-марья’ (букв. пестрая фиалка), *ala čumgalak* ‘гоголь’ (букв. пестрый нырок) [35], кр.-тат. *ala kijik* ‘лань’ (пегий зверь) [41], гаг. *alaʒa kuš* ‘ястреб’ (букв. полосатая птица) [12, с. 38], тур. *alabalïk* ‘форель’ (букв. пятнистая рыба), *alabaš* ‘капуста огородная’ (букв. ‘пятнистый колос’) [37, с. 41-42], узб. *alabuɣa* ‘окунь’ (букв. пегий бык) [39, с. 132], хак. *ala parïs* ‘лев’ (букв. пегий тигр) [43, с. 48], чув. *ula kajăk* ‘дятел’ (букв. пестрая птица), *ula kurak* ‘ворона’ (букв. пестрый грач) [46, с. 510].

3. Яростный, удивленный и т.д. *(о глазах).* В башкирском языке это значение в основном выражается словом, обозначающим действие: *küðe alarïw* ‘прийти в ярость’ (букв. глаза стали пестрыми). В некоторых тюркских языках слово *ala* также является эпитетом слова ‘глаз’, но имеет разные значения: тат. *ala küz* ‘пучеглазый, лупоглазый’ [35], кбалк. *ala közle* ‘светлые глаза’ [19, с. 47], кум. *ala göz* ‘серые глаза’ [26, с. 36], туркм. *aniŋ gözleri gaxarlï alarirdï* ‘его глаза сердито сверкали’ [38, с. 42],

узб. *ala kўz* ‘выпученные глаза, пучеглазый’, *alajmaq* ‘вытаращиваться, выпучиваться (о глазах)’ [39, с. 132], хак. *ala xarax* ‘игривые глаза’ [43, с. 48].

4. Почерневший, с проталинами (о снеге – весной): *ala qar* ‘почерневший, с проталинами, снег (весной)’, посл. *ala qarða alasaɣïŋ bulhïn* ‘имей долг в земле, что в проталинах (в значении: имей засеянное с осени, озимь)’.

Данное выражение встречается в словарях некоторых тюркских языков: тат. *ala kar* ‘весенняя или осенняя пора (когда земля пестрит проталинами)’, посл. *ala karda alasïŋ (alačaɣïŋ) bulsïn* ‘имей долг в земле, что в проталинах (т.е. имей засеянное с осени, озимь)’, *ala kardan* ‘с ранней весны’ [35], ккалп. *alaɣat qar* ‘снег, покрывающий землю неровным слоем’ [18, с. 35], тув. *ala xar* ‘проталина, период появления проталин’ [36], хак. *ala xar* ‘почерневший, с проталинами снег (весной)’ [43, с. 49].

5. Разноцветный, пестрый, смешанный. Данное значение обычно передается парными выражениями: *ala-qola* ‘пятнистый, пёстрый’, *ala-qola jalan* ‘пёстрое поле’, *ala-qola bulïp kürenew* ‘пестреть’, *ala-sola* ‘аляповатый’ *ala-sola bujaw* ‘красить небрежно в разные цвета’.

В других тюркских языках также зафиксировано данное значение слова: ккалп. *ala-ɣula* [18, с. 35], кбалк. *ala-qula* ‘аляповатый, разноцветный’ [19, с. 47], уйг. *ala-bula* ‘разноцветный, пестрый’, *ala čapan* ‘пестрый халат’ [40, с. 14], тув. *ala-bula* ‘разномастный, разноцветный’ [36], хак. *ala-pula* ‘пестрый, разноцветный’ [43, с. 49].

6. Компонент названий болезней, характеризующихся появлением пигментных пятен на коже: *ala sir* ‘витилиго’, *ala tän* ‘проказа’, посл. *aɣaj-ene aðha, ala bulïr* ‘если братья увязнут в разврате, к ним придет пегая болезнь’. В башкирской мифологии и народной медицине название болезни встречается в описании способов лечения болезней: *keše ala sire menän awïrïha, unïŋ alahïna keθärtke qojroɣon halïp ošo äpsende tuɣïð märtäbä äjtkändär: “Bïna hiŋä qojroq, bašïn üðeŋ tap!*” ‘При появлении пигментных пятен на эти участки на коже прикладывали хвост ящерицы и девять раз произносили заговор: “Вот тебе хвост, голову найди сам!” ’ [44, с. 21].

Как отмечалось выше, данное значение слова встречается еще в древнетюркских источниках. В словарях некоторых современных тюркских языков оно также

зафиксировано: кирг. *alanïn izin baspa* ‘на след прокаженного не ступай (заразишься)’ [21, с. 44].

7. Выделяющийся, отличающийся. Очевидно, что данное значение является результатом метафорического переноса: пятнистый → пятно → выделяться: *ala büläk bulïw* ‘выделяться, отличаться’ (букв. быть пятнистым наделом). Примеры употребления данного выражения можно проследить в художественных произведениях: *Etqoldoŋ öjö ällä qajðan üðeneŋ maturlïγï, bajlıïγï menän awïldaγï bašqa öjðärðän* ***ala büläk bulïp*** *ajïrïlïp tora* ‘Дом Иткула отличается от других домов деревни своей красотой, богатством’. Г. Давлетшин [25].

Похожее значение можно обнаружить в словарях и других тюркских языков: уйг. *ala qalγan jer* ‘огрех’ [40, с. 14], як. *ala bāččï* ‘особо явно’, *ala belie* ‘очень приметный’ [47, с. 36].

Кроме вышеперечисленных, в других тюркских языках встречаются такие значения слова как нарост; веснушчатый; ссора, раздор; заря; ранний; недозрелый, нечестный; враждующий; изреженный, с пробелами (о всходах), отличный, отменный; именно, как раз и др.: кар. ala ‘нарост’ [17, с. 61], кбалк. taŋ alasïnda ‘на рассвете, на заре, рано утром’, iŋir ala ‘вечерком, вечером’ [19, с. 47], ккалп. awzïnïŋ alasï ‘разногласие, разлад, ссора’, ala bol- ‘быть в ссоре’ [18, с. 35], кирг. ala ʒazdan ‘с начала весны’, ala ʒajdan ‘с начала лета’, adam alasï ičinde, mal alasï tïšïnda ‘нечестность человека внутри, а пестрота животного – снаружи’ [21, с. 44], тур. ala ‘непостоянство, переменчивость, изменчивость (о характере, нраве)’ [37, с. 42], туркм. ala gögeren govača ‘разреженные всходы хлопчатника’, itiŋ agzï ala bolsa da möʒegi görende biriger ‘хоть собака и не в ладу, а при виде волка в стаю сбиваются’ [38, с. 39], уйг. ala bolup qalγan örük ‘недозрелый абрикос’, köŋli ala adäm ‘нечестный человек’ [40, с. 14], узб. ala čiqqan γuza ‘изреженные всходы хлопчатника’ [39, с. 132], як. ala čuo ‘именно, как раз’, чув. ula čïn ‘веснушчатый человек’ [46, с. 510].

Sïbar ‘пестрый, рябой’

Пестрый цвет представляет из себя сочетание пятен и полос. В отличие от пегого, название *пестрый* применяется к окрасу, состоящему из мелких разноцветных пятен.

В башкирском языке пестрый цвет обозначен лексемой *sïbar.* В большинстве тюркских языков прослеживается эта форма с фонетическими вариациями: каз., ног., ккалп. *šubar,* кум., кбалк., кр.-тат. *čubar,* кар. *čïbar / cïbar,* тур., туркм. *čopur,* уйг. *čipa(r),* узб. *čupor,* чув. *čăpar* [7, с. 487; 19, с. 727; 17, с. 634; 18, с. 742; 26, с. 355; 16, с. 417; 37, с.197; 38, с. 736; 39, с. 218; 38, с. 406; 41]. Похожие формы наблюдаются в тат. *čuwar* и кирг. *čaar* [22, с. 331; 35], хотя некоторыми учеными они приводятся как отдельный корень [48, с. 455]. Другие исследователи этимологии все тюркские варианты данного слова сводят к единому корню [3, с. 238; 15, с. 320; 42, с. 403]. В сибирских тюркских языках слово встречается с интервокальным *k/x/ɣ*: алт. *čookïr,* тув. *šokar,* хак. *soxïr / čoxïr,* як. *čuoɣur* [4, с. 149; 36; 43, с. 500, 993; 47, с. 513]. Пратюркская форма цветообозначения ‘пестрый’ реконструирована в форме *čopur, čap-* ‘пестрый, рябой’, ‘непородистый, неряшливый’, ‘высыпать (о сыпи, чирьях)’ [48, с. 1344]. Алтайская праформа восстановлена как **šop`é* ‘веснушки, пятна’. Рефлексы данной лексемы встречаются также в монгольских языках: бур. *sōxor,* калм. *cōxər,* х-монг. *cōxor* ‘пятнистый, пестрый’ и японском: *sobakasu* ‘веснушки’ [48, с. 1344].

Слово *čoqur* зафиксирован в древнетюркском памятнике – “Легенде об Огуз-кагане”, написанной в XIII в. (список XV в., на уйгурском письме): *[o]ɣuz qaɣan bir čoqur tan [a]jɣïr [a]tqa minä turur erdi* ‘Огуз-каган ехал верхом на чубаром жеребце’. В “Древнетюркском словаре” слово дается с пометкой монг., т.е. предполагается его монгольское происхождение [14, с. 154]. В словаре В.В. Радлова представлены формы *subar, čibar, čuwar, čïbar,* значение которых представлено как ‘пестрый’, ‘серая лошадь’, ‘лошадь серая с яблоками’, ‘пестрая лошадь с яблоками’ [32, с. 2099, 2153, 2185–2186].

В башкирском языке зафиксированы следующие значения слова:

1. Пестрый, рябой. Данное слово в первую очередь характеризует окраску животных, птиц: *sïbar hïjïr* ‘пестрая корова’, *sïbar tawïq* ‘рябая курица’.

В других тюркских языках это значение также является основным: каз. *šubar buzaw* ‘пестрый теленок’ [7, с. 487], уз. *čupor tovuq* ‘рябая курица’ [39, с. 218].

2. Слово участвует в словообразовании и является составным компонентом названий животных, птиц, рыб, растений пестрой окраски, а также других терминов: *sïbar barqïldaq* ‘пёстрый дрозд’, *sïbar bäšmäk* ‘ежевик пёстрый’ (букв. пестрый гриб), *sïbarɣanat* ‘монашенка (бабочка)’ (пестрые крылья), *sïbar zäɣferän* ‘шафран пёстрый’, *sïbar kilejek* ‘ястребиная славка’, *sïbar kügäwen* ‘овод лошадиный’, *sïbar kürän* ‘осока пузырчатая’, *sïbar qað* ‘гуменник’ (букв. пестрый гусь), *sïbar qarïn* ‘сыгуч (верхний отдел желудка у крупного рогатого скота, букв. пестрый желудок)’.

В других тюркских языках слово также участвует в образовании терминов: ног. *šubar jolbars* ‘барс’ [16, с. 417], кр.-тат. *čubar armut* ‘сорт груш’ [41], кирг. *čaar ʒïlan* ‘пестрая змея’ [22, с. 331], тув. *šokar ivi* ‘пятнистый олень’ [36], хак. *čoxïr aŋ* ‘рысь’ [43, с. 993], чув. *čăpar kukkuk* ‘пестрая кукушка’ [46, с. 510].

3. Чубарый *(масть лошади)*. Чубарая масть лошади может выражаться как отдельным термином, так и как часть составного названия: *sïbar at* ‘чубарая лошадь’, *almasïbar* ‘чубарый, в яблоках’, *sïbar ala* ‘чубаро-пегий’.

И в других тюркских языках слово употребляется как масть лошади: ккалп. *qara šubar* ‘черно-чубарый’ [18, с. 742], уйг. *čipar at* ‘чубарый конь’ [29, с. 406], хак. *čoxïr at* ‘чубарый конь’ [43, с. 993], як. *čuoɣur* ‘чубарый’ [47, с. 513], чув. *ulma čăpar ut* ‘серый в яблоках конь’ [46, с. 510].

4. Пестрый, разноцветный: *sïbar jawlïq* ‘пестрый платок’, *sïbar balaθ* ‘пёстрый палас’, *sïbar küldäk* ‘пёстрое платье’. В данном случае обозначается сочетание разных цветов на ткани или в поле, на лугу, что наблюдается и в других тюркских языках: ног. *šubar jawlïk* ‘разноцветный платок’ [16, с. 417], каз. *šubar ala mata* ‘пестрая ткань’ [7, с.487], кирг. *čaar köjnök* ‘пестрах рубаха’ [22, с. 331], хак. *časxïda čazïlar čaxajaxtarnïŋ čoxïralčalar* ‘весной луга пестреют от цветов’ [43, с. 993], чув. *čăpar čaran* ‘цветистый луг’ [46, с. 510].

5. Разный, разнообразный, разношёрстный, пёстрый. В данном случае обозначается неоднородность состава группы людей, а также их разнообразие по разным критериям: *sïbar xalïq* ‘разношерстный народ’. Значение более полно раскрывается в художественных текстах: *Törlöhö törlösä kejengän bïl jegettärðeŋ xärbi äðerlektäre lä bik sïbar ine* ‘Военная подготовка этих парней, одетых по-разному, тоже

была неодинаковой’. К. Мэргэн [25]. В словаре тувинского языка также зафиксировано данное значение: тув. *šokar komanda* ‘сборная команда’ [36].

6. Изменчивый, многоцветный: *sïbar zaman* ‘изменчивая эпоха’, *sïbar küŋelle* ‘изменчивый нрав’. Данное значение является переносным и встречается в художественных текстах как средство выразительности: *Uniŋ [Azattiŋ] tormošo sïbar, hikältäle xäl-vaqiɣalarɣa, köjönös-höjönöstärgä baj* ‘Жизнь Азата разнообразная, богата событиям, радостям и горю’. Т. Гарипова [25]. Возможно, слово в данном значении употребляется в других тюркских языках, но оно не зафиксировано в словарях.

7. Веснушчатый, рябой *(о лице): sïbar jöðlö qïð* ‘веснушчатая девушка’, *sïbarqa töšöw* ‘покрываться веснушками’. В других тюркских языках в сочетании со словом *bit / jöð* ‘лицо’ оно может употребляться в значении ‘рябой’: каз. *šubar bet* ‘рябое лицо’ [7, с. 487], кум. *čopur bet* ‘рябое лицо’ [26, с. 360], кирг. *čaar bet* ‘рябое лицо’, тур. *čopur* ‘рябой, с лицом изрытым оспой’ [37, с. 197], туркм. *čopur jüz* ‘рябое лицо’ [38, с. 736].

В другой фонетической форме – *sabïrt-* – слово обозначает сыпь и появление сыпи, которое имеет семантическую связь с пестрой окраской – кожа теряет ровный тон и обретает неоднородный внешний вид: *sabïrtma* ‘сыпь’, *sabïrtïw* ‘появляться *(о сыпи)*’.

В словарях других тюркских языков зафиксированы также следующие значения слова: гаг. *čïbarmaa* ‘нарывать (о чирях, фурункулах)’, кар. *čïbar* ‘полоса’ [17, с. 634], тур. *čopur* ‘оспина, рябина’ [37, с. 197], злобный, хитрый – кирг. *tüsü čaar* ‘злобное лицо’, *čaar kursak* ‘хитрый, догадливый’ [22, с. 331], разрисованный, украшенный – тув. *šokar aptara* ‘сундук, окрашенный орнаментом’ [36].

ВЫВОДЫ

Таким образом, рассмотрев цветообозначения *ala* ‘пегий’ и *sïbar* ‘пестрый’, можно сделать следующие выводы:

– обе лексемы характеризуются древним происхождением. Слово *ala* восходит к пратюркскому **ala* и встречается во всех тюркских языках. Алтайская праформа восстановлена как **ä́lV* ‘пестрый’, ее рефлексы, кроме тюркских, встречаются в

корейском языке и монгольской группе алтайских языков. Пратюркская форма цветообозначения ‘пестрый’ реконструирована в форме **čopur, čap-* ‘пестрый, рябой’, ‘непородистый, неряшливый’, ‘высыпать (о сыпи, чирьях)’. Слово в различных фонетических вариантах также встречается во всех тюркских языках. Алтайская праформа восстановлена как **šop`é* ‘веснушки, пятна’, ее рефлексы встречаются в монгольских языках и японском;

– лексемы *ala* и *sïbar* как в башкирском, так и во всех других тюркских языках сохранили свое первоначальное значение. К тому же во всех тюркских языках они имеют дополнительные коннотативные значения, что характеризует устойчивость древних смыслов. *Ala,* кроме обозначения пегого окраса, также является эпитетом яростных глаз и весеннего почерневшего снега, пигментных пятен на коже, употребляется в значениях ‘разноцветный’, ‘выделяющийся’. *Sïbar* применяется в значениях ‘пестрый’, ‘рябой’, ‘чубарый’, ‘разнообразный’, ‘многоцветный’, ‘разношерстный’, ‘изменчивый’, ‘веснушчатый’. Такие же значения отмечены и в других тюркских языках;

– слова *ala* и *sïbar* в башкирском языке коррелируют: со словом *at* ‘лошадь’ (*ala at* ‘пегая лошадь’, *sïbar at* ‘чубарый конь’), с названиями других животных (*ala hïjïr* ‘пятнисатя корова’, *sïbar hïjïr* ‘пестрая корова’), птиц (*ala qað* ‘пестрый гусь’, *sïbar tawïq* ‘рябая курица’), погодных явлений (*ala qar* ‘почерневший, с проталинами снег’), природного ландшафта (*sïbar jalan* ‘разноцветное поле’), кожных заболеваний (*ala sir* ‘витилиго’, *sabïrtïw* ‘появляться *(о сыпи)*’). Основное отличие двух лексем по смыслу заключается в отличии сем – *ala* имеет сему ‘выделяться’, *sïbar* сему ‘разнообразный по составу’.

В заключение хочется отметить, что семантика цветообозначений, как правило, выходит далеко за рамки обозначения цвета, приобретая новые смыслы, обусловленные метафорически и этнокультурно обусловленными созначениями. В связи с этим в дальнейшем перспективным представляется сбор, анализ и этнолингвистическое изучение названий во взаимосвязи с топонимическими и фольклорными материалами: мифами, обрядами, обычаями и поверьями, лексикализующими данные цветообозначения.

Сокращения

букв. – буквально, посл. – пословица; языки: аз. – азербайджанский, алт. – алтайский, бур. – бурятский, гаг. – гагаузский, каз. – казахский, калм. – калмыцкий, кар. – караимский, кбалк. – карачаево-балкарский, кирг. – киргизский, ккалп. – каракалпакский, кор. – корейский, кр.-тат. – крымскотатарский, кум. – кумыкский, ног. – ногайский, ПА – праалтайский, ПТю. – пратюркский, сюг. – сарыг-югурский, тат. – татарский, тув. – тувинский, тур. – турецкий, туркм. – туркменский, узб. – узбекский язык, уйг. – уйгурский, хак. – хакасский, х-монг. – халха-монгольский, чув. – чувашский, шор. – шорский, як. – якутский.

Список литературы

1. Академический словарь башкирского языка [Текст] / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т.1. – Уфа : Китап, 2011. – 432 с.
2. Академический словарь башкирского языка [Текст] / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т.7. – Уфа : Китап, 2015. – 872 с.
3. Ахметьянов, Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка [Текст] / Р. Г. Ахметьянов. – Казань : Татарское книжное издательство, 2001. – 272 с. (на тат. яз.).
4. Балакина, О. Н. Алтайско-русский словарь [Текст] / О. Н. Балакина, В. С. Дедеева. – Горно-Алтайск : РОО «Лепта», 2015. – 168 с.
5. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке [Текст] / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 288 с.
6. Бачаева, С. Е. Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных (на материалах песен эпоса «Джангар») [Текст] / С. Е. Бачаева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 1. – С. 80–85.
7. Бектаев, К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь [Текст] / К. Бектаев. – Алматы : Алтын Қазына, 1995. – 704 с.

8. Берлин, Б. Основные цвета : Их универсальность и видоизменения. [Текст] / Б. Берлин, П. Кей. – М. : Знание, 1969. – 169 с.
9. Брагина, А. А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний [Текст] / А. А. Брагина // Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1972. – С. 73–104.
10. Будагов, Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий [Текст] / Л. З. Будагов. Т.1. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1869. – 810 с.
11. Габышева, Л. Л. Символические значения имени красного цвета в языках и культуре тюркских народов [Текст] / Л. Л. Габышева // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2019. – № 6. – С. 57–65.
12. Гагаузско-русско-молдавский словарь [Текст] / сост. Г.А. Гайдаржи и др. Под ред. Н. А. Баскакова. – М. : Советская Энциклопедия, 1973. – 664 с.
13. Джушхинова, К. А. «Белая дорога» как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры [Текст] / К. А. Дхушхинова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 2. – С.48–52.
14. Древнетюркский словарь [Текст] / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак– Л. : Наука, ЛО АН СССР, 1969. – 677 с.
15. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка [Текст] / В. Г. Егоров – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1964. – 355 с.
16. Калмыкова, С. А. Ногайско-русский словарь [Текст] / С. А. Калмыкова. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 562 с.
17. Караимско-русско-польский словарь [Текст] / под ред. Н. А. Баскакова, А. Зайончковского, С. М. Шапшала. – М. : Русский язык, 1974. – 688 с.
18. Каракалпакско-русский словарь [Текст] / Под ред. Н. А. Баскакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 892 с.
19. Карачаево-балкарско-русский словарь [Текст] / Под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. – М. : Русский язык, 1989. – 832 с.

20. Кезина, С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект) [Текст] / С. В. Кезина. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2005. – 313 с.
21. Киргизско-русский словарь [Текст] / Сост. К. К. Юдахин. Книга 1. А–К. – Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской энциклопедии, 1985. – 504 с.
22. Киргизско-русский словарь [Текст] / Сост. К. К. Юдахин. Книга 2. Л–Я. – Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской энциклопедии, 1985. – 480 с.
23. Кононов, А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках [Текст] / А. Н. Кононов // Тюркологический сборник. 1975. – М. : Наука, 1978. – С. 159–179.
24. Кормушин, И. В. Цветообозначения [Текст] / И. В. Кормушин // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М. : Наука, 2001. – С. 592–608.
25. Корпус башкирского языка. Проза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 212.193.132.98/bashkorp /bashkorp. – (Дата обращения: 25.06.2020).
26. Магомедов, А. Г. Кумыкско-русский словарь [Текст] / А. Г. Магомедов. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 408 с.
27. Машинный фонд башкирского языка. Лексикографическая база [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfbl2.ru:8080/mfbl/bashlex. – (Дата обращения: 25.06.2020).
28. Мусуков, Б. А. Лексико-семантическое поле слова ала ‘пестрый, разноцветный; пегий’ в тюркских языках [Текст] / Б. А. Мусуков // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2. – С. 300–304.
29. Наджип, Э. Н. Уйгурско-русский словарь [Текст] / Э. Н. Наджип. – М. : Изд. «Советская Энциклопедия», 1968. – 828 с.
30. Норманская, Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках [Текст] / Ю.В. Норманская. – М. : C&K, 2005. – 379 с.
31. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий [Текст] / В. В. Радлов. Т.1. Ч.1. – СПб. : типография Российской Императорской Академии Наук, 1893. – 968 с.

32. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий [Текст] / В. В. Радлов. Т.3. Ч.2. – СПб. : типография Российской Императорской Академии Наук, 1905. – 2204 стб., 98 с.
33. Саматов, К. Лексемы, выражающие хроматические цвета кызыл «красный», сары «жёлтый», кӧк «синий, голубой», жашыл «зелёный», кӥрӧŋ «коричневый» в кыргызском языке [Текст] / К. Саматов // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 10. – С. 109–121.
34. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные [Текст] / Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1974. – 768 с.
35. Татарско-русский словарь [Текст] / Ш. Н. Асылгараев, Ф. А. Ганиев, М. З. Закиев и др. Т.1. – Казань : Магариф, 2007. – 431 с.
36. Тувинско-русский словарь [Текст] / Э. Р. Тенишев. – М. : Самиздат, 2008. – 338 с.
37. Турецко-русский словарь [Текст] / Э. М.-Э. Мустафаев и Л. Н. Старостов. – М. : Русский язык, 1977. – 966 с.
38. Туркменско-русский словарь [Текст] / под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. – М. : Советская Энциклопедия, 1968. – 832 с.
39. Узбекско-русский словарь [Текст] / О. Азизов, З. Ризаева. – Ташкент : Укитувчи, 1989. – 288 с.
40. Уйгурско-русский словарь [Текст] / Под редакцией Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. – Алма-Ата : Издательство Академии наук Казахской ССР, 1961. – 328 с.
41. Усеинов, С. М. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь [Текст] / С. М. Усеинов. – Симферополь : Издательский дом «Тезис», 2007. – 640 с.
42. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка [Текст] / М. Р. Федотов. Т.2. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 509 с.
43. Хакасско-русский словарь [Текст] / Под общ. ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1111 с.
44. Хисамитдинова, Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка [Текст] / Ф. Г. Хисамитдинова. – М.: Наука, 2010. – 452 с.

45. Хисамитдинова, Ф. Г. Цветообозначения в башкирской топонимии [Текст] / Ф. Г. Хисамитдинова, Р. Т. Муратова, Г. Н. Ягафарова, М. Р. Валиева // Вопросы ономастики. – 2019. – № 1. – С. 140–159.
46. Чувашско-русский словарь [Текст] / Под ред. М. И. Скворцова. – Чебоксары : Русский язык, 1985. – 712 с.
47. Якутско-русский словарь [Текст] / Под ред. П. А. Слепцова. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 606 с.
48. Starostin S. A., Dybo A.V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p.

References

1. *Akademicheskii Slovar' Bashkirskogo Yazyka* [The Academic Dictionary of the Bashkir Language]. F. G. Khisamitdinova (ed.). Vol. 1. Ufa: Kitap Publ., 2011. 432 p.
2. *Akademicheskii Slovar' Bashkirskogo Yazyka* [The Academic Dictionary of the Bashkir Language]. F. G. Khisamitdinova (ed.). Vol. 7. Ufa: Kitap Publ, 2015. 872 p.
3. Balakina O. N., Dedeeva V. S. *Altaisko-Russkii Slovar'* [Altay-Russian Dictionary]. Gorno-Altaysk: ROO Lepta Publ., 2015. 168 p.
4. Akhmet'yanov R. G. *Kratkii Istoriko-Etimologicheskii Slovar' Tatarskogo Yazyka* [Brief Historical and Etymological Dictionary of the Tatar Language]. Kazan': Tatarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 2001. 272 p.
5. Bakhilina N. B. *Istoriya Tsvetooboznachenii v Russkom Yazyke* [History of the Color Terms in the Russian Language]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 288 p.
6. Bachaeva S. E. *Formuly-Tolkovaniya Tsvetooboznachayushchikh Imen Prilagatel'nykh (na Materialakh Pesen Jeposa Dzhangar)* [The Definition of Formulas of Adjectives Denoting Color (on Materials of the Songs of the Epos *Dzhangar*)]. *Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovaniy RAN*, 2015, no.1, pp. 80–85.
7. Bektaev K. *Bol'shoy Kazakhsko-Russkii, Russko-Kazakhskii Slovar'* [Large Kazakh-Russian, Russian-Kazakh Dictionary]. Almaty: Altyn Qazyna Publ., 1995. 704 p.
8. Berlin B., Kei P. *Osnovnye Tsveta: Ikh Universal'nost' i Vidoizmeneniya* [Main Colors: Their Versatility and Modifications]. Moscow: Znanie Publ., 1969. 169 p.

9. Bragina A. A. *Tsvetovie Opredeleniya i Formirovania Novykh Znachenii Slov i Slovosochetanii* [Color Definitions and Formation of New Meanings of Words and Phrases]. Moskow: Nauka Publ., 1972, pp. 73–104.
10. Budagov L. Z. *Sravnitel'nyi Slovar' Turetsko-Tatarskikh Narechii* [Comparative Dictionary of Turkish-Tatar Dialects]. Vol. 1. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1869. 810 p.
11. Gabysheva L. L. *Simvolicheskii Znacheniya Imeni Krasnogo Tsveta v Yazykakh i Kul'ture Tyurkskikh Narodov* [Symbolic Meanings of the Red Colour in the Languages and Culture of Turkic Peoples]. *Vestnik Severo-Vostochnogo Federal'nogo Universiteta Imeni M. K. Ammosova,* 2019, no. 6, pp.57– 65.
12. *Gagauzsko-Russko-Moldavskii Slovar* [Gagauz-Russian-Moldavian Dictionary]. Comp. by G. A. Gaidarzhi, ed. by N. A. Baskakov. Moscow: Sovetskaya Jentcyclopedia Publ., 1973. 664 p.
13. Dzhushkhinova K. A. *Belaya Doroga kak Pretsedentnyi Znak Kalmytskoi Lingvokul'tury* [The White Road as a Case-Sign of the Kalmyk Linguistic Culture]. *Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovanii RAN,* 2013, no.2, pp. 48–52.
14. *Drevnetyurkskii Slovar'*. [Ancient Turkic Dictionary]. Ed. by Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev Je. R., Shcherbak A. M. Leningrad: Nauka Publ., 1969. 677 p.
15. Egorov V. G. *Jetimologicheskii Slovar' Chuvashskogo Yazyka* [Etymological Dictionary of Chuvash Language]. Cheboksary: Chuvashskoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1964. 355 p.
16. Kalmykova S. A. *Nogaisko-Russkii Slovar'* [Nogai-Russian Dictionary]. Moscow: Gos. Izdatel'stvo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovarei, 1963. 562 p.
17. *Karaimsko-russko-pol'skii Slovar'* [Karaime-Russian-Polish Dictionary]. N. A. Baskakov, A. Zayonchkovskij, S. M. Shapshal eds. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1974. 688 p.
18. *Karakalpaksko-Russkii Slovar'* [Kara-Kalpak-Russian Dictionary]. Ed. by N. A. Baskakov. Moscow: Gos. Izdatel'stvo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovarei, 1958. 892 p.
19. *Karachaevo-Balkarsko-Russkii Slovar'* [Karachai-Balkar-Russian Dictionary]. Edit by E. R. Tenishev and Kh. I. Suyunchev. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 1989. 832 p.

20. Kezina S. V. *Semanticheskoe Pole Tsvetooboznachenii v Russkom Yazyke (Diakhronicheskii Aspekt)* [The Semantic Field of Color Terms in the Russian Language (Diachronic Aspect)]. Penza: PGPU im. V.G. Belinskogo Publ., 2005. 313 p.
21. *Kirgizsko-Russkii Slovar'* [Kirghiz-Russian Dictionary] / K. K. Yudakhin. Pt. 1. A–K. Frunze: Glavnaya Redaktsiya Kirgizskoi Sovetskoi Jentsiklopedii Publ., 1985. 504 p.
22. *Kirgizsko-Russkii Slovar'* [Kirghiz-Russian Dictionary] / K. K. Yudakhin. Pt. 1. L–JA. Frunze: Glavnaya Redaktsiya Kirgizskoi Sovetskoi Jentsiklopedii Publ., 1985. 480 p.
23. Kononov A. N. *Semantika Tsvetooboznachenii v Tyurkskikh Yazykakh* [The Semantics of the Colour Names in Turkic Languages]. *Tyurkologicheskii Sbornik. 1975.* Moscow, Nauka Publ., 1978, pp.159–179.
24. Kormushin I. V. *Tsvetooboznacheniya* [The Color Terms]. *Sravnitel'no-Istoricheskaya Grammatika Tyurkskikh Yazykov. Leksika.* Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 592–608.
25. *Korpus Bashkirskogo Yazyka. Proza* [Corpus of the Bashkir Language. Prose]. Available at: 212.193.132.98/bashkorp /bashkorp. (accessed 25 June 2020).
26. Magomedov A. G. *Kumyksko-Russkii Slovar'* [Kumyk-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1969. 408 p.
27. *Mashinnyi Fond Bashkirskogo Yazyka* [Machine Fond of the Bashkir Language]. Available at: http://mfbl2.ru. (accessed 25 June 2020).
28. Musukov B. A. *Leksiko-semanticheskoe Pole Slova Ala Pestryi Raznotsvetnyi; Pegii v Tyurkskikh Yazykakh* [Lexico-Semantic Field of a Word Ala (Motley, Varicolored; Piebald) in Turkic Languages]. *Baltiiskii Gumanitarnyi Zhurnal*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 300–304.
29. Nadzhip E. N. *Uigursko-Russkii Slovar'* [Uighur-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Jentsiklopediya Publ., 1968. 828 p.
30. Normanskaya Ju. V. *Genezis i Razvitie Sistem Tsvetooboznachenii v Drevnikh Indoevropeiskikh Yazykakh* [Genesis and Development of Color Terms Systems in Ancient Indo-European Languages]. Moscow: C & K Publ., 2005., 379 p.
31. Radlov V. V. *Opyt Slovarya Tyurkskikh Narechii* [Experience of the Dictionary of Turkic Dialects]. Vol. 1. Pt. 1. Saint-Petersburg: Tipografiya Rossiiskoi Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1893. 968 p.

32. Radlov V. V. *Opyt Slovarya Tyurkskikh Narechii* [Experience of the Dictionary of Turkic Dialects]. Vol. 3. Pt. 2. Saint-Petersburg: Tipografiya Rossiiskoi Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1905. 98 p.
33. Samatov K. *Leksemy, Vyrazhayushchie Khromaticheskie Tsveta Kyzyl Krasnyi, Sary Zholtyi, Kök Sinii, Goluboi, Zhashyl Zelyonyi, Kürөŋ Korichnevyi v KyrgyzskomYazyke* [Lexemes Expressing Chromatic Colors Red, Yellow, Blue, Green, Brown in Kyrgyz Language]. *Problemy Sovremennoi Nauki i Obrazovaniya,* 2016, no. 10, pp. 109-121.
34. Sevortyan E.V. *Jetimologicheskii Slovar' Tyurkskikh Yazykov. Obshchetyurkskie i Mezhtyurkskie Osnovy na Glasnye* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic Stems Ending on Vowels]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 768 p.
35. *Tatarsko-Russkii Slovar'* [Tatar-Russian Dictionary]. Ed. by Sh. N. Asylgaraev, F. A. Ganiev, M. Z. Zakiev and Others. Vol. 1. Kazan: Magarif Publ., 2007. 431 p.
36. *Tuvinsko-Russkii Slovar'* [Tuvan-Russian Dictionary]. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow: Samizdat Publ., 2008. 338 p.
37. *Turetsko-Russkii Slovar'* [Turkish-Russian Dictionary]. Ed. by E. M.-E. Mustafaev and L. N. Starostov. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 1977. 966 p.
38. *Turkmensko-Russkii Slovar'* [Turkmen-Russian Dictionary]. Ed. by N. A. Baskakov, B. A. Karryev, M. Ya. Khamzaev. Moscow: Sovetskaya Jentsiklopediya Publ., 1968. 832 p.
39. *Uzbeksko-Russkii Slovar'* [Uzbek-Russian Dictionary]. O. Azizov, Z. Rizaeva. Tashkent: Ukituvchi Publ., 1989. 288 p.
40. *Uigursko-Russkii Slovar'* [Uighur-Russian Dictionary]. Ed. by Sh. Kibirov and Yu. Tsunvazo. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii Nauk Kazakhskoi SSR, 1961. 328 p.
41. Useinov S.M. *Russko-Krymskotatarskii, Krymskotatarsko-Russkii Slovar'* [Russian-Crimean Tatar, Crimean Tatar-Russian Dictionary]. Simferopol': Tezis Publ., 2007. 640 p.
42. Fedotov M. R. *Jetimologicheskii Slovar' Chuvashskogo Yazyka* [Etymological Dictionary of the Chuvash Language]. Vo. 2. Cheboksary: Chuvashskii Gosudarstvennyi Institut Gumanitarnykh Nauk Publ., 1996. 509 p.

43. *Khakassko-Russkii Slovar'* [Khakass-Russian Dictionary]. Ed. by O. V. Subrakova. Novosibirsk: Nauka Publ., 2006. 1111 p.
44. Khisamitdinova F. G. *Mifologicheskii Slovar' Bashkirskogo Yazyka* [Mythological Dictionary of the Bashkir Language]. Moscow: Nauka Publ., 2010. 452 p.
45. Khisamitdinova F. G., Muratova R. T., Yagafarova G. N., Valieva M. R. *Tsvetooboznacheniya v Bashkirskoi Toponimii* [Colour Terms in Bashkir Toponymy]. *Voprosy Onomastiki*, 2019, no. 1, pp.140–159.
46. *Chuvashsko-Russkii Slovar'* [Chuvash-Russian Dictionary]. Ed. by M. I. Skvortsov. Cheboksary: Russkii Yazyk Publ., 1985. 712 p.
47. *Yakutsko-Russkii Slovar'* [Yakut-Russian Dictionary]. Ed. by P. A. Sleptsov. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1972. 606 p.
48. Starostin S. A., Dybo A.V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p.

COLOR TERMS ALA ‘PIEBALD’ AND SÏBAR ‘MOTTLEY’ IN THE BASHKIR LANGUAGE: HISTORICAL DEVELOPMENT AND LEXICAL SEMANTICS

Muratova R. T.

The purpose of the article is to study the origin of names for piebald and mottley colors in the Bashkir language, to trace their development on the general Turkic background and to reveal the semantic features of these color designations.The relevance of the research is due to the need to study lexemes both in the comparative-historical aspect and in terms of synchronicity with the identification of denotative and connotative components in their semantics. It is revealed that the difference in the semantics of the lexemes *ala* ‘piebald’ and *sïbar* ‘mottley’ is that the word *ala* denotes a combination of colors with large spots, the lexeme *sïbar* is a color consisting of small mixed colored areas. Both lexemes are of ancient origin: *ala* goes back to the Pre-Turk **ala* and Pre-Altaic **ǎ̄lV* ‘mottley’; the Pre-Turk form of the color designation *sïbar* is reconstructed in the form of *čopur, čap*- ‘mottley, pock-marked’ ‘unkempt, untidy’, ‘pour out (about rashes, teals)’, which is derived from the Pre-Altaic **šop`é* ‘freckles, spots’. The semantic load of the lexemes *ala* and *sïbar* is stable, since in Bashkir, as well as in all other Turkic languages, they retained their original meaning. In all Turkic languages, including Bashkir, they have additional connotative semantics, which characterizes the antiquity of these meanings. *Ala,* in addition to the designation of piebald color, is an epithet of fierce eyes and spring blackened snow, pigment spots on the skin, the word is used in the meanings ‘multi-colored’, ‘prominent’; *sïbar* is used in the meanings ‘mottled’, ‘pock-marked’, ‘flea-bitten’, ‘diverse’, ‘multicolored’, ‘variegated’, ‘changeable’, ‘freckled’. The same meanings are noted in other Turkic languages.

Keywords: Bashkir language, Turkic languages, color terms, piebald, mottley.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 85–103.

3. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1

ОБРАЗ БАШНИ И РЕАЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «GENERATION “П”»

Баранов А. В.

Таврическая академия (Структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Симферополь, Россия
E-mail: aleksandr.baranov.97@mail.ru

В статье изучаются способы авторского трансформирования мифологемы Вавилонской башни и архаического представления о священной башне, мировой вертикали. Мы предоставляем культурологические и исторические сведения, связанные с ветхозаветным первоисточником, особенностями возникновения сюжета о строительстве легендарного сооружения. В тексте нами производится анализ обращений В.Пелевина к Вавилонской башне и храму-башне в хронологической последовательности. Определяются изменения точки зрения на мифологему в ходе перемен, переживаемых главным персонажем произведения – Вавиленом Татарским.
Ключевые слова: Вавилонская башня, Виктор Пелевин, храм-башня, зиккурат, алтарь, Иштар, Энкиду, тофет, материальный огонь.

ВВЕДЕНИЕ

Мифологема Вавилонской башни и сам миф о Вавилоне уходят корнями в Ветхий Завет, а согласно ему – во времена начала послепотопной истории человечества [4, с. 13, 11]. И возможностей для расширения ареала культурного влияния вавилонского мифа на воспринимающее сознание стало значительно больше. Мало того, что придание включено в Книгу Бытия, то есть основополагающую книгу Священного Писания – история о Вавилоне ещё и берёт на себя смелость объяснить самую большую проблему человечества – непонимание, разногласие. Обратим внимание, что речь идёт о мифологическом событии, описанном в Ветхом Завете, который является намного более древней частью Библии, чем Новый Завет. Именно поэтому в первом отображено больше аутентичных элементов мифологем архаических цивилизаций, чем во втором. На фольклорную традициюв ветхозаветном повествовании первым обратил внимание Дж. Дж. Фрэзер в своей работе «Фольклор в Ветхом Завете» [17]. Отсюда и началось

историко-культурологическое, свободное от религиозного мировосприятия осмысление одной из главных книг христианства и иудаизма.

В науке продолжался рост интереса к первым цивилизациям Востока, более всего к шумеро-аккадской, трансформировавшейся в вавилонскую. И в середине XX века уже имелись все данные, чтобы сопоставлять и анализировать взаимоотношения преданий различных семитских и не семитских этнических групп на материале Ветхого Завета. После историко-культурологических открытий семантическое поле Вавилонской башни и Вавилона значительно расширилось, стало противоречивым. И именно такое его неоднородное и многообразное состояние взял за основу Виктор Пелевин.

Художественное погружение образа или мифологемы, расширившейся до неопределимых границ, в литературную действительность всегда раскрывает по-новому и культурную единицу, и самого автора. Не будем также забывать, что, «…когда традиционный миф утратил свое сакральное значение, а новое сознание перестало создавать мифы в традиционной форме, некоторые функции мифопорождения взяла на себя литература» [9, с. 38].

Виктор Пелевин чрезвычайно тонко разделяет оттенки значений выбираемой мифологемы и соединяет их в новых авторских конфигурациях. Художественный мир «Generation “П”» строится вокруг Вавилонской башни. Авторское художественно-философское осмысление Вавилонской башни, зиккурата и универсальной вертикали (посредством которой выстраиваются метафизические уровни мира) приводит к взаимопересечению и взамопереходу значений этих понятий. Рассмотрению этого феномена и посвящена данная статья.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В начале романа автор описывает крушение мифологического пространства советской вечности и всех её субъектов [13, с. 14]. А. Ю. Колесникова называет советский миф одним из трёх основных, представленных в произведении [8, с. 73]. Несмотря на исчезновение этого идеологического космоса в самом начале сюжета, из

последствий социального «апокалипсиса» вырастают изменения мира и идентичности в нём.

Хаос начинается кристаллизироваться в некоторые пугающие формы, показываемые посредством капиталистической системы, противоположной идеалам предыдущей монументальной эпохи. И именно здесь, со страниц «Generation “П”», перед нами возникает Вавилонская башня, возникает она там, где происходит основное сгущение человеческих сил – сил конструкторов иллюзорного нового миропорядка – в рекламной сфере.

В первом маркетинговом ролике Татарского сооружение изображено как начало истории: «Росла и рушилась Вавилонская башня, разливался Нил, горел Рим…» [13, с.27]. Образ представлен и в моделировании конца цивилизаций: «над его (океана. – *А. Б.*) ревущей поверхностью оставалась одинокая скала, как бы рифмующаяся своей формой с Вавилонской башней, с которой начинался сценарий» [13, с.27]. То есть рассматриваемая мифологема символически является точкой начала и конца.

Неслучайны слова, которыми открывается ролик Татарского: «Род приходит и уходит, … а земля прибывает вовеки» [13, с. 27]. Первоисточником фразы является «Книга Екклесиаста» [4, с. 618, 1.4]. Если посмотреть текст, предшествующий приведённому Татарским в Ветхом Завете, то обнаружим следующее: «Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?» [4, с. 618, 1.3]. Напомним, что речь идёт об одном из самых трагических и пессимистических мест Ветхого Завета, где ещё не познавший христианской мудрости проповедник теряет всякую радость из-за осознания извечной повторяемости, безвыходности. В.В. Акимов сравнивает упомянутую книгу Ветхого Завета с Вавилонской теодицеей и находит их очень созвучными по спектру затрагиваемых вопросов, связанных с несправедливостью, неотвратимостью смерти [1, с. 36-42].

Пелевинский герой будто получает подсознательный импульс, что даёт ему возможность воспроизводить нечто отражающее более глобальную картину, чем концепция лефортовского кондитерского комбината, которому посвящен видеоролик [13, с. 27].

Вавилонская башня: историко-культурологический экскурс

В «Книге Бытия» люди, выжившие после всемирного потопа, представляющие единый языковой континуум, решили так: «Построим себе город и башню, высотою до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли» [4, с. 13, 11.4]. Господь остановил человеческую заносчивость и в ответ на людскую дерзость разделил их языки и прекратил строительство [4, с. 13, 11.7].

Дж. Фрезер очерчивает ещё одно, помимо тщеславия, прагматическое значение создания грандиозной постройки: «предупредить возможность рассеяния людей по всей земле» [17, с.171], то есть башня выступала в качестве ориентира для тех, кто может заблудиться, выйдя из города [17, с. 172]. Значение вавилонского мифа в рамках библейской истории и теистического аллегоризма довольно велико.

Небольшое по размеру предание начало расширяться и интерпретироваться в дальнейших еврейских фольклорных текстах: «С головокружительной высоты люди стреляли в небо, и стрелы падали назад, забрызганные кровью. Тогда они кричали: «Мы убили всех небожителей» [17, с.172]. Правда, финал остался прежним – Бог снизошёл и смешал все языки, что породило междоусобицы.

Однако то, что названо в Ветхом Завете Вавилонской башней, с точки зрения шумеро-аккадской культуры более напоминает зиккурат. Джеймс Фрезер и Густав Гече называют эти сооружения храмами-башнями, что синонимично понятию зиккурат, это мы наблюдаем и в тексте романа [13, с. 43].

Нам известно, что храмы-башни для вавилонян носили ритуальный характер. Они были способом коммуникации неба и земли, посредством которой боги и люди выстраивали связь [5, с. 77]. Сам Вавилон, по мнению Дж. Фрезера, переводится как «Врата богов», что и объяснимо удалением семитских кочевых племён от вавилонской цивилизации [17, с. 173].

Имея в виду выводы Густава Гече, можно утверждать, что с точки зрения еврейского монотеизма человеческая инициатива достучаться до небес может быть наказуема, так как пропасть между человеком и Богом слишком велика для первого. Немаловажным является восприятие Вавилона иудеями. А оно оказалось крайне

враждебным. Вследствие исторических причин падение города «было страстной мечтой еврейских племен» [17, с. 78].

Но чем с мифолого-ритуальной точки зрения является священная башня, храм-башня для архаических культур? Зиккурат представлен центром мира, а центр вселенной «находится там, где место жертвоприношения» [15, т. 1, с. 697], то есть где алтарь. Данное положение является кросскультурным. Приведем сторонний, но имеющий отношение к нашей теме пример. Когда А. и Б. Рис обращаются к исследованию традиционно кельтских сюжетов, они апеллируют к сюжету древнеиндийскому. Так, Вишну, будучи жертвой на алтаре, стал всем миром и «с тех пор слова “велик как алтарь” означает “велик как мир”» [16, с. 89]. Это аллегорически подтверждает как всепространственное, так и центральное значение алтаря, которым и является вершина башни. А образом центра (алтаря) могут выступать: «дерево жизни, священная гора, столп, где находится алтарь, где приносятся жертвы» [15, т.3, с. 472-473]. Последнее определение (столп) очень точно подходит для Вавилонской башни. Восхождение на храм-башню – более поздний аналог того, как шаман взбирается на Мировое Древо для получения знаний [19, с. 187]. Более того, сюжет о восхождении на небо через древо и последующий брак с дочерью солнца – сюжеты общие для Азии и Америки [14, с. 180].

Теперь продолжим рассмотрение храма-башни в романе «Generation “П”», имея общие культурно-исторические представления о данном феномене. Через некоторое время после создания Татарским рекламного ролика с ипользованием Вавилонской башни он находит у себя папку «Тихомат-2». Это, как пишет автор, «судя по всему, приложение к диссертации по истории древнего мира» [13, с. 40]. В тексте Виктор Пелевин акцентирует внимание на ритуале священного брака с богиней Иштар. И для совершения этого брака неофит должен взойти на зиккурат богини [13, с. 43]. Следовательно, здесь храм-башня представлен как способ связи человеческого уровня с божественным в шумеро-аккадском контексте. Однако постмодернистские произведения, даже если опираются на традицию, мифологическую, фольклорную, литературную, всё равно совершают их переосмысление [6, с. 59].

Отдельный интерес для нас представляет дорога Вавилена Татарского к Вавилонской башне или восхождению на зиккурат. В данной части работы мы будем обращаться к пространственной основе построения художественного мира. Здесь мы полностью поддерживаем точку зрения С.О. Курьянова, критикующего приоритет выделения элемента времени в пространственно-временных отношениях в литературе [10, с. 23]. Учёный в первую очередь касался вопросов топического текста и акцентировал внимание на его автономной значимости. Предпосылкой к рассмотрению локальных текстов и сверхтекстов являются работа Н. П. Анцифирова «Душа Петербурга» (1920-е) и направление геопоэтики, основанное Кеннетом Уайтом, и геокритики, начало которой было положено Бертраном Вестфалем [10, с. 21].

В работе с художественным произведением исследователь всегда привязан к конкретным локациям. А если предмет настоящего исследования мифологический и действия, проходящие с ним, относятся к ритуальным, то необходимо обратиться к пространственному пониманию мифа.

Опираясь на работу Джозефа Фрэнка, С. О. Курьянов пишет, что: «Именно в мифе пространственность, отделенная от временных параметров, выходит на передний план» [10, с. 28]. В конкретном случае следует уточнить и детализировать некоторые аспекты данного положения. В мифе не существует исторического времени, в нём есть сакральное время, случившееся единожды, и именно на его воспроизведение нацелены космогонические ритуалы архаических обществ [17, с.29]. Но время это циклично, его природой обусловлено вечное возвращение, характерное для мифологического мышления вконец утомившее собой Екклесиаста: «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои» [4, с. 618, 1]. Поэтому мифологическое время действительно приближается к категориям формы, статичности, предсказуемости, чем напоминает пространство. Теперь по поводу последнего. Сакральность топоса организовывала вокруг себя быт человека многие тысячелетия: «Они (индоевропейцы. – *А. Б.*) пользовались понятиями и ритуалами, позволявшими

освящать пространство и «космизировать» территории, на которых они обосновались» [18, с. 177].

Вавилен Татарский на дороге к Вавилону

Путь героя Пелевина к тому, что станет в романе материальным воплощением идеи Вавилонской башни, долог. И начинается он со встречи с Андреем Гиреевым, бывшим одноклассником Вавилена [13, с. 46]. Гиреев является фигурой другой культурной действительности: «Гиреев поразил его своим нарядом – синей рясой, поверх которой была накинута расшитая непальская жилетка. В руках он держал что-то вроде большой кофемолки» [13, с. 46-47]. Андрей приглашает Вавилена в гости, и отсюда начинается путь Татарского.

Гиреев жил под Москвой, то есть на пограничной местности, между лесом и городом. Лесом как архаичным началом и городом как воплощением цивилизации. Даже с бытовой точки зрения «по уровню удобств… жилье» Андрея Гиреева «было переходной формой между деревней и городом» [13, с. 48]. Первым увиденным Татарским предметом в доме стала банка с сушёными мухоморами [13, с. 48], и это совсем не удивительно, если рассматривать роман с точки зрения мифа о посвящении. Так как именно наркотическое вещество должно было обеспечивать прохождение галлюцинаторного этапа инициации в древних обществах. Приведём полностью цитату из знаменитой работы В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», касающуюся именно этого вопроса: «Так, – пишет учёный, – на Нижнем Конго руководство посвящением берет на себя жрец-волшебник (Zauberpriester). Он уходит со своими воспитанниками в лес и проводит там с ними определенное время. Они, по-видимому, при помощи наркотического средства погружаются в сон и объявляются мертвыми» [14, с. 104]. Такой же именно процесс и происходит у Татарского с Гиреевым, несмотря на недостаточную осведомлённость обоих в обрядности. А. Ю. Колесникова прямо говорит, что Гиреев выполняет «функцию проводника в другой мир, или шамана, помогающего ученику пройти в мир духов» [8, с. 74].

Здесь можно наблюдать одну из важных специфических черт романа «Generation “П”» – процесс тотальной профанизации, утраты знаний. И в новой действительности

происходит то, что присутствовало в наиболее архаичной, то есть отсутствие жёсткой полярности мира [12, с. 95]. «Несмотря на это, в романе происходят ритуальные события в соответствии не только с неомифологическими вкраплениями, но и с их историческими аналогами, о чём мы подробно писали в статье «Неомифология и мифология в романе В. Пелевина «Generation “П”» [2, с. 43].

Что же касается Татарского и Гиреева, то первый пьёт отвар из мухоморов, будто чай, предложенный в гостях, потом съедает некоторое количество сушёных грибов, и два приятеля идут прогуляться. Пересекая поле, они отправляются в лес. То есть переходят через ещё одну границу – границу с лесом – местом потусторонним и опасным, антиподом города – цитадели человечества. Там Татарский сразу находит и съедает коричневые мухоморы, от которых предостерегал Гиреев [13, с. 51].

По мифологической концепции «Тихомат-2», мухоморы являлись одним из ингредиентов зелья и имели разные функции: «Красный мухомор связывает халдея с прошлым… <…> Коричневый мухомор («коричневый» и «желтый» по-аккадски обозначались одним словом), напротив, связывает с будущим…» [13, с. 43]. Вавилен, употребив грибы, оказался в прошлом и будущем одновременно, значит, в определённом смысле вне границ. И после того как он переживает ряд откровений, его речь искажается. Неофит путает слоги местами [13, с. 53]. В результате речевой дисфункции Вавилен впервые приходит к размышлению о вавилонских мифологемах со свойственной ему простотой: «Да это же вавилонское столпотворение! – подумал он.– Наверно, пили эту мухоморную настойку, и слова начинали ломаться у них во рту, как у меня…» [13, с. 56-57]. Если же посмотреть на происходящее, пользуясь логикой неомифологизированного халдейского учения, – из-за выхода за пределы настоящего герой переживает важнейший этап в истории человечества – потерю общей системы коммуникации.

В художественной действительности романа «Generation “П”» строительство Вавилонской башни следует отнести именно к сакральному времени, то есть к основополагающему для человеческого мироустройства [20, с. 142].

Татарский приходит к значимому выводу: «Когда происходит смешение языка – возникает Вавилонская башня. Или может быть, не возникает, а просто открывается

вход на зиккурат» [13, с. 57]. Из имплицитного смыслового плана мы понимаем, что храм-башня не принадлежит к конкретной исторической эпохе. Вавилонская башня в мире «Generation “П”» скорее является существующей всегда, и человечеству открывается путь к её «святыне» в определённый момент бытия, в момент утраты общей речи, согласованности.

Получается, что *Б*ашня – альтернативный слой реальности. Её вовсе не существует, когда не существует «смешения языков», то есть непонимания, разобщения. Также на параллельном уровне складывается понимание, что в романе Виктор Пелевин предоставляет нам другую ветку человеческой цивилизации, где движение истории происходит от выстроенной башни, а не разрушенной. Здесь Вавилонская башня является осмыслением ветхозаветного мифа.

После прохождения Татарским этапа косноязычия («смешения языка») – «в проволочном заборе… появились большие ворота, украшенные рельефными красными звёздами» [13, с. 58]. Элементы действительности, по крайней мере того, что люди считают физической действительностью (проволочный забор), смешиваются с иным пластом, мифологическим (большие ворота, нарисованные). Символика звёзд свидетельствует о небесной сфере, в которую должны вести врата. Герой в них не входит, как бы ни хотел этого сделать, он просто перелазает через забор, но в ритуальном смысле – проходит через двери у основания мира *Б*ашни. «В центре площадки стояло недостроенное здание… Постройка походила на ступенчатый цилиндр из нескольких бетонных боксов, стоящих друг на друге. Вокруг них поднималась спиральная дорога на железобетонных опорах, которая кончалась у верхнего бокса, увенчанного маленькой кубической башенкой с красной лампой-маяком». [13, с. 59]. Не сложно догадаться, что персонаж видит структуру Вавилонской башни, она цилиндрическая, недостроенная, а спиральная дорога соединяет все ярусы. На самой верхней площадке стоит зиккурат (вавилонское слово «sigguratu» означает «вершина»). Параллельно с целесообразной символической линией в тексте присутствует демонстрация попытки Вавилена приблизить реалии к Вавилонскому мифу: «…впрочем, подумал Татарский, маячок тоже мог гореть от какого-то немыслимо древнего электричества, подведённого под землёй из Египта

или Вавилона» [13, с. 59-60]. Так автор играет с читательским восприятием, не давая ему точно убедиться в серьёзности или несерьёзности происходящего. Здесь уместно обратиться к работе Л. В. Дубакова, который весьма точно сформулировал рассматриваемую особенность: «В. Пелевин балансирует на грани серьёзности и ироничности с перевесом в ту или другую сторону (в зависимости от отношения к конкретному оккультному источнику)» [7, с. 6]. На протяжении романа очень тесно переплетены символико-ритуальный уровень и фактический. Первый чаще выставлен через представление персонажа или некоторые намёки со стороны окружающего персонажей мира. Второй представлен прозаичным и реалистичным, с его позиций действия происходят на заброшенной стройке или в комнате, или под Москвой. Но одновременно ситуации разворачиваются в Вавилоне, мифологическом пространстве аккадской ментальности, на границе профанного и сакрального.

В. О. Пелевин повествует: «Дорога все время уходила за угол и как бы обрывалась в небо, поэтому Татарский шел осторожно и держался рукой за стену. С одной стороны, башню освещали прожектора со стройплощадки, а с другой – луна, висевшая в просвете высокого облака» [13, с. 61]. В данном описании несложно увидеть параллелизм двух реальностей, вернее их взаимоопределяющих символов. С одной стороны, это прожекторы, не предполагающие ничего другого, кроме себя самих, электрический свет. С другой стороны – луна, неразрывно связанная с мистикой и потусторонним. О различии её аспектов в русской картине мира мы подробно писали в статье «Функциональные и семантические особенности лексемы Месяц в ранних поэмах Сергея Есенина» [3]. В самом «святилище», комнатке на высшей точке башни, Вавилен обнаруживает солдатскую коморку: «То, что это следы именно солдатского быта, было ясно по наклеенным на стены журнальным фотографиям женщин. Некоторое время Татарский изучал их. Одна из них, совершенно голая и золотая от загара, бегущая по песку тропического пляжа, показалась ему очень красивой» [13, с. 63]. По всей видимости, голая золотая женщина – это намёк на Иштар, «золото суть тело богини» [13, с. 42], и на вершине храма-башни искателя должен ожидать золотой идол божества [13, с. 43].

Энкиду-Баал; башня-тофет

Ключевой фигурой псевдомифологического внутреннего текста из папки «Тихомат 2» выступает Энкиду. В трактате он вовсе не названный брат Гильгамеша, как этого требует традиция [21, с. 20], а «бог-рыбак, слуга бога Энки» [13, с. 165]. И на золотую нить этого персонажа как бы сами по себе нанизываются люди, влекомые великой силой Энки. Люди, согласно легенде, всего лишь бусинки с ожерелья супруги бога, которые рассыпаны, а бог-рыбак собирает их обратно [13, с. 166-167]. После прочтения мифа Вавилен погружается в метафизическое пространство. Герой обнаруживает себя в летнем городе: «Над городом поднималась не то коническая заводская труба, не то телебашня – сложно было сказать, что это такое, потому что на вершине этой трубы-башни горел ослепительно белый факел» [13, с. 169]. Так перед нами снова появляется образ или подобие вавилонского зиккурата, если на военной стройке на вершине мерцал маяк-лампочка, привлекая часть внимания, обозначая значимость верхней точки сооружения, то теперь наверху ослепительно-белый факел. И это подчёркивает силу, энергию объекта. Факел ослепляет, он настолько ярок, что «дрожащий от жара воздух искажал её (башни. – *А. Б.*) контуры» [13, с. 169], то есть в факеле находится концентрат света и жара.

Автор очерчивает характеристики и свойства этого жара – он поглощает человеческие сущности, если под сущностью мы будем понимать жизненность: «Татарский тоже поднял глаза, и его сразу же рвануло вверх. Он почувствовал, что огонь притягивает его и, если он не отведет взгляда, пламя утащит его вверх и сожжет» [13, с. 169]. Знания о всесжигающем огне изначально присущи Татарскому в этом пространстве. А пламя – ещё один образ магнетической силы Энкиду, нанизывающего на золотую нить всех без исключения.

Позже персонажу романа уже видится не сооружение, а очертания бога-рыбака, «источником света был конический шлем на голове фигуры» [13, с. 169]. В следующем мыслительном действии Вавилен догадывается, что этот живой огонь «смотрит» на него, и только потому сознание Татарского создаёт у смотрящего антропоморфные черты, которых нет [13, с. 169].

Уже мы можем говорить о более подробной концепции Вавилонской башни как сосредоточения обманного огня, который вбирает в себя сущности, и этот же метафизический объект является богом Энкиду, совершающим аналогичное по смыслу действие – нанизывает людей на нить ожерелья. Важная черта двуипостасного явления выражена через догадку главного героя, что пламя горит не вверху, а внизу [13, с. 170]. К характеристикам зиккурата-Энкиду прибавляется искаженность пространства или восприятия координат в нём (верх и низ меняются местами). Потом сирруф, сторож Вавилонской башни, вносит изменения в устоявшееся представление о ней.

Вавилен Татарский кается перед сирруфом, что посмотрел на Вавилонскую башню. Далее, с одной стороны, мы получаем подтверждение, что Татарский воспринимает описываемый автором объект как интересующую нас мифологему. С другой стороны, мы понимаем, что с точки зрения сирруфа он не прав: «Вавилонскую башню невозможно увидеть, – ответил сирруф. – На неё можно только взойти…» [13 с. 176]. Неутомимый работник рекламной сферы наблюдает противоположность легендарного строения – тофет, место для сожжения жертв, функцию которого сейчас выполняет телевизор [13, с. 176]. Но уместно ли принять позицию сирруфа за истину? С точки зрения метафизического пространства, где они с Вавиленом общаются– возможно, но страж имеет ввиду нечто трансцендентное. Если смотреть на видение Татарского с ракурса культурно-мифологических представлений о Вавилонской башне, то она и есть тофет, в котором сгорает человечество от своих разобщенности и гордыни.

Существо, увиденное как бог Энкиду, на самом деле Ваал, в жертву которому приносили детей, сирруф говорит о нём: «…не бог, а, скорее, наоборот» [13, с. 176]. И эта информация относительно достоверна, поскольку такое существо действительно имело место в архаическом сознании [см.: 11, т.1, с. 149]. Но цель его, по В. Пелевину, не карающая. Он существует, «чтобы люди когда-нибудь поняли, что они вовсе не бусины» [13, с. 176], то есть его назначение – привести человечество к самопознанию. И последнее положение к древним религиям Ближнего Востока,

Ветхому Завету никак не относится. Так проявляется синтез идей в художественном мире Виктора Пелевина.

Итак, нечто, воспринятое Татарским в Вавилонской башне, на метафизическом, возможно, более объективном уровне, является Карфагенской шахтой (тофет). Энкиду не помощник высшего божества, но, скорее, демоническое существо. Однако функция его опять не соответствует предыдущему клише – сжигать то, что не может быть вечным. Одновременно существует некий подлинный зиккурат за пределами зрения и известных характеристик: «Вавилонскую башню невозможно увидеть, – ответил сирруф. – На неё можно только взойти…» [13, с. 176].

Единство верха и низа, Карфагенской шахты и *Б*ашни мы наблюдаем в последнем «восхождении» Вавилена на сооружение посреди военной стройки, выступающее аналогом архаического понятия в материальном мире, современном главному герою. Тогда начинается развёртывание в физическом топосе завуалировано представленной сирруфом вертикальной линии, где низ принимается за верх, а подлинный верх, по всей видимости, настолько трансцендентен, что увидеть его нельзя. И проявляется это вот как: Татарский, находясь на вершине недостроенной станции, видит облако, а на нём конический выступ, напоминающий башню [13, с. 321]. Она напоминает персонажу о «небесной субстанции», бывшей в нём, дожизненной.

Через некоторое время он обнаруживает рядом с собой «чёрную дыру многоэтажной пропасти», лифтовую шахту [13, с. 322]. Так Татарский выстроил достаточно точную систему координат: есть тофет как абсолютный низ ошибочно признанный верхом, и глубокая шахта высотой во всю Вавилонскую башню, ведущая в эту пропасть. Но с той точки, на которой Татарский находится в описываемой Пелевиным ситуации, возможно прикоснуться внутренним чувством к фактическим вершинам (трансцендентным, вне топических координат, вовсе и не вершинам), вспомнить, ощутить.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в романе В. О. Пелевина «Generation “П”» осмысливаются представления о Вавилонской башне как ветхозаветной мифологеме (раздор, непонимание) и о храме-зиккурате (священном алтаре, связи с небом, трансцендентности). В то же время за Вавилонскую башню Татарский принимает пламя, в котором сгорает человеческий мир (тофет, Карфагенская шахта). Последнее и есть наиболее ёмкое аллегорическое представление о мифологическом вавилонском тексте с точки зрения ветхозаветной мифологии. В одном из ракурсов (рекламный ролик Татарского) автор представляет постройку *Б*ашни циклообразующим и замыкающим элементом истории человечества.

Топические координаты заброшенной военной стройки наложены на вавилонские, и в этом пространстве на протяжении романа всё теснее смешиваются две действительности (древняя ритуальная и нынешняя, насыщенная профанными элементами). Храм-зиккурат выступает центром, к которому тяготеют искания персонажа на локационном и событийном уровнях.

В рамках откровения, на одном из уровней сознания Татарского Вавилонская Башня представлена в образе Энкиду и его «взгляд» – тот самый огонь, в котором сгорают сущности. При этом вертикальные координаты меняются местами, верх является низом (карфагенской шахтой), а бог – демоном. Далее происходит вторая переполюсовка в оценочной системе, так как демоническое существо сжигает наш мир для того, чтобы люди осознали свою «несгораемость» в нём.

В итоге через опыт Вавилена Татарского автор предоставляет концепцию вертикали, нижнюю и верхнюю часть которой на протяжении романа могли считать Вавилонской башней, но настоящий священный алтарь находится за пределами человеческого восприятия.

Список литературы

1. Акимов, В. В. Вавилонская теодицея и библейская Книга Екклезиаста [Текст] / В. В. Акимов // Скрижали. Серия Ветхозаветные исследования. –2014. – вып. 8. – С. 46–42.
2. Баранов, А. В. Неомифология и мифология в романе В. Пелевина «Generation“П”» [Текст] /А. В. Баранов // Вопросы русской литературы. – 2019. – № 4 – С. 41–51.
3. Баранов, А. В. Функциональные и семантические особенности лексемы Месяц в ранних поэмах Сергея Есенина [Текст] / А. В. Баранов // Современное Есениноведение. – 2018. – №4. – С. 45–51.
4. Библия : Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов [Текст] – М. : Российское библейское общество, 2010. – 1371 с.
5. Гече, Г. Библейские истории [Текст] / Г. Гече. – М. : Политиздат, 1988. – 367 с.
6. Дещенко М. Г. Литературная сказка Нила Геймана: Переосмысление традиции как основа творческого метода писателя (на материале повести «Звёздная пыль») [Текст]/ М. Г. Дещенко// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2016. – Том 2 (68). № 2. Ч. 2. , С. 59–63.
7. Дубаков, Л. В. Русская постмодернистская литература и оккультизм : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 – русская литература : защищена 28.10.10 [Текст] / Л. В. Дубакова. – Ярославль, 2010. – 20 с.
8. Колесникова, А. Ю. Функционирование мифологических сюжетов в контексте массмедийного пространства романа «Generation “П”» [Текст] / А. Ю. Колесникова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 7. – С. 73–76.
9. Курьянов С.О., Лосинец Д. Ю. Неомифологические основы творчества А. С. Грина (на примере рассказа «Ночью и днём») [Текст]/ С. О. Курьянов, Д. Ю. Лосинец // Ученые записки Крымского федерального университета имени

В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2019. – Том 5 (71), № 2. С. 38–50.

10. Курьянов, С. О. Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков : монография [Текст] / С. О. Курьянов. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 308 с.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т./ гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Сов. Энциклопедия, 1991. – Т. 1 : А. – К. – 671 с.
12. Новикова М. Н. Маринистические мотивы в европейских текстах и сверхтекстах (к постановке проблемы) [Текст]/ М. Н. Новикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2019. – Том 5 (71), №1, С. 93–109
13. Пелевин, В. Generation П [Текст] / В. Пелевин. – М. : Аст, 2019. – 352 с.
14. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2000. – 336 с.
15. Ригведа: в 3 т.[Текст]. – Изд. второе, исправленное. – М. : Наука, 1999. – Т. 1. Мандалы I-IV. – 768 с.; Т. 2. МандалыV-VIII. – 745с.; Т. 3. Мандалы IX-X. – 560 с. – (Серия «Литературные памятники»).
16. Рис, А. и Б. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе [Текст] / А. и Б. Рис. – М. : Энигма, evidentis, 1999. – 480 с.
17. Фрэзер, Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете [Текст] / Дж. Дж. Фрэзер. – М. : Политиздат, 1989. – 542 с.
18. Элиаде, М. Аспекты мифа [Текст] / М. Элиаде; пер. с фр. В. П. Большакова. – М. : Академический проект, 2010. – 251 с.
19. Элиаде, М. История религиозных идей мистерий [Текст] / М. Элиаде. – М. : Критерион, 2001. –Т. 1 : От каменного века до элевсинских. – 464 с.
20. Элиаде, М. Шаманизм и архаические техники экстаза [Текст] / М. Элиаде. – М. : Ладомир, 2015. – 552с.
21. Эпос о Гильгамеше (О всё видавшем) [Текст]. – СПб. : Наука, 2006. – 212 с.

References

1. Akimov V. V. *Vavilonskaya Teoditseya i Bibleiskaya Kniga Ekkleziasta* [The Babylonian Theodicy and the Biblical Book of Ecclesiastes]. *Skrizhali. Seriya Vetkhozavetnye Issledovaniya*, 2014, № 8, pp. 46–42.
2. Baranov A. V. *Funktsional'nye i Semanticheskie Osobennosti Leksemy Mesyats v Rannikh Poemakh Sergeya Esenina* [Functional and Semantic Features of the Lexeme Month in the Early Poems of Sergei Yesenin]. *Sovremennoe Eseninovedenie*, 2018, №4, pp. 45–51.
3. Baranov A. V. *Neomifologiya i Mifologiya v Romane V. Pelevina Generation P* [Neomythology and Mythology in V. Pelevin's Novel *Generation P*]. *Voprosy Russkoi Literatury*, 2019, № 4, pp. 41–51.
4. *Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zavetov* [Bible. Books of Scripture of the Old and New Testaments]. Moscow: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo Publ., 2010. 1371 p.
5. Deshchenko M.G. Literaturnaya skazka Nila Geymana: Pereosmysleniye traditsii kak osnova tvorcheskogo metoda pisatelya (na materiale povesti «Zvozdnaya pyl'«). [A literary tale by Neil Gaiman: Rethinking tradition as the basis of the writer's creative method (based on the story «Stardust»)]. Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki. Nauchnyy zhurnal, 2016, Vol. 2 (68). № 2. Part. 2., pp. 59–63
6. Dubakov L. V. *Russkaya Postmodernistskaya Literatura i Okkul'tizm*: *Avtoref. Dis*. … *Kand*. *Filol*. *Nauk* [Russian Postmodern Literature and Occultism. Abstract of Thesis]. Yaroslavl', 2010. 20 p.
7. Eliade M. *Aspekty Mifa* [Aspects of the Myth]. Translated from French by V. P. Bol'shakova. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2010. 251 p.
8. Eliade M. *Istoriya Religioznykh Idei Misterii* [History of the Religious Ideas of the Mysteries]. Moscow: Kriterion Publ., 2001, Vol. 1: *Ot Kamennogo Veka do Elevsinskikh*. 464 p.

9. Eliade M. *Shamanizm i Arkhaicheskie Tekhniki Ekstaza* [Shamanism and Archaic Techniques of Ecstatic]. Moscow: Ladomir Publ., 2015. 552 p.
10. *Epos o Gil'gameshe (O Vse Vidavshem)* [The Epic of Gilgamesh (The One Who Saw Everything)]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2006. 212 p.
11. Frezer Dzh. Dzh. *Fol'klor v Vetkhom Zavete* [Folklore in the Old Testament]. Moscow: Politizdat Publ., 1989. 542 p.
12. Geche G. *Bibleiskie Istorii* [Bible Stories]. Moscow: Politizdat Publ., 1988. 367 p.
13. Kolesnikova A. Yu. *Funktsionirovanie Mifologicheskikh Syuzhetov v Kontekste Massmediinogo Prostranstva Romana»Generation P* [The Functioning of Mythological Plots in the Context of the Mass Media Space of the Novel *Generation P*]. *Mezhdunarodnyi Zhurnal Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*, 2017, № 7, pp. 73–76.
14. Kur'yanov S. O. *Tainyi Klyuch Russkoi Literatury: Formirovanie i Stanovlenie Krymskogo Teksta v Russkoi Literature X–XIX Vekov: Monografiya* [The Secret Key of Russian Literature. Formation and Creation of the Crimean Text in Russian Literature of the 10–19th Centuries: Monograph]. Moscow: INFRA-M Publ., 2019. 308 p.
15. Kur'yanov S. O., Losinets D.YU. Neomifologicheskiye osnovy tvorchestva A.S. Grina (na primere rasskaza «Noch'yu i dnom») [Neomifologicheskiye osnovy tvorchestva A.S. Grina (na primere rasskaza «Night and day»)]. Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki. Nauchnyy zhurnal, 2019, Vol. 5 (71), № 2. pp. 38–50.
16. *Mify Narodov Mira. Jentsiklopediya v Dvukh Tomakh* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia in Two Volumes]. Ed. by S. A. Tokarev. Moscow: Sovetskaya Jentsiklopediya Publ., 1991, Vol. 1. 671 p.
17. Novikova M. N. Marinisticheskiye motivy v yevropeyskikh tekstakh i sverkhtekstakh (k postanovke problemy) [Maristic motives in European texts and supertexts (to the problem statement)]. Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki. Nauchnyy zhurnal, 2019, Vol. 5 (71), №1, pp. 93–109
18. Pelevin V. *Generation P*. Moscow: Ast Publ., 2019. 352 p.

19. Propp V. Ya. *Istoricheskie Korni Volshebnoi Skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow: Labirint Publ., 2000. 336 p.
20. *Rigveda: v Trekh Tomakh* [Rigveda. In 3 Volumes]. Moscow: Nauka Publ., 1999, Vol. 1. Mandaly 1-4. 768 p.; Vol. 2. Mandaly 5-8. 745 p., Vol. 3. Mandaly 9-10. 560 p.
21. Ris A. and B. *Nasledie Kel'tov. Drevnyaya Traditsiya v Irlandii i Uel'se* [Celtic Heritage. An Ancient Tradition in Ireland and Wales]. Moscow: Enigma, *evidentis* Publ., 1999. 480 p.

THE IMAGE OF TOWER AND IMPLEMENTATION OF THE MYTHOLOGY OF THE BABYLON TOWER IN THE NOVEL OF VICTOR PELEVIN *GENERATION P*

Baranov A. V.

The article examines the author's ways of transforming the mythologeme of the Tower of Babel and the archaic idea of the sacred tower, the world vertical. It covers cultural and historical information related to the original source of the Old Testament, the peculiarities of the story about the construction of the legendary structure. The article analyzes V. Pelevin's appeals to the Tower of Babel and the temple-tower in chronological order. It also defines changes in the point of view upon the mythologeme in the course of changes experienced by the main character of the work – Vavilen Tatarsky.
Keywords: Tower of Babel, Victor Pelevin, temple-tower, ziggurat, altar, Ishtar, Enkidu, Tophet, material fire.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 104–116.

УДК 821.161.1-9

«ТАЙНЫ ДУШИ» И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЛИРИКЕ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Баранская Е. М.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия
E-mail: eleni313@mail.ru

В статье рассматривается своеобразие романтического метода Я. П. Полонского: формирование образа лирического героя в ранней лирике поэта в духе романтического субъективизма начала XIX века и его трансформация в зрелой поэзии, преломление психологической личности творца в его художественном творчестве, созвучие образа романтического героя душевно-психологическому складу Полонского-человека. Прослеживается художественная реализация романтического мировосприятия Я. П. Полонского: в обращении к фантазийным сюжетам, к «параллелизму» мира природы и внутренней жизни человека, отмечается переплетение «бытийного», «действительного» с идеально-романтическим в «сновидной» поэзии, в постановке темы «поэт и поэзия». «Затекстовый образ» Полонского-поэта в ранней лирике представлялся читателям отстраненным романтиком. При этом лирике Я. П. Полонского был присущ эффект «доступности», открытости душевного мира поэта. Со временем поэт формирует индивидуально-очерченный мир «волшебного» романтизма, созвучный своему психологическому состоянию, настроению, что признавали его современники. В постановке темы «поэт и поэзия» каноны романтической традиции соблюдены: поэт – пророк – лишний среди людей, но горд своим одиночеством, служа высшим идеалам. Но для Полонского – это не абстрактное одиночество. Это постоянное и угнетающее понимание своей неустроенности при осознанном таланте, унизительная материальная зависимость от людей, которым незнакомы и недоступны порывы вдохновения и которые «снисходят» к поэту. При анализе привлечены как лирика Я. П. Полонского разных лет, так и дневники, мемуаристика, современная поэту критика и периодика, архивные документы.
Ключевые слова: лирический герой, литературная личность, психологическая личность, мир природы, романтизм, Я. П. Полонский.

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей статьи – проследить нюансы сотворения романтического мира Я. П. Полонского, его литературной личности с учетом проекции личностных психоэмоциональных характеристик автора на художественный мир его поэзии. При этом необходимо решить следующие **задачи**: выяснить степень «созвучия» душевно-психологического склада Полонского-человека лирическому герою его романтической поэзии; определить роль природного мира, место фантазийных сюжетов и фольклорных мотивов в художественном пространстве Полонского-романтика; пронаблюдать реализацию романтического двоемирия поэта в его «ночной» лирике, осмыслить психологическую природу сновидной поэзии

Я. П. Полонского с точки зрения потенциального познания самого себя, своего поэтического бытия и окружающего мира. **Объект** статьи – романтический субъективизм Я. П. Полонского как основной принцип его художественного мировоззрения и самовыражения; **предмет** – художественная реализация романтического двоемирия Я. П. Полонского в его лирике.

В 1844 г. после выхода стихотворного сборника Я. П. Полонского «Гаммы» В. Г. Белинский доброжелательно отозвался о поэтическом даровании автора, «без чего никакие умные и глубокие мысли, никакая ученость не сделают человека поэтом»: «Сама натура поэта была непосредственным источником его направления и его идей» [4, с. 474]. «Мечтательный», «рассеянный» [24, с. 270], Полонский гармонично вписывался в литературные представления о поэте-романтике. «Лучшие представители романтизма <...> блистая высокими дарованиями, имели и впечатлительные сердца», – писал к исходу XIX в. критик П. Суворов [22, с. 771–772, 773]. По мысли Ю. И. Айхенвальда, все, созданное Полонским, «согрето внутренним теплом задушевности» [1, с. 250]. Сам Полонский в статье «О качествах, необходимых писателю и в особенности поэту» (1837) сформулировал свое поэтическое кредо: «Изящное должно удовлетворять чувству умственному, нравственному и эстетическому» [18, 1 л.]. При этом для поэта-романтика творчество – «особая сфера, парящая над объективным миром» [7, с. 224].

«Затекстовый образ» [14, с. 34–37], или: «я-для читателя» [15, с. 161–162] Полонского-поэта представлялся его читателям-современникам отстраненным романтиком, принимающим за «действительность <…> то, что ему мерещится» [25, с. 122]. Поэтический мир Полонского воспринимался как «туманный, мечтательный, вечерней или утренней зарею облитый колорит вдохновений» [6, с. 128]. Любовная лирика поэта 1840–1850-х гг., выполненная в духе пушкинских традиций, поддерживаемая продуманной игровой мистификацией реальной жизни в Москве, Крыму, на Кавказе – великолепная тому иллюстрация [3]. И вместе с тем А. В. Дружинин (ст. «Стихотворения Я. П. Полонского», 1855) улавливал в лирике Полонского «истолкование» «тайн собственной души» [9, с. 2].

В современном литературоведении мировидению Я. П. Полонского уделяется особое внимание [11, 21]. Справедливо замечено, что в стихах Полонского мы можем встретить «прозаические, разговорные интонации», бытовые детали в духе «натуральной школы» [12, с. 37]. Но нельзя не отметить, что собственно описание действительности, в том числе природы, не являет основную идею в стихах Полонского. Как поэт-романтик, он и творческое вдохновение Полонский ставит в прямую зависимость от природных явлений:

Мое сердце – родник; моя песня – волна,
Пропадая вдали, разливается...
Под грозой – моя песня, как туча, темна,
На заре – в ней заря отражается.
«Мое сердце – родник…», <1856> [19, т. 1, с. 113].

Обращению к миру природы Полонский во многом обязан достижением той поэтической новизны, «свежести лиризма», которой восхищался Н. В. Гоголь по выходе сборника «Гаммы» (в число понравившихся стихотворений он включил «Пришли и стали тени ночи...» (1842) Я. П. Полонского [13, с. 137]). Традиционный и фольклорный по происхождению параллелизм мира природы и внутренней жизни человека приобретает для Полонского-романтика (особенно в 1840-1850-е годы) первостепенное значение: *«Не природа ли тайно с душой говорит?»* (*«В глуши»,* <1855>). Я. П. Полонский изначально декларировал себя поэтом романтического направления и, в частности, выступал в роли продолжателя пушкинской поэтической традиции [3], что определяло и особенности его творческих поисков.

Тонкое чувство слова (образа) отличает Полонского в его лирике. «*От зари роскошный холод проникает в сад*» (*«Качка в бурю»*) – этот «роскошный» эпитет превращает грозную бурю, явление природы в жизнь сердца, воспоминания во сне. Сам Полонский в преклонные годы писал, что теперь бы он «не решился обмолвиться таким эпитетом – написал бы *вечерний холод* – и было бы хуже» [17, с. 589]. У романтика с «природными категориями» соотнесены «вопросы сердца» [26, с. 254]. Так, в стихотворении Полонского «Иная зима» (<1859>) две «разные» зимы – как два этапа жизни: детства и старости; первая – это детский мир сказок (*«О том, как жил*

да был на свете дурачок»), с наивным взглядом на мир, с уютным ощущением дома в обществе старой няни; вторая – одиночество зрелости, сопряженное с беспощадным познанием мира, лишением иллюзий, физической немощью:

Я помню, как детьми с румяными щеками,
По снегу хрупкому мы бегали с тобой –
Нас добрая зима косматыми руками
Ласкала и к огню сгоняла нас клюкой <...>

Но та зима от нас ушла с улыбкой мая,
И летний жар простыл – и вот, заслыша вой
Осенней бури, к нам идет зима иная,
Зима бездушная – и уж грозит клюкой [19, т. 1, с. 135].

Психологическая связь с природой для Полонского естественна, для читателя – убедительна. Его лирический герой нередко пребывает в таинственной, чарующей ночи; множество стихотворений имеет и в названии слово «ночь»: *«Пришли и стали тени ночи...»*, 1842; *«Ночь в горах Шотландии»*, <1844>; *«Грузинская ночь»*, <1848>; *«Ночь на Восточном берегу Черного моря»*, 1850; *«Ночь»*, 1850; *«Ночь в Крыму»*, <1857>; *«Ночь в Сорренто»*, <1859>; *«Холодеющая ночь»* <1858>; *«Корабль пошел навстречу темной ночи...»*, <1859>; *«Белая ночь»*, <1862>; *«Ползет ночная тишина»*, 1862 и др. Но ночь – время не только любовных мечтаний (*«Письмо»*, <1853>; *«Песня цыганки»*, 1853; *«Воспоминание»*, 1853), это время единения лирического героя с «мировой тканью»:

Корабль пошел навстречу темной ночи...
<...> Как будто в той стране таинственно-немой
Для моего чела венец плетут Плеяды,
И зажигают вечные лампады,
И обещают мне бессмертия покой.

Ночь и сон позволяют вырваться из пут жизненных неудач, смягчают душевную боль:

<...> Ночь глядит миллионами тусклых очей...

Погружай меня в сон, колокольчика звон!

<...> белый призрак луны

Смотрит в душу мою – и былую печаль

Наряжают в забытые сны.

«Колокольчик», 1854 [19, т. 1, с. 102].

Романтическое двоемирие Я. П. Полонского соотносит образ ночи как с реальным миром *(Погружай меня в сон, колокольчика звон!)*, так и с инобытийным *(«Белый призрак луны / Смотрит…)*, вносит в лирику «томно-фантастический колорит» и «задумчивость очень унылую, но не совершенно безотрадную» [8, с. 489]. Лирический герой пребывает в действительности, существующей на грани сна и бодрствования, мечты и реальности. «Волшебный элемент» [23, с. 54] в поэзии Полонского во многом определяется снами: «У всякого есть свои сны наяву. Но для этих снов еще не выдумано никаких истолкований» [16, л. 25]. Более сумрачные тона и оттенок потусторонности приобретают стихотворения поздней лирики (*«Когда в наш темный сад вошла ты привиденьем...»*, <1891>; *«В потемках»*, 1892; *«Призрак»*), сопряженные с авторской оценкой достигнутого (взглядом в былое) и современными впечатлениями, с «явлениями действительности» [8, с. 489]. Сон предоставляет поэту возможность познания самого себя и окружающего мира, об этом говорят и письма Полонского, в которых он описывает свои сновидения [10, с. 27–35, 54–55].

Примечательно, что сны для Полонского имеют двойственную природу. С одной стороны, пророческие сны – неотъемлемая часть самой натуры поэта, который пребывал в плену предчувствий. С другой – результат продуманной работы, что подтверждают мемуары Полонского [19, т. 2, с. 430], дневниковые записи за 1858–1860 гг., объединенные авторским вступительным словом: «Эти годы были так полны всякого рода треволнений – борьбы, горя, надежд, отчаянья, любви и горьких слез – слез, которые до сих пор зудят в глазах и текут по щекам моим. Грусть моя стала хроническою, и я не знаю, когда я от нее отделаюсь. У меня нет памяти, я не помню

собственных имен, чисел, но у меня много воспоминаний. Записать их, однако же, дело нелегкое, для меня, по крайней мере» [16, л. 23]. Творческая история «Снов», их жанровая нетривиальность – еще одно тому доказательство. А. А. Асоян пронаблюдал этапность создания цикла, зафиксированного в записной книжке поэта: 1846 г. – набросок первого «сновидения»; через десять лет – возвращение Полонского к замыслу «Снов», но уже как к части единого целого, состоящего из четырех «снов» (пятая часть цикла – «Подсолнечное царство» – написана лишь в 1859 году). Это позволило исследователю сделать вывод, что «замысел «Снов» осуществлялся как идея целостного произведения», и «в каждой главе переживания героя – неотъемлемая часть общего настроения, и оно, как единый сквозной лирический сюжет, развивается в казуальной последовательности» [2, с. 37–38].

Переплетение «бытийного», «действительного» с идеально-романтическим наблюдается и в постановке темы «поэт и поэзия». Каноны романтической традиции соблюдены: поэт – пророк – лишний среди людей, но горд своим одиночеством и исключительностью, служа высшим идеалам. Но для Полонского – это не абстрактное одиночество. Это постоянное и угнетающее понимание своей неустроенности при осознанном таланте, это унизительная материальная зависимость от людей, которым незнакомы и недоступны порывы вдохновения и которые «снисходят» к поэту. Романтизм Полонского «подпитывается» биографическими впечатлениями его реальной жизни. Возможно, поэтому в 4-ом стихотворении цикла «Подсолнечное царство», описывая скитания поэта, Полонский использует элементы сюжетной лирики и отправляет героя в мир сказки: *«Чтоб хоть там свободным словом / Облегчить больную грудь»* [19, т. 1, с. 140]. В *«подсолнечном царстве»* поэт оказывается царевичем, наследником государства. Казалось бы, сказочный мир, параллельная волшебная реальность предоставляет поэту возможность социальной реализации. Но:

«Сокрушил меня царевич;
Кто мне что ни говори,
А, любя стихи да рифмы,
Не годится он в цари.

Я лишу его наследства».

А жена ему в ответ:

«Будет, бедненький, по царству

Он скитаться, как поэт» [19, т. 1, с. 141].

Тема личного одиночества поэта доминирует в последнем стихотворении цикла «Тишь и мрак», где воссоздана атмосфера мистического ужаса, безумия. *«Мрак во мраке – / И в тишине – тишина...»*, и никого... Лишь на короткий миг является поэту безмолвный призрак, и поэт умоляет его: *«Порадуй хоть словом одним». Но вновь остается «блуждать в этом мраке / Один – как слепец»*. В 5-ом стихотворении цикла «Тишь и мрак» сон предоставляет возможность поэту прожить «параллельную реальность», постичь порывы сердца и тайну души, «страшащейся одиночества», преодолеть «ад реальной действительности и ад душевный» [10, с. 34] и в момент пробуждения возродиться к жизни с первозданной способностью радости бытия и благодарности за жизнь.

Незадолго до написания «Снов», в декабре 1855 г., Полонский зафиксировал в дневнике владеющее им некоторое время настроение: «Вот уже 2 дня, как тоска меня гнетет, мучит, душит и давит. Вся жизнь моя является мне в черном виде. Ничто не удовлетворяет: ни внешняя обстановка жизни, ни внутреннее состояние души моей – будущее пугает <…> Спасет ли кто-нибудь меня, или нет спасенья! Я знаю, что может спасти меня безделица, – и в этой безделице судьба мне отказывает, – или я ничего не стою – или сам виноват. Сознаться как в том, так и в другом тяжело и грустно» [20, с. 110].

ВЫВОДЫ

Характеристики лирического героя раннего Полонского: искренен до детскости, мечтателен, близок природному миру, влюбчив, одинок и исполнен чувства собственного достоинства, горд – достаточно определенно повторяют черты «обобщенного» (Л. Я. Гинзбург) лирического героя романтической поэзии 1820–1840-х гг., времени литературного ученичества поэта. Поэтические традиции начала XIX в. обусловливают стремление Я. П. Полонского моделировать художественно-

эстетическую систему по канонам романтизма. Наложение характеристик романтического героя на соответствующий психологический склад личности Полонского дает устойчивое представление об авторской откровенности, открытости перед читателем. Но со временем поэт формирует свой, индивидуально-очерченный мир «волшебного» романтизма, абсолютно созвучный психоэмоциональному складу Я. П. Полонского, что безоговорочно признают его современники. Поэт-романтик, Полонский постигает и понимает мир во всей его сложности, «пребывает» в реалиях мира – и поэтическим усилием (через трансформации природных стихий) приобщается к романтическому инобытию. Этому способствуют сновидения, «спасительно» соединяющие границы двух миров – земного и вышнего. Поэтическая созвучность истинным личным переживаниям постепенно становится последовательно развиваемым художественным принципом поэта.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей: в 2-х т. / Ю. И. Айхенвальд. – М. : Юрайт, 2018. – Т. 1. – 420 с. – (Серия : Антология мысли).
2. Асоян А. А. «Сны» Полонского как форма целостного лирического произведения / А. А. Асоян // Я. П. Полонский: личность, творчество, эпоха (посвящается 200-летию со дня рождения поэта) : сб. ст. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф., 10–12 октября 2019 г. / науч. ред. Т. В. Федосеева ; отв. ред А. А. Решетова. – Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. – Вып. 2. – С. 37–45.
3. Баранская Е. М. «Пушкинский Крым» и «романтическое жизнетворчество» Я. П. Полонского // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 3–17.
4. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13-ти т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) / В. Г. Белинский. – М. – Т. 8 : Статьи и рецензии. 1843–1845. – 1955. – С. 430–488.
5. Гинзбург Л. Я. О лирике. – 2-е изд., доп. / Л. Я. Гинзбург. – Л. : Сов. писатель, 1974. – 407 с.

6. Григорьев А. А. Эстетика и критика / А. А. Григорьев. – М. : Искусство, 1980. – 496 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
7. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики / Г. А. Гуковский. – М. : Худож. лит., 1965. – 356 с.
8. Добролюбов Н. А. Стихотворения Я. П. Полонского. Дополнение к стихотворениям, изданным в 1855 г. СПб., 1859 / Н. А. Добролюбов // Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений : в 6-ти т. – Т. 2 : Литературная критика. Статьи и рецензии 1859–1861 гг. – Л. : Худож. лит., 1935. – С. 489–497.
9. Дружинин А. В. Стихотворения Я. П. Полонского [Текст] / А. В. Дружинин // Современник. – 1855. – Т. 54. – С. 1–20.
10. Козубовская Г. П. Поэзия Я. П. Полонского: сон как театр / Г. П. Козубовская // Козубовская Г. П. Середина XIX века: миф и мифопоэтика. – Барнаул, 2008. – С. 20–67.
11. Морозова С. Н. Поэтика стихотворений Я. П. Полонского / С. Н. Морозова // Филологические науки: современность и перспективы (II Биишевские чтения) : материалы международ, науч.-практич. конф. (Стерлитамак, 2010). – Стерлитамак : Изд-во СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2010. – Ч. 1. – С. 215–218.
12. Морозова С. Н. Жанр романса в творчестве Я. П. Полонского: соотношение романтического и реалистического // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2010. – № 15(19). – С. 36– 39.
13. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15-ти т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) / Н. А. Некрасов. – Т. 11, кн. 2 : Критика, публицистика 1847–1869. – Л. : Наука, 1990. – 430, [2] с.
14. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза) / Л. А. Орехова. – Киев : УМК ВО, 1992. – 122 с.
15. Орехова Л. А. «Я-для себя» и «я-для читателя»: стилистика авторского образа в дневнике А. Блока / Л. А. Орехова // Литературоведческие и этнокультурные парадигмы. К юбилею проф. Н. П. Лебеденко. ВАК – Измаил : «СМИЛ», 2010. – С. 160–169.

16. Полонский Я. П. Дневниковые записи. Копия, сделанная рукой Ж. А. Полонской. 1856–1860 гг. / Я. П. Полонский. – РГАЛИ. Ф. 403. Оп. 2. Ед. хр. 7. – 136 л.
17. Полонский Я. П. Лирика; Проза / Я. П. Полонский. – М. : Правда, 1984. – 608 с.
18. Полонский Я. П. О качествах, необходимых писателю, а в особенности поэту. 1837 г. Автограф / Я. П. Полонский. – РГАЛИ. Ф. 403. Оп. 1. Ед. хр. 8. – 1 л.
19. Полонский Я. П. Сочинения: в 2-х т. / Я. П. Полонский. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 1 : Стихотворения; Поэмы. – 493 с. ; Т. 2 : Признания Сергея Чалыгина; Женитьба Атуева; Воспоминания. – 463 с.
20. Полонский Я. П. Из дневника. Ноябрь – декабрь 1855 / Я. П. Полонский // Голос минувшего. – 1919. – № 1–4. – С. 101–119.
21. Пронина Л. А. Полонский и время / Л. А. Пронина. – Рязань : Поверенный, 2000. – 150 с.
22. Суворов П. Желательно ли возрождение романтизма? / П. Суворов // Русское обозрение. – М., 1895. – Т. 32. – № 4. – С. 770–779.
23. Сухова Н. П. «Волшебный элемент» в поэзии Полонского / Н. П. Сухова // Сухова Н. П. Мастера русской лирики: А. А. Фет, Я. П. Полонский, А. Н. Майков, А. К. Толстой. – М. : Просвещение, 1982. – 112 с.
24. Тхоржевский С. С. Высокая лестница [Текст] / С. С. Тхоржевский // Портреты пером. – М.: Книга, 1986. – С. 220–349.
25. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886) / Редакция, статья и комментарии И. Н. Розанова / Е. А. Штакеншнейдер. – М. ; Л.: Academia, 1934. – 586 с.
26. Эйхенбаум Б. М. О поэзии / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Сов. писатель, 1969. – 552 с.

References

1. Aykhenval'd YU. I. *Siluety Russkikh Pisateley: V 2-h t.* [Silhouettes of Russian Authors in 2 Volumes]. Moscow: YUrayt Publ., 2018. T. 1. 420 p. (Seriya: Anthologiya mysli).
2. Asoyan A. A. *«Sny» Polonskogo Kak Forma THelostnogo Liricheskogo Proizvedeniya* [«Dreams» by Polonsky as a Form of an Integral Lyrical Work]. V: YA. P. Polonskiy: Lichnost', Tvorchestvo, Epoha (Posvyaschaetsya 200-letiyu so Dnya Roghdeniya

Poeta): sb. Statey po Materialam II Meghdunarodnoy Nauchno-Prakticheskoy Konferenthii, 10–12 Oktyabrya 2019 g. Ryazan: Ryazanskiy Gosudarstvenny Universitet im. S. A. Yesenina Publ., 2019. V. 2. P. 37–45.

3. Baranskaya YE. M. *«Pushkinskiy Crym» I «Romanticheskoeye GHiznetvorchestvo» JA. P. Polonskogo* [«Pushkin's Crimea» and «romantic creative life» of YA. P. Polonsky]. V: Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye Nauki. 2018. Vol. 4 (70), no. 4. P. 3–17.
4. Belinskiy V. G. *Polnoye Sobraniye Sochineniy: V 13-ti t.* [Complete Works in 13 Volumes]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1953–1959. T. 8: Stat'i i Recenzii. 1843–1845. P. 430–488.
5. Ginzburg L.YA. *O lirike* [About a Lyric Poetry]. Leningrad: Sovetskiy Pisatel' Publ., 1974.
6. Grigor'yev A. A. *Estetika i Kritika* [Esthetics and Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1980. (Istoriya estetiki v pamyatnikakh i dokumentakh).
7. Gukovskiy G. A. *Pushkin i Russkiye Romantiki* [Pushkin and Russian Romantics]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1965.
8. Dobrolyubov N. A. *Stikhotvoreniya YA. P. Polonskogo. Dopolneniye k Stikhotvoreniyam, Izdannym v 1855 g. SPb., 1859* [Y. P. Polonsky's Poems. Supplement to Poems, which are Published in 1855 year. SPb., 1859]. V: Dobrolyubov N. A. Polnoye Sobraniye Sochineniy: V 6-ti t. T. 2: Literaturnaya Kritika. Stat'i i Retsenzii 1859–1861 gg. [Complete Works in 6 vols. Vol. 2: Literary Criticism. Articles and Reviews 1859–1861 years]. Leningrad: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1935. P. 489–497.
9. Druzhinin A. V. *Stikhotvoreniya YA. P. Polonskogo* [Y. P. Polonsky's Poems] V: Sovremennik. 1855. Vol. 54. P. 1–20.
10. Kozubovskaya G. P. *Poeziya YA. P. Polonskogo: Son kak Teatr* [Poetry of Ya. P. Polonsky: Dream as a THeater].: V: Seredina XIX veka: mif and mifopoetika. Barnaul, 2008. P. 20–67.
11. Morozova S. N. *Poetika Stihotvoreniy YA. P. Polonskogo* [Poetics of Poems by Ya. P. Polonsky] V: Filologicheskiye Nauki: Sovremennost' I Perspektivy (II Biishevskiye chteniya): Materialy Meghdunarodnoy Nauchno-prakticheskoy Konferenthii (Sterlitamak, 2010). Sterlitamak: SGU im. N. G. Chernyshevskogo Publ., 2010. Part 1. P. 215–218.

12. Morozova S. N. *Ghanr Romansa v Tvorchestve YA. P. Polonskogo: Sootnosheniye Romanticheskogo I Realisticheskogo* [The Genre of Romance in the Work of Ya. P. Polonsky: the Correlation of the Romantic and the Realistic]. V: Izvestiya PGPU Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. V. G. Belinskogo. 2010. No. 15 (19). P. 36–39.
13. Nekrasov N. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 15-ti t. T. 11, kn. 2: Kritika, publitsistika 1847–1869* [Complete Collection of Works and Letters in 15 vols. Vol. 11, book 2: Criticism, Publicism 1847–1869]. Leningrad: Nauka Publ., 1990. 430, [2] p.
14. Orekhova L. A. *Avtorskoe Mifotvorchestvo i Russkiy Modernizm (Liricheskaya Proza)* [Author's Myth-making and Russian Modernism (Lyric Prose)]: Uchebnoe Posobie. Kiev: UMK VO Publ., 1992. 122 p.
15. Orekhova L. A. *«YA-dlya Sebya» I «YA-dlya CHitatelya»: Stilistika Avtorskogo Obraza v dnevnike A. Bloka* [«I Am for Myself» and «I Am for the Reader»: the Stylistics of the Author's Image in the Diary of A. Blok]. V: Literaturovedcheskiye i Etnokul'turnye Paradigmy. K Yubileyu Prof. N. P. Lebedenko. VAK – Izmail: «SMIL» Publ., 2010. P. 160–169.
16. Polonskiy YA P. *Dnevnikovye Zapisi. Kopiya, Sdelannaya Rukoy GH. A. Polonskoy. 1856–1860 gg*. [Diary Notes. A Copy by Zh. A. Polonskaya. 1856–1860]. The Russian State Archive of Literature and Arts. S. 403, in. 2, un. stor. 7. 136 sh.
17. Polonskiy YA. P. Lirika; Proza [Lyric Poetry; Prose]. Moscow: Pravda Publ., 1984. 608 p.
18. Polonskiy YA. P. *O Kachestvakh, Neobkhodimykh Pisatelyu, a v Osobennosti Poetu. 1837 g. Avtograf* [About the Necessary Qualities of an Author, and Especially of a Poet]. The Russian State Archive of Literature and Arts. S. 403, in. 1, un. stor. 8. 1 sh.
19. Polonskiy YA. P. *Sochineniya: V 2-h t.* [Works in 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1986. T. 1: Stihotvoreniya; Poemy [Vol. 1: Verses; Poems]. 493 pp. T. 2: Priznaniya Sergeya Chalygina; ZHenit'ba Atuyeva; Vospominaniya. [Vol. 2: Acknowledgments of Sergey Chalygin; Marriage of Atuyev; Memories]. 463 p.
20. Polonskiy YA. P. *Iz Dnevnika. Noyabr' – dekabr' 1855* [From Diary. November – December 1855]. V: Golos Minuvshego. 1919. No. 1–4. P. 101–119.

21. Pronina L. A. *Polonskiy i Vremya* [Polonsky and Time]. Ryazan: Poverenniy Publ., 2000. 150 p.
22. Suvorov P. *ZHelatel'no li Vozrozhdeniye Romantizma?* [Is It Desirable to Revive Romanticism?]. V: Russkoje obozrenije. Moscow, 1895. Vol. 32, no. 4. P. 770–779.
23. Sukhova N. P. *«Volshebny Element» v Poezii Polonskogo* [«Magic Element» in the Poetry of Polonsky]. V: Sukhova N. P. Mastera Russkoy Liriki: A. A. Fet, Y. P. Polonsky, A. N. Maykov, A. K Tolstoy [Masters of Russian Lyric Poetry: A. A. Fet, J. P. Polonsky, A. N. Maykov, A. K Tolstoy] – Moscow: Prosvesheniye Publ., 1982. 112 p.
24. Thorzhevskiy S. S. *Vysokaya Lestnica* [High Staircase]. Portrety Perom [Portraits by Pen]. Moscow: Kniga Publ., 1986. P. 220–349.
25. SHtakenshneyder E.A. *Dnevnik i zapiski (1854–1886)* [Diaries and Notes (1854–1886)]. Moscow-Leningrad: Akademija Publ., 1934. 586 p.
26. Ejkhenbaum B. M. *O Poezii* [About a Poetry]. Leningrad: Sovetskiy Pisatel' Publ., 1969. 552 p.

«SECRETS OF THE SOUL» AND REALITY IN THE LYRIC POETRY OF YA. P. POLONSKY

Baranskaya E. M.

The article deals with the originality of the romantic method of Ya. P. Polonsky: the formation of the image of the lyrical hero in the poet's early poetry in the spirit of romantic subjectivism of the early 19th century and its transformation in mature poetry, the refraction of the psychological personality of the creator in his work, the consonance of the image of the romantic hero to the mental and psychological constitution of Polonsky-the human.

The artistic realization of the romantic worldview of Ya. P. Polonsky is viewed: in his appeal to fantasy plots, to the «parallelism» of the world of nature and the inner life of man, the intertwining of the «existential», «real» with the ideal-romantic in «dream» poetry, in the setting of the theme «Poet and poetry» is indicated. The "off-text image" of Polonsky in his early lyrics presented to the readers as a detached romantic. At the same time, the poetry of Ya. P. Polonsky was characterized by the effect of «accessibility», openness of the poet's peace of mind. Over time, the poet forms his own individually outlined world of «magic» romanticism, conformable to his psychological state, mood that was recognized by his contemporaries. In setting the theme «poet and poetry» the canons of the romantic tradition are observed: the poet – prophet is unnecessary among people, but is proud of his solitude, serving the highest ideals. But for Polonsky it is not an abstract solitude. It is a constant and depressing understanding of one's own disorder with a conscious talent, a humiliating material dependence on people who are unfamiliar and unavailable to bursts of inspiration and who "condescend" to the poet. The analysis involved the lyrics of Ya. P. Polonsky of different years, diaries, memoirs, contemporary poetry criticism, periodicals and archival documents.

***Keywords*:** lyrical hero, literary personality, psychological personality, the world of nature, romanticism, Ya. P. Polonsky.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 117–134.

УДК 821.161.1-09 «20»

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПРОЗА В. НАБОКОВА

Беспалова Е. К.

Таврическая академия (Структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Россия
E-mail: korelkon1975@mail.ru

Настоящее исследование фокусируется на анализе романа «Пнин» русского и американского писателя В. Набокова с точки зрения принадлежности данного произведения к жанру университетского романа, а также к трансатлантической литературе XX века. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: проследить историю возникновения и эволюцию университетского романа как отдельного жанра; доказать, что именно «Университетская поэма» В. Сирина (Набокова) является одним из самых ранних литературных образцов, положивших начало данному жанру; исследовать университетский роман «Пнин» на наличие в нем черт трансатлантической литературы.
В работе был использован комплекс методов: биографического, типологического, психологического, историко-литературного, а также метод интертекстуального анализа. Методологической базой работы служат научные труды отечественных и зарубежных набоковедов, а также исследователей, в разной степени касающихся указанной проблемы.
В качестве материала исследования привлекается русскоязычная «Университетская поэма» (1927), а также англоязычный оригинальный текст романа «Пнин» (1957) идва его русскоязычных перевода, первый их которых выполнен Г. Барабтарло при участии В. Набоковой, а второй – С. Ильиным.
В статье делается вывод о том, что роман В. Набокова »Пнин» представляет собой безусловный трансатлантический текст, по жанровой природе относящийся к малоизученному университетскому роману, а также доказывается, что «Университетская поэма» представляет собой непосредственный пролог к данному жанру.
Дальнейшее изучение трансатлантической составляющей в жанре современной университетской прозы, рассмотрение университетской прозы Набокова как сверхтекста, а также изучение русской версии жанра университетского романа намечаются в качестве перспектив.
Ключевые слова: Набоков, университетский/академический роман, «Пнин», «Университетская поэма», трансатлантизм, трансатлантический герой, Россия, Европа, Англия, Америка.

ВВЕДЕНИЕ

«Университетский роман» (от англ. acampusnovel) – относительно молодой жанр современной романной прозы, возникший во второй половине XX века. С начала 1950-х годов он получил распространение преимущественно в литературе США, а также, в не меньшей степени, в литературе Англии.В настоящее время исследователи выделяют несколько его субжанров: академический роман (anacademicnovel), а также философский, филологический, искусствоведческий и другие более дробные разновидности [3, 14].

В англоязычном литературоведении существуют отдельные работы, посвященные данному феномену [17, 18], однако в отечественнойнауке изучением

университетского романа занимаются недостаточно, вследствие чего многие аспекты этого феномена остаются дискуссионными. И все же стоит отметить исследование А. М. Люксембурга [6], несколько базовых работ О. Ю. Анцыферовой [1, 2], небольшую статью Э. Ахмедовой [3], а также упомянуть о существовании нескольких безымянных обзоров, опубликованных на просторах интернета, в которых предпринимаются попытки осмыслить, охарактеризовать и систематизировать это новое литературное явление. Отметим также, что во всех перечисленных работах упоминается и исследуемый в данной статье роман В. Набокова «Пнин».

Что касается рассмотрения данного университетского романа Набокова в границах трансатлантической литературы, то, к сожалению, работ по соответствующей тематике не существует. Также нет исследований, посвященных изучению «Университетской поэмы» Набокова в контексте зарождения и становленияуниверситетской прозы. Именно эта лакуна, образовавшаяся в отечественномнабоковедении, и обусловила научную новизну настоящейработы.

Цель статьи – проанализировать университетский роман «Пнин» русского и американского писателя В. Набокова с точки зрения причастности данного произведения к трансатлантической литературе XX века, а также доказать, что его «Университетская поэма» является непосредственным прологом к жанру университетского романа.

Для достижения поставленной цели в работе был использован комплекс **методов:** биографического, типологического, психологического, историко-литературного, а также метод интертекстуального анализа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Жанр университетского/академического романа (в данной статье эти названия используются в качестве синонимов) представляет собой остроактуальный феномен современной англоязычной литературы. И действительно, все или практически все подобные романы написаны на английском языке. Исследователь Э. Ахмедова справедливо отмечает, что, несмотря на более чем полвека своего существования, «за

рамки англоязычной литературы жанр не вышел до настоящего времени, хотя развитие высшего образования на родине «больших литератур» проходило почти одновременно» [3].

К самым ранним образцам этой жанровой разновидности исследователи традиционно причисляют следующие романы: «Наставники» (1951) Ч. П. Сноу, «Университетские кущи» (1952) М. Маккарти, »Картины университетской жизни» (1954) Р. Джаррела, «Счастливчик Джим» (1954) К. Эмиса и некоторые другие. Сюда же часто относят и роман В. Набокова «Пнин» (1957). Некоторые источники отодвигают появление феномена университетского романа к еще более раннему году, когда из печати вышел знаменитый роман И. Во «Возвращение в Брайдсхед» (1945).

К наиболее зрелым произведениям, написанным в том же направлении, относятудостоенный множества наград постмодернистский роман «Обладать» (1990), принадлежащий перу А. С. Байетт, детективный академический роман Д. Тартт «Тайная история» (1992), получивший Букеровскую премию романД. Кутзее «Бесчестие» (1999), нашумевший в свое время антирасистский роман Ф. Рота «Людское клеймо» (2000) и некоторые другие.

К настоящему моменту данное литературное явление уже обрело не только многочисленных последователей-романистов и преданную читательскую аудиторию, но и своих исследователей. Так, одним из главных теоретиков и практиков университетской прозы современности считается прозаик, драматург и литературовед Дэвид Лодж, автор таких хитов как «Академический обмен. Повесть о двух кампусах» (1975), «Мир тесен» (1984) и «Хорошая работа» (1988), которые являются частями его «университетской» трилогии. Именно он предложил самую первую классификацию англоязычной университетской прозы, которая сейчас продолжает расширяться и дополняться. Этот английский исследователь выделяет два варианта данного литературного феномена: американский университетский роман –acampusnovel и британский – avarsitynovel, исходя из принципов организации университетской жизни в этих странах, а не вследствие каких-либо существенных отличий в сюжетном построении повествования, системе образов или особенностях хронотопа.

Несмотря на то, что университетский роман как жанр сформировался практически сразу, все же за более чем полувековую историю он претерпел определенную эволюцию. Подавляющее большинство ранних университетских романов было создано в русле постмодернистской традиции, тогда какв настоящее время университетский роман вступил в эпоху постпостмодернизма, органически сочетая в себе черты серьезной литературы и массовой продукции.

Первое поколение университетских романов принадлежит элитарному искусству в силу того, что эпоха середины XX века стимулировала написание сложных текстов для образованного читателя. Авторы ранних романов об университетской жизни, как и их главные герои,выходцы из высокоинтеллектуальной среды: это преподаватели, университетские профессора, для которых описываемая «микросреда» была совершенно естественной профессиональной рутиной со всеми ее особенностями и законами. Именно интеллектуальный уровень автора, в первую очередь, обусловливал художественную ценность университетских романов. Этим также объясняется определенная стилистическая сложность данных произведений, несмотря на кажущуюся сюжетную простоту. Исследователь О. Ю. Анцыферова считает, что «важнейшим принципом создания художественного образа в университетской прозе, с самых первых ее образцов, становится игра со стереотипами, их переосмысление» [1, с. 265], и выделяет тематическое поле всей университетской прозы – детали и подробности университетской жизни как сегмента культурно-образовательного пространства, которая «может быть описана только с помощью вторичных культурных кодов» [1, с. 265]. Отсюда, по мнению исследователя, происходити «насыщенность университетской прозы аллюзиями», и «апелляция при построении образа героя к стереотипам» [1, с. 265].

Среди современных образцов данного жанра еще можно встретить высокохудожественные произведения, однако все чаще попадаются романы для легкого чтения, созданные по достаточно примитивным образцам формульной паралитературы. Некоторые исследователи даже предлагают более дробную, чем у Д. Лоджа, классификацию университетской прозы. Так, О. Ю. Анцыферова замечает,

что сегодня уже можно классифицировать университетский роман с точки зрения жанровой таксономии массовой беллетристики, и выделяет несколько современных подвидов университетского романа: университетский детектив (campusmurdermystery, campusmysterynovel), университетский триллер (интеллектуальный «черный роман»), женский университетский роман, любовный (адюльтерный) университетский роман, допуская, что возможна и более широкая их парадигма [1, с. 274].

Однако, независимо от уровня художественности, все эти произведения по-прежнему объединяют определенные принципы, характеристики и особенности, сформировавшиеся еще в середине прошлого века. Было отмечено, что уже в середине XX века «университетский роман заявил о себе как сложившийся жанр с устойчивой и постоянно воспроизводимой структурой, что обернулось, с одной стороны, иронической саморефлексией жанра, а с другой – его тиражированием» [1, с. 267]. К сожалению, именно массовое тиражирование стереотипов, – вот основное направление, в котором развивается сегодня университетская проза, что, как известно, рано или поздно приведет к неизбежному исчерпанию темы и потере читательского интереса. Эти опасения разделяют многие исследователи, столкнувшиеся с явным понижением качества современной университетской романистики.

«УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПОЭМА» В. СИРИНА (НАБОКОВА) КАК ПЕРВЫЙ ОБРАЗЕЦ УНИВЕРСИТЕТСКОГО РОМАНА

Роман Набокова «Пнин» действительно можно отнести к самым ранним произведениям жанра университетского романа. Тем более что факт принадлежности данного текста к этому направлению англоязычной романистики не оспаривается никем из исследователей и доказательств не требует. Наоборот, в работах о «Пнине» часто подчеркиваетсяего эталонное соответствие данному жанру и новаторская оригинальность [1]. Однакостоит обратить внимание на то, что ровно за 30 лет до публикации романа «Пнин» молодой поэт В. Сирин, как тогда предпочитал подписывать свои произведения Набоков, написал поэму, название которой и стало

своеобразной отправной точкой для возникновения целой волны произведений, объединенных уже перечисленными чертами.

Это произведение, написанное по-русски, называлось «Университетская поэма», что позволило автору удачносоотнести содержание текста с его жанровой природой. Поэма состоит из 882 стихов: 63 строф по 14 строк, написанаперевернутой онегинской строфой, что дает нам право воспринимать ее в том числе и как роман в стихах. Данное утверждение только на первый взгляд может показаться беспочвенным или дискуссионным. Многие набоковеды и ранее подмечали интересную особенность набоковской поэзии и прозы: невозможность провести четкую границу между ними. Исследователь Я. С. Маркович, отмечая прирожденный поэтический талант писателя и колоссальные усилия, приложенные им, чтобыподчинить свою прозу законам лирической поэзии,предлагает небезынтересную характеристику одной из главных особенностей творческого метода Набокова: «Не только рассказы, но и романы Набокова держат читательское внимание в напряжении точь-в-точь так же, как и лирическое стихотворение, в котором все разрешается последней строкой, последним словом» [7, с. 4-5].

Более того, Набоков и позднее использовал онегинскую строфу в тексте прозаического произведения. Так, последний абзац романа «Дар» (1938), действие которого также отчасти происходит в университетскойсреде, представляет собой онегинскую строфу, записанную прозой: «Прощай же, книга! Для видений – отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимется Евгений, – но удаляется поэт. И все же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказу дать замереть… судьба сама еще звенит, – и для ума внимательного нет границы – там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синеет за чертой страницы, как завтрашние облака, – и не кончается строка» [8, с. 541]. Для сравнения позволим себе привести последнюю строфу «Университетской поэмы», а чтобы стилистическая перекличка обоих финалов стала еще очевиднее, запишем ее в строку: «И это все. Довольно, звуки, довольно, муза. До разлуки прошу я только вот о чем: летя, как ласточка, то ниже, то в вышине, найди, найди же простое слово в мире сем, всегда понять тебя готовом; и да не будет этим словом ни моль бичуема, ни ржа; мгновеньем всяким дорожа,

благослови его движенье, ему застыть не повели; почувствуй нежное вращенье чуть накренившейся земли» [13, с. 586].

Подчеркнем, что границы прозы и поэзии в художественном мире Набокова гораздо более подвижны и проницаемы, чем это принято считать. Как известно, сам писатель утверждал, что никогда не мог уловить никаких родовых различий между поэзией и художественной прозой, кроме «добавления повторяющегося ритма или рифмы» [10, с. 587-588].

Здесь уместновспомнить еще один условно университетский романписателя – «Бледный огонь» (1962). Это сложное произведение представляет собой синтетический сплав поэмы, комментария к ней, предисловия издателя и именного указателя, принадлежащих разным «авторам», – все это является основанием для того, чтобы отнести данный текст к жанру «антиромана», заявившего о себе в литературном процессе 1940-1960-х годов. Более того, в этом произведении упоминается и Тимофей Пнин, главный герой исследуемогоромана, что на уровне аллюзии может рассматриваться и как интертекстуальная перекличка обоих текстов, и как своеобразное продолжение истории. Вследствие этого обстоятельства можно предположить, что и «Университетская поэма», и роман «Пнин», и антироман «Бледный огонь» представляют собой произведения, объединенные общим художественным пространством, несмотря на столь различную на первый взгляд жанровую природу.

Но вернемся к поэме. Именно в этом произведении В. Сирина (Набокова) впервые прорисовываются контуры ключевых для университетской романистики особенностей и черт:

- события, описываемые в произведении, подчиняются принципу ограниченного пространства (Кембриджский университет) и времени (продолжительность обучения);

- действие происходит на территории университетского кампуса, подробно изображаются интерьеры аудиторий, библиотеки, столовой, а также прилегающая местность и улицы Кембриджа с расположенными на них книжными развалами, лавками, магазинами, пабами;

- главный герой – студент, описывающий свою учебу, похождения, переживания и эмоции;

- среди персонажей романа описаны как педагоги (профессора, наставники, тьюторы) и обслуживающий персонал, так и другие студенты;

- уделяется много внимания будням студенческой жизни: лекциям, лабораторным занятиям, подготовке к сдаче экзаменов, прогулкам по городу, походам в кинематограф, студенческим театральным постановкам, посиделкам в баре, традиционным спортивным соревнованиям (по теннису, по футболу, по гребле), выпускному балу и пр.;

- описываются особенности университетской среды (профессиональная иерархия, отношения между студентами и пр.);

- прослеживается романтическая линия.

Все эти и многие другие детали, впервые прозвучавшие в «Университетской поэме» Набокова, позднее войдут в жанр университетской прозы в качестве обязательных маркеров исюжетно-образных клише. Таким образом, можно смело утверждать, что именно В. Набоков задолго до появления первых образцов англо-американской университетской прозы заложил ее основы в своей русской поэме.

Официальный биограф писателя Б. Бойд считает, что главной темой «Университетской поэмы» является одиночество: в ней правдиво и реалистично отражена вся гамма чувств, переживаемая молодым человеком, оказавшимся на чужбине, в окружении людей с совершенно иным менталитетом, привычками, традициями. И хотя английский язык для студента из России, как и для автора поэмы, являлся вторым родным, в экзистенциальном смысле лирический герой «Университетской поэмы» глубоко и необратимо одинок: умом онясно понимает, что возвращение на родину едва ли будет когда-нибудь возможным, но сердце его по-прежнему стремится в Россию, вздрагивая при малейшем напоминании о ней. Вследствие этого текст поэмы, повествующий о жизни и учебе героя в Англии, то и дело прерывается пронзительными ностальгическими флешбэками.

В художественной автобиографии В. Набокова «Другие берега» (1954), которая часто определяется исследователями как автобиографический роман, есть глава,

посвященная периоду обучения будущего писателя в Кембридже. В ней можно найти строки, полностью соответствующие той тональности, с которой написана «Университетская поэма»: «Настоящая история моего пребывания в английском университете есть история моих потуг удержать Россию. У меня было чувство, что Кембридж и все его знаменитые особенности, – величественные ильмы, расписные окна, башенные часы с курантами, аркады, серо-розовые стены в пиковых тузах плюща, – не имеют сами по себе никакого значения, существуя только для того, чтобы обрамлять и подпирать мою невыносимую ностальгию» [9, с. 302]. Кроме этого, в тексте «Других берегов» можно наткнуться на практически дословные цитаты из поэмы, а также реминисценцию на образ ее главной героини – Виолетты [9, с. 309].

Немного позднее это глубокое одиночество и нестерпимая ностальгиятакжестанет центральной темой романа Набокова «Пнин», который можно считать самым русским романом писателя из всех написанных им по-английски.

Примечательно также и то, что в «Университетской поэме» повествование ведется от лица русского студента-эмигранта, получающего, как и сам Набоков, образование в Англии. В то же время роман «Пнин» изображает университетскую жизнь, преломленную через восприятие ее русским профессором-эмигрантом, который также, подобно автору, преподает в Америке. Таким образом, автобиографическая составляющая обоих текстов не вызывает сомнений и позволяет связывать их не только типологически, но и тематически в условную дилогию.

Если попытаться объединить все столь разные по жанровой природе произведения писателя, посвященные университетской теме, то вполне можно говорить о существовании университетского цикла в творчестве Набокова, объединяющим топосом в котором нам видится академическая (в первую очередь, Кембриджская) среда. Пользуясь современной терминологией, можно также утверждать, что эти произведения формируютуниверситетский текст или сверхтекст в романистике автора. Это весьма актуальное и перспективное направление, поскольку глубокому изучению сложных корреляций между понятиями «текст»,

«цикл», «жанр» все больше внимания уделяется современными учеными, в частности, крымскими: «То, что сегодня филологи и культурологи называют сверхтекстами, как раз и было сперва более или менее свободными циклами, затем и окончательно сформировавшимися, «специализировавшимися» жанрами» [14, с.76].

Итак, подведем итог. Тимофей Пнин не может и не должен восприниматься читателем как повзрослевший лирический герой «Университетской поэмы». Непохожие ни внешне, ни психологическипротагонисты этих произведений соотносятся между собой лишь через фигуру автора, поскольку их сближают общие, близкие самому Набокову, биографические моменты: ощущения, переживания, занятия, локации. И все же эти произведения неразрывно связаны между собой, в первую очередь, именно университетской тематикой. Главное же отличие между ними заключается в том, что университетский роман Набокова «Пнин» является еще и трансатлантическим романом.

«ПНИН» В. НАБОКОВА
КАК ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ РОМАН

Если учесть, что Набоков является основателем университетской тематики в литературе XX века, то создание им полноценного «профессионального» романа было событием неизбежным. В условиях возникновения и активизации данной тенденции в англоязычной литературе середины прошлого столетия профессор Набоков рано или поздно должен был написать роман о профессоре Пнине, в котором он суммировал весь свой писательский и преподавательский опыт, накопленный к этому времени. Роман «Пнин» создавался в 1953-1955 годах на английском языке и был опубликован в 1957 году в Нью-Йорке. В этом романе, как справедливо отмечает О. Ю. Анцыферова, встречается «ряд сюжетно-композиционных мотивов, которые войдут в жанровую парадигматику университетской прозы» [1, с. 267]. Среди этих мотивов, ставших главными особенностями всех последующих произведений, написанных в жанре университетского романа, исследователем перечисляются: «вечеринка в доме одного из университетских преподавателей как своеобразная кульминация профессионально-личностных конфликтов»; «вечный ужас лектора

забыть или потерять текст лекции»; «видения во время лекции» и другие [1, с. 267], что, без сомнения, подтверждает правильность причисления данного текста к начальному этапу формирования и развития университетской прозы как отдельного направления в англо-американской романистике.

Как принято считать, университетские романы начала 1950-х – 1990-х годов были не только элитарными, но иностросоциальными, юмористическими и даже сатирическими. Особенно это касается романов, в которых уделяется внимание преподаванию в вузах филологических дисциплин в целом и литературоведению – в частности.О. Ю. Анцыферова отмечает, что это произошло не случайно: «комическая природа университетского романа получила мощную подпитку в эпоху широкого наступления постструктуралистских теорий в последней трети XX века» [1, с. 269]. Объяснение этому исследователь видит в тотальном пересмотретрадиционных основ теории литературы и литературного канона, произошедшем в те годы и породившемтакие перегибы в преподавании, «без пародийного высмеивания которых не обходится ни один университетско-филологический роман эпохи постмодернизма» [1, с. 269]. В работе об эволюции университетской прозы исследователь также отмечает, что практически во всех романах этого периода «создаются целые сатирические галереи преподавателей-литературоведов постструктуралистского толка» [1, с. 269].

Исходя из этого тезиса, можно утверждать, что роман В. Набокова «Пнин» полностью соответствует указанным параметрам. Главный герой этого романа также преподает в Америкерусскую словесность и является комической, а точнее, трагикомической фигурой: совершенно лысый, нескладный, несуразный и рассеянный, но при этом невероятно добрый и трогательный, он вызывает у читателятрепетное чувство щемящего сопереживания. В личной жизни Пнин глубоко несчастен, его работа важна и интересна только ему самому, его рассеянность является предметом насмешек среди коллег и студентов, да и сам университет, в котором он преподает, не отличается никаким престижем: «Он преподавал русский язык в университете Вайнделла, – довольно провинциальном заведении, отличительными чертами которого были: искусственное озерцо посреди кампуса с

подправленным ландшафтом, увитые плющом связующие здания галереи, фрески с довольно похожими изображеньями преподавателей в миг передачи ими светоча знаний от Аристотеля, Шекспира и Пастера толпе устрашающе сложенных фермерских сыновей и дочурок» [11, с. 12-13].

Тимофея Пнина можно воспринимать как неудачника, ветром судьбы занесенного не в то время и не в то место, как героя, «севшего не в свой поезд», а можно – как последнего рыцаря, современного дон Кихота, еще верящего в справедливость, любовь и другие вымирающие человеческие ценности. Очевиднотакже и то, что именно в образе профессора русской словесности, выходца из среды высокообразованной русской интеллигенции, Тимофея Павловича Пнина Набокову удалось воплотить тот вечный тип классической русской литературы, который восходит к героям Чехова, Толстого и отчасти Достоевского.Таким образом, данный роман Набокова можно также рассматривать и в контексте «инобытия» русской прозы в литературном пространстве Америки. Неслучайно текст романа «Пнин» на русский язык был переведен трижды: в 1983 году – Г. А. Барабтарло при участии жены писателя В. Е. Набоковой, в 1991 году – Б. М. Носиком и в 1993 году – С. Б. Ильиным. Качество каждого перевода оценивается высоко, что подтверждается неоднократным переизданием их в России [11; 12].

Утверждая, что данный роман принадлежит к трансатлантической англо-американской литературе XX века, стоит отметить, что в нем, как и во многих произведениях Набокова, есть множество отступлений от канона, но все же основные черты трансатлантизма в данном текстетакже сконцентрированы преимущественно в образе главного героя:

- Тимофей Пнин представляет собой пример типичного трансатлантического персонажа, пересекшего Атлантику с целью сменить место жительства (либо добровольно в поисках лучшей жизни, либо, как у Пнина, вынужденно в силу сложившихся обстоятельств);

- несмотря на все усилия и старания, герой никак не может вписаться в окружающую инокультурную среду, что приводит к постоянным нестыковкам, казусам, недоразумениям и прочим неприятностям;

- в образе главного героя персонифицированы основные контрасты, противопоставляющие образ жизни по обе стороны Атлантического океана;

- профессиональные успехи, которых профессор Пнин достигает в Америке, лишь отчасти могут компенсировать безысходность его ностальгии, горечь воспоминаний, а также боль от утраты любимых людей.

Безусловно, главный герой данного произведения не является представителем европейской культуры в Америке. Мировоззрение Пнинана протяжении всего повествования остается заатлантическим, но в данном случае – исключительно русским, что отражается и на его внешнем облике, и на его манере общения, и на его судьбе. Русский профессор Пнин одинаково духовно чужд как Европе, так и Америке, что делает его образ совершенно особенным в череде типичных трансатлантических персонажей.

ВЫВОДЫ

Несмотря на более чем полвека, прошедшие со времени возникновения университетской прозы в литературе США и Великобритании, жанр университетского романа по-прежнему остается недостаточно изученным, в особенности – отечественными литературоведами.

В. Набоков является одним из тех авторов, произведения которого давно и прочно вошли в перечень романов, без которых не обходится ни одна работа, посвященная исследованию того или иного аспекта университетской прозы.

Университетская тематика в творчестве В. Набокова представлена несколькими произведениями (романизированная автобиография «Другие берега», роман «Дар», антироман «Бледный огонь»), среди которых особенно выделяются роман «Пнин» и «Университетская поэма».

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что ранняя «Университетская поэма» писателя является непосредственным прологом к жанру университетского романа, поскольку в ней впервые прорисовываются контуры ключевых для этого жанра особенностей и черт. Данное произведение представляет

собой первый образец жанра университетского романа в истории литературы, написанный с использованием рифмы.

Зрелый роман В. Набокова «Пнин» представляет собой безусловный трансатлантический текст, по жанровой природе относящийся к малоизученному университетскому роману. Основные черты, свойственные трансатлантической литературе, сконцентрированы преимущественно в образе главного героя – университетского профессора-эмигранта Тимофея Пнина.

Таким образом, можно утверждать, что В. Набоков стал не только первопроходцем университетской прозы, но и ее основоположником.

Данная работа не исчерпывает изучение университетской прозы как части трансатлантической литературы XX века. К дальнейшим перспективам исследования можно отнести изучение трансатлантической составляющей в университетских романах других английских и американских авторов, в частности, в романе Д. Лоджа «Академический обмен. Повестьодвухкампусах» (Changing Places: A Tale of Two Campuses, 1975).

Университетскую прозу Набокова можно также попытаться рассмотреть как Кембриджский текст писателя или более объемный университетский сверхтекст, опираясь на работы первопроходцев этого научного направления [14; 15].

В качестве еще одного вектора для дальнейшего изучения феномена университетской прозы можно обозначитьнаучные поиски в области русскоязычного университетского романа, начало освоению которого уже было положено С. И. Чуприным [16].

Список литературы

1. Анцыферова, О. Ю. Университетский роман : Жизнь и законы жанра [Текст] / О. Ю. Анцыферова // Вопросы литературы. – 2008. – № 4. Июль-август. – С. 264–295.
2. Анцыферова, О. Ю. Постколониальная поэтика университетского романа (Дж. М. Кутзее) [Текст] / О. Ю. Анцыферова // Схід на Заході, Захід на Сході:

діалог світоглядних і художніх парадигм. Сучасні літературознавчі студії. Вип.4. – Київ : Видавничий центр КНЛУ, 2008. – С.3–11.

3. Ахмедова, Э. Академический роман / Э. Ахмедова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aesthesis.ru/magazine/july16/academic-novel
4. Бойд, Б. Владимир Набоков : американские годы : Биография [Текст] / Б. Бойд. – М. : Издательство Независимая Газета ; СПб. : Издательство «Симпозиум», 2004. – 928 с.
5. Бойд, Б. Владимир Набоков : русские годы : Биография [Текст] / Б. Бойд. – М. : Издательство Независимая Газета ; СПб. : Издательство «Симпозиум», 2001. – 695 с.
6. Люксембург, А. М. Англо-американская университетская проза. История, эволюция, проблематика, типология [Текст] / А. М. Люксембург // Ростов-на-Дону : Изд. Ростовского гос. ун-та, 1988.
7. Маркович, Я. С. Вступ. статья [Текст] / Я. С. Маркович // Набоков В. Ангелом задетый: Стихи. Вып.1. – М. : Вся Москва, 1990. – С. 3–6.
8. Набоков, В. В. Дар [Текст] / В. В. Набоков // Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. – СПб. : «Симпозиум», 2000. – С. 188–541. (Т. 4).
9. Набоков, В. В. Другие берега [Текст] / В. В. Набоков // Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. – СПб. : «Симпозиум», 2000. – С. 140–335. (Т. 5).
10. Набоков, В. В. Интервью в журнале «Playboy», 1964 г. [Текст] / В. В. Набоков // Собрание сочинений в 5 томах. – СПб. : «Симпозиум», 1997. – С. 562–588. (Т. 3).
11. Набоков, В. В. Пнин [Текст] / В. В. Набоков // Собрание сочинений в 5 томах. – СПб. : «Симпозиум», 1997. – С. 9–171. (Т. 3).
12. Набоков, В. В. Пнин [Текст] / В. В. Набоков. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 384 с.
13. Набоков, В. В. Университетская поэма [Текст] / В. В. Набоков // Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. – СПб. : Симпозиум, 2000. – С. 560–586. (Т. 2).
14. Новикова, М. А. Сверхтексты в литературе: жанры и циклы (к постановке проблемы) [Текст] / М. А. Новикова // Ученые записки Крымского федерального

университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 4 (70). – № 4. – С. 72–84.

15. Новикова, М. А. Маринистические мотивы в европейских текстах и сверхтекстах (к постановке проблемы) [Текст] / М. А. Новикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 1. С. 93–109.
16. Чуприн, С. И. Филологическая проза, университетский роман [Электронный ресурс] / С. И. Чуприн // Жизнь по понятиям: русская литература сегодня. – М. : Время, 2007. – 766 с. – Режим доступа: https://lit.wikireading.ru/11745.
17. Edemariam A. Who’s afraid of the campus novel? The Guardian. 2004. October 4. Available at: http://books.guardian.co.Uk/review/story/0,12084, 1317066,00.html
18. Showalter Elaine. Faculty Towers: The Academic Novel and Its Discontents. Oxford University Press, 2005.

References

1. Antsyferova O. Yu. *Universitetskii Roman: Zhizn' i Zakony Zhanra* [University Novel. Life and Laws of the Genre]. *Voprosy Literatury*, 2008, № 4, pp. 264–295.
2. Antsyferova O. Yu. *Postkolonial'naya Poetika Universitetskogo Romana (Dzh. M. Kutzee)* [Postcolonial Poetics of the University Novel (J. M. Coetzee)]. *Skhid na Zakhodi, Zakhid na Skhodi: Dialog Svitoglyadnikh i Khudozhnikh Paradigm. Suchasni Literaturoznavchi Studii*, Issue 4. Kiev: KNLU Publ., 2008, pp. 3–11.
3. Akhmedova E. *Akademicheskii Roman* [Academic Novel]. Available at: https://aesthesis.ru/magazine/july16/academic-novel
4. Boid B. *Vladimir Nabokov: Russkie Gody: Biografiya* [Vladimir Nabokov: Russian Years: Biography]. Moscow: Izdatelstvo Nezavisimaya Gazeta; SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 2001. 695 p.
5. Boid B. *Vladimir Nabokov: Amerikanskie Gody: Biografiya* [Vladimir Nabokov: American Years: Biography]. Moscow: Izdatelstvo Nezavisimaya Gazeta; SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 2004. 928 p.

6. Lyuksemburg A. M. *Anglo-Amerikanskaya Universitetskaya Proza. Istoriya, Evolyutsiya, Problematika, Tipologiya* [The Anglo-American Academic Prose. History, Evolution, Problems and Typology]. Rostov-on-the-Don: Rostov State University Publ., 1988.
7. Markovich Ya. S. *Vstupitel'naya Stat'ya* [Introductory Article]. *Nabokov V. Angelom zadetyi: Stikhi*, Issue 1. Moscow: Vsya Moskva Publ., 1990, pp. 3–6.
8. Nabokov V. V. *Dar* [The Gift]. *Russkii Period. Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, Vol. 4. SPb.: Simpozium Publ., 2000, pp. 188–541.
9. Nabokov V. V. *Drugie Berega* [Other Shores]. *Russkii Period. Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, Vol. 5. SPb.: Simpozium Publ., 2000, pp. 140–335.
10. Nabokov V. V. *Interv'yu v Zhurnale Playboy, 1964 g.* [Interview in Playboy Magazine. 1964]. *Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, Vol. 3. SPb.: Simpozium Publ., 1997, pp. 562–588.
11. Nabokov V. V. *Pnin* [Pnin]. *Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, Vol. 3. SPb.: Simpozium Publ., 1997, pp. 9–171.
12. Nabokov V. V. *Pnin* [Pnin]. SPb.: Azbuka-klassika Publ., 2007. 384 p.
13. Nabokov V. V. *Universitetskaya Poema* [The University Poem]. *Russkii Period. Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, Vol. 2. SPb.: Simpozium Publ., 2000, pp. 560–586.
14. Novikova M. A. *Sverkhteksty v Literature: Zhanry i Tsikly (K Postanovke Problemy)* [Supertexts in Literature. Genres and Cycles (To the Problem Statement)]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 4 (70), № 4, pp. 72–84.
15. Novikova M. A. *Marinisticheskie Motivy v Evropeiskikh Tekstakh i Sverkhtekstakh (K Postanovke Problemy)* [Marineistic Motives in European Texts and Supertexts (To the Problem Statement)]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 5 (71), № 1, pp. 93–109.
16. Chuprin S. I. *Filologicheskaya Proza, Universitetskii Roman* [Philological Prose, University Novel]. *Zhizn' po Ponyatiyam. Russkaya Literatura Segodnya*. Moscow: Vremya Publ., 2007. 766 p. Available at: https://lit.wikireading.ru/11745

17. Edemariam A. Who's afraid of the campus novel? The Guardian. 2004. October 4. Available at: http://books.guardian.co.Uk/review/story/0,12084, 1317066,00.html
18. Showalter Elaine. Faculty Towers: The Academic Novel and Its Discontents. Oxford University Press, 2005.

V. NABOKOV'S UNIVERSITY PROSE

Bespalova Ye. K.

This research focuses on the analysis of the novel *Pnin* by the Russian and American writer V. Nabokov from the point of view of its belonging to the University novel genre, as well as to the transatlantic literature of the twentieth century. To achieve this goal, the following tasks are solved: to trace the history of the origin and evolution of the University novel as a separate genre; to prove that the University poem by V. Sirin (Nabokov) is one of the earliest literary samples that laid the foundation for this genre; to investigate the University novel *Pnin* for the presence of features of transatlantic literature in it.
The work used a set of methods: biographical, typological, psychological, historical and literary, as well as the method of intertextual analysis. The methodological basis of the work is the scientific works of domestic and foreign nabokovists, as well as researchers who deal with this problem to varying degrees.
The research material includes the Russian-language *The University Poem* (1927), as well as the English-language original text of the novel *Pnin* (1957) and two Russian-language translations, the first of which was made by G. Barabtarlo with the participation of V. Nabokov, and the second by S. Ilyin. The article concludes that V. Nabokov's novel *Pnin* is an unconditional transatlantic text, which by its genre nature belongs to a little-studied University novel, and also proves that the *The University Poem* is a direct prologue to this genre.
***Keywords*:** Nabokov, university / academic novel, *Pnin, The University Poem*, transatlanticism, transatlantic character, Russia, Europe, England, America.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 135–146.

УДК 821.161.1»19»

НЕГАТИВНАЯ АЛЛЕГОРИЯ (ОСТРАНЕНИЕ) В ПОЭТИКЕ М. ГОРЬКОГО

Борисова Л. М.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: borlm-sf@mail.ru

В статье привлекается внимание к такому недооцененному приему в поэтике Горького, как остранение. Этот прием определяет художественное своеобразие наиболее радикальных модернистских направлений в литературе и искусстве начала XX в. (футуризм, экспрессионизм, сюрреализм) и, таким образом, сближает Горького с авангардом. Но остранение возникает у писателя независимо от модернизма, для него изначально характерна тяга к иносказанию, и прежде всего к аллегории. Автор статьи опирается на идеи Д. Чижевского, который рассматривал остранение как частный случай аллегории – негативную аллегорию. С привлечением значительного количества примеров в работе доказывается, что образность этого типа появляется в прозе Горького не в 1920-е, как принято думать, а уже в 1910-е годы, т.е. тогда же, когда о себе заявляет русский авангард. Отличие горьковского остранения от авангардного заключается в неполной эмансипации остранения от авторского комментария. В поздней прозе Горького прием обретает законченность и одновременно с этим становится принципом, организующим повествование.
Ключевые слова: аллегория, негативная аллегория, остранение, М. Горький, В. Шкловский, Д. Чижевский.

ВВЕДЕНИЕ

Автору статьи уже приходилось обращать внимание на особую роль остранения в поэтике Горького в связи с анализом авангардной составляющей в романе «Жизнь Клима Самгина». До этого остранение не вычленялось горьковедами из общего ряда модернистских средств, к которым прибегал писатель, как считалось, в поздний период творчества. Эти положения нуждаются в коррекции. Сегодня уже недостаточно говорить о модернизме вообще по отношению к художественной практике Горького, где немалое место занимает специфически авангардная, близкая футуристической образность. Кроме того, стоит внимательно перечитать раннего Горького с особым вниманием к романтической составляющей его поэтики. И наконец, важно понять, каким образом стала возможной эволюция этого автора от романтизма к авангарду.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В. Шкловский, которому филологическая наука обязана понятием остранение (изначально «остраннение»), употреблял его в двух значениях: как общий принцип искусства, синоним иносказания и как конкретный прием «выведения вещи из автоматизма восприятия». О. А. Ханзен-Лёве видит в этом недостаток систематики у формалистов [5, с. 13]. Неопределенность термина отмечают и все другие исследователи, а Д. Чижевский в свое время вообще от него отказался, предложил взамен понятие «негативная аллегория», обозначив таким образом несколько особых форм иносказания, включая и описанный Шкловским.

Первый вариант негативной аллегории – изображение фантастических миров (лилипутов, думающих зверей, обитателей внеземных цивилизаций), увиденных глазами людей нашего мира, либо нашего мира, данного в восприятии тех, кто не понимает его устройства (дикарей, детей, душевнобольных, животных или демонов). В обоих случаях объекты и события представлены исключительно с внешней стороны. Подобные примеры Чижевский находит у Свифта, в «Микромегасе» Вольтера, рассказах из детской жизни Чехова, «Котике Летаеве» Белого.

Второй вариант – на первый взгляд, вполне объективная картина, которая, однако, выглядит совершенно бессмысленной, потому что вещи называются не своими именами, а совершенно не подходящими к ним словами. Сюда ученый относит цитированные Шкловским примеры из Льва Толстого, описание лондонской биржи у Вольтера, а также образ корабля как повозки без лошади с торчащими вверх оглоблями и неизвестно зачем подвешенной к ним сбруей в трактате Коменского «Лабиринт мира и рай сердца».

И наконец третий вариант – читатель попадает в чужой мир и должен сориентироваться в нем, понять скрытый смысл окружающего. Таковы все миры антиутопий (по Чижевскому, «негативных утопий» [7, p. 142–143]).

Как видим, остранение отлично вписывается в предложенную Чижевским классификацию. Негативная аллегория имеет все права на терминологический статус, и только в двух случаях трудно отказаться от ставшего привычным, по иронии

судьбы «автоматизировавшегося» понятия «остранение»: когда речь идет о специфике авангарда и когда подразумевается отталкивание от традиции, от безóбразного омертвевшего слова, привычных тропов. «Вывод вещи из автоматизма восприятия» соотносится с «не-искусством», тогда как негативная аллегория существует исключительно в сфере иносказания.

По мнению Шкловского, Горький в ходе своей литературной учебы подключился к автоматической традиции, поскольку основными его учителями были второстепенные писатели-народники: «<…> навыки Златовратского портили Горького» [6, с. 207].

«Новый Горький» для Шкловского начинается с «Заметок из дневника», и новым в них ему кажется то, что писатель видит жизнь противоречивой и «работает ее нелепостью, рассказывая о странных людях, приходящих к нему» [3, т. 17, с. 209].

Теоретик формализма, Шкловский, конечно, не случайно выделил «Заметки из дневника»: из всего, что написано Горьким до «Клима Самгина», они более всего богаты авангардной образностью:

«Темным комом, мышиным бегом катится» по улицам Нижнего Анна Николаевна Шмит. «Руки у нее темные, точно утиные лапы, в тонких пальцах всегда нервно шевелится небольшой карандаш, – шестой палец» [3, т. 17, с. 46];

Лука Симаков – «грузный человек с черными, щеткой, усами и синим, гладко обритым черепом. Щеки у него тоже синие, а толстая нижняя губа цвета сырой говядины. Левый, темный глаз меньше правого и тревожно забегает к виску <…>. А правый глаз его, большой, выпуклый, почти неподвижен, тускл и, окруженный очень длинными ресницами, напоминает какое-то насекомое» [3, т. 17, с. 48–49].

Как и у представителей художественного авангарда, у Горького часто повторяется подобный условный тип: «Изрытое оспой лицо солдата украшал тупой нос, дряблый, как губка, под носом торчали кустики черной шерсти, раковина его левого уха была разорвана поперек, левый глаз косил, забегая в сторону уха» [3, т. 17, с. 94].

Среди моделей Горького есть и люди с «неуловимыми, как бы нарочито стертыми, безглазыми лицами» [3, т. 17, с. 98] – к примеру, купец Бугров. В

«Караморе» дан более развернутый портрет этого рода: «<…> я увидел перед собою человека, у которого действительно не было лица: его заменяла серая масса какого-то студня, и в нем, вместе с ним дрожали отвратительно выпученные глаза. Бескровным куском мяса отвисла нижняя губа, дрожал подбородок, морщины бежали по щекам, – казалось, что вся голова этого человека гниет, разлагается и вот сейчас потечет на плечи и грудь серой грязью. И, как бы утверждая это впечатление, Попов схватился руками за виски, закрыл ладонями уши» [3, т. 17, с. 385].

Люди без лиц появляются у Горького задолго до «Записок из дневника»: «<…> его голова качалась, напоминая неровно выточенный черный шар, а лица не было» [3, т.10, с. 199]. Безголовых, безлицых людей герои часто видят во сне. В повести «Мать», к примеру, демонстрантов встречает «серая стена однообразных людей без лиц» [3, т. 8, с. 157]. Позже в этой массе прорисовываются какие-то черты, но не лица, а только одно лицо – одно на всех: «ясно было видно лицо солдат – широкое во всю улицу, уродливо сплюснутое в грязно-желтую узкую полосу, – в нее были неровно вкраплены разноцветные глаза» [3, т. 8, с. 159].

В «Учителе чистописания» в портретной зарисовке появляется знак: «человек с маленьким лицом без глаз; на месте их – вопросительные знаки» [3, т. 17, с. 148]. В других случаях встречаются портреты, по-авангардному собранные из самых неожиданных предметов: «Пришла, Евфимия, груди ее выдавались, как два арбуза, она наложила на них коробок с конфектами <…>« [3, т. 17, с. 124].

И все же «Заметки из дневника» не начало, а яркое продолжение магистральной для Горького художественной тенденции. Для того, чтобы в этом убедиться, обратим внимание на поэтологические странности «старого» Горького.

Одно из самых выразительных описаний такого рода – впечатление героя от булочника Семенова и его подворья: «<…> вкривь и вкось ветхие службы, на дверях висели – как собачьи головы – большие замки; с выгоревшего на солнце, вымытого дождями дерева десятками мертвых глаз смотрели сучки», двор завален бочками, «из их круглых пастей торчала солома», поблизости в углу визжали и хрюкали свиньи, фыркала лошадь. А по двору, так же фыркая и хрюкая, бегал, точно его, «как лошадь, кто-то невидимый гонял по корде», хозяин. «Сверкали голые икры, толстые, круглые

колени, трясся живот и дряблые щеки; округлив свой сомовый рот, человек вытянул губы и пыхтел:

– Фух, фух…» [3, т. 14, с. 7].

Если что и мешает здесь полноценному остраняющему эффекту, то только авторская сентенция: «Всё – живет странной, запутанной жизнью, а в центре всего носится, потея и хрипя, необычный, невиданный мною человек.

«Это куда же я втряпался? – жутко подумалось мне» [3, т. 14, с. 7].

В «Жизни Матвея Кожемякина» автор особо выделяет реплику Мансуровой: «Надо знать жизнь, а не выдумывать» – «Она точно на стене написала эти слова крупными буквами <…>» [3, т. 10, с. 296]. В рассказе «Легкий человек» герой получает следующую характеристику: «У тебя характер не человечий, несогласный. Ты, брат, какой-то ер, – слово и без ера понятно, ну – для порядка, для красоты, что ли, – ставят ер в конце» [3, т. 14, с. 504]. В обоих случаях знаковая образность еще носит «конвенциональный» характер. Точно так же раньше Весовщиков объяснял исчезновение лиц у фабричных: «Голод <…> лики человеческие стер» [3, т. 8, с. 135]. Но когда в последнем романе Горького Лютов говорит о Самгине: «двоеточие», а Дронов о Тагильском – «человек, напечатанный курсивом», писатель уже не считает нужным объяснять, чьей рукой и в каком тексте набран курсивом Тагильский и что за двоеточие представляет собой Клим Иванович Самгин. И не дает никаких объяснений тому, откуда берутся безлицые, которых тоже немало среди персонажей романа.

Остранение предполагает изображение обычного как непривычного. В этом отношении Горький проявляет редкую наблюдательность. В портрете он особенно внимателен к жесту, взгляду:

«Потянувшись, он долго и пристально смотрел на свои ноги, словно не понимая, зачем они ему <…>» [3, т. 10, с.137];

«Лицо этой женщины было неприветливо, а локти она держала приподняв, точно курица крылья, собираясь лететь» [3, т. 10, с.330];

«Он хватал себя за уши, за щеки, раскачивая голову, точно пытаясь оторвать ее» [3, т.14, с. 262].

Становясь на молитву, Матвей Кожемякин принимает позу, в который в памятный день, точно повешенная, стояла перед отцом Палага: свесив руки вдоль туловища и наклонив голову. В «Жизни Клима Самгина» в этой полной обреченности позе запечатлены Диомидов и Кумов. У Горького она приобретает идеологический характер, указывает на неизбежное самоупразднение всего нежизнеспособного, или, как он говорил, «ненужного», «лишнего».

Избиваемый мужиками Савка в «Жизни Матвея Кожемякина», лежа вниз лицом, дергая руками и ногами, точно плывет по земле, чуть живой «он был подобен пню, который только что выкорчевали: ноги, не слушаясь его усилий, волоклись по земле, как два корня, лохмотья рубахи и портков казались содранной корой, из-под них, с пестрого тела, струился темный сок» [3, т. 10, с. 192]. В свою очередь образ поверженного, изувеченного человека становится у Горького основой топографического описания: «пойманный и связанный, полуживой, полумертвый, лежит он (город. – *Л.Б.*), крепко прижат к земле, тесно сдвинув ноги, раскинув длинные руки, вместо головы у него – монастырь, а тонкая, высокая колокольня Николы точно обломок копья в его груди» [3, т. 10, с. 331]. Заметим тут же, что рабочий барак («В ущелье»), низенький и длинный, напоминает автору «крышку большого гроба» [3, т. 14, с. 295].

Только привычка к тексту мешает почувствовать остранение в начальных строках повести «Мать»: «<…> из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди <…>. В холодном сумраке они шли по немощеной улице к высоким каменным клеткам фабрики, она с равнодушной уверенностью ждала их, освещая грузную дорогу десятками жирных квадратных глаз. <…> Вечером <…> фабрика выкидывала людей из своих каменных недр, словно отработанный шлак <…>» [3, т. 8, с. 7].

У Горького не так много случаев остранения в толстовском духе, и примеры такого рода у него не особенно ярки. Вспомним, как Находка разъясняет Ниловне смысл обыска: «Придут взрослые мужчины с саблями на боку, со шпорами на сапогах и роются везде. Под кровать заглянут и под печку, погреб есть – и в погреб полезут,

на чердак сходят. Там им на рожи паутина садится, они фыркают. Скучно им, стыдно, оттого они делают вид, будто очень злые люди и сердятся на вас» [3, т. 8, с. 45].

Уже в 1900-1910-е гг. проза Горького изобилует авангардными зарисовками:

«Глаза у него смешно косили, забегая куда-то в переносье; чтобы скрыть это, он прищуривал их, и казалось, что в лице у него плохо спрятан маленький ножик о двух лезвиях, одно – побольше, другое – поменьше» [3, т.10, с. 352];

«<…> мутные, точно слепые глаза, утонувшие в багровых щеках совсем не там, где надо» [3, т. 14, с. 195];

«<…> склонила голову, подобную молотку, высветленному многими ударами о твердое» [3, т. 14, с. 202].

Поднятые вверх лица людей напоминают герою «Детства» «грязные тарелки после обеда» [3, т. 15, с. 43].

Горький-художник не знает снисхождения к натуре:

«Тонкая и высокая, с длинным нечистым лицом, с коротко остриженными – после тифа волосами, она была похожа на выработанную метлу» [3, т. 15, с. 240].

Женщины, работающие в огороде, круто выгнув загорелые спины, «двигались как бы на четвереньках и, казалось, выщипывали траву ртами, как овцы» [3, т. 10, с. 186].

Некоторые сравнения носят и более эпатажный характер: голос умирающего отца напоминает Матвею Кожемякину шипение грибов на сковородке.

Авангардной картине служат и разного рода оптические эффекты: «Все шумнее накатывалась на него темная, едва освещенная желтым огоньком стенной лампы толпа людей, в полосе света иногда мелькала – точно оторванная – голова с оскаленными зубами <…>« [3, т. 14, с. 88];

«<…> над холмами струилось марево», а на одной плешивой вершине стоял, точно в воздухе, пастух» [3, т. 10, с. 174].

Даже знаменитый импрессионистский туман имеет у Горького авангардный вид: «Свинцовый холодный туман окутал колокольни, минареты и крыши домов, город точно обезглавлен, да и люди – издали – кажутся безголовыми» [3, т. 14, с. 89].

Уже в сборнике «По Руси» в качестве образа выступает литера: песчаная грива изогнулась в море, «как французское S» [3, т. 14, с. 552–553], а в «Жизни Матвея Кожемякина» встречаются портреты, созданные на основе геометрических фигур. Лицо певчего – «треугольник, основанием которого служил большой, смуглый лоб, а вершиною искривленный налево длинный нос» [3, т.10, с. 242].

Нельзя не заметить, что горьковское иносказание всегда в той или иной мере (чаще всего с избытком) окрашено в фантастические тона. По Шкловскому, остранение нацелено на то, чтобы читатель не узнал, а увидел реальность, Горькому нужно, чтобы он не просто не узнал, а ужаснулся ей. Таково изображение фабрики в «Детстве»:

«<…> видны освещенные фонарями ворота завода, раскрытые, как беззубый черный рот старого нищего, – в него густо лезет толпа маленьких людей. В полдень – снова гудок; отваливались черные губы ворот, открывая глубокую дыру, завод тошнило пережеванными людями, черным потоком они изливались на улицу, белый мохнатый ветер летал вдоль улицы, гоняя и раскидывая людей по домам» [3, т. 15, с. 183].

И совершенно фантастический вид (какое-то жилище сказочного людоеда!) имеет пекарня в повести «Хозяин»: «По стенам сзади и справа от нас, стояли полки с хлебными чашками, а из чашек, исходя, поднималось тесто – точно лысые головы, прячась, смотрели на нас со стен» [3, т. 14, с. 57].

Иногда в таких фантастических зарисовках таятся узнаваемые детали заводского мира. Горький часто смотрит на мир глазами пролетария или мастерового: «От ее жирных волос истекал удушливый запах помады, и вся она была пропитана каким-то тяжелым масляным запахом, точно старая типографская машина» [3, т. 14, с. 70]. Глазами пролетария видит автор и Александровскую колонну в «Жизни Клима Самгина»: фабричная труба, из которой вылетел и нелепо застыл в воздухе бронзовый ангел. В рассказе «На пароходе» колокольня в темноте кажется похожей на истертую малярную кисть. У начальника охранки в «Жизни ненужного человека» голос похож «на пение железной пилы, когда ее точит подпилок» [3, т. 9, с. 130]. У Натальи в рассказе «Губин» плечи «сырые, словно недопеченный хлеб, чуть

прихваченный жаром, покрытый тонкою румяной коркою». Пугаясь, женщина оседает к земле» точно перекисшее тесто» [3, т. 14, с. 195].

Фантастическим (особенно в сравнении с соответствующим изображением Толстого) выглядит у Горького и священнослужитель: «Человек с горящей разноцветно головой осенил людей огненным крестом» [3, т. 22, с. 329]. Про облачение архиерея автор, уточняя, говорит также: на его голове был «золотой пузырь». И как ни привычен рабочему человеку паровоз, у Горького он выглядит сказочным чудовищем – «Черный железный червь, с рогом на голове и тремя глазами, гремя металлом огромного тела, взвизгнул, быстро подполз к вокзалу, остановился и злобно зашипел, наполняя воздух густым белым дыханием» [3, т. 9, с. 103].

Фантастичен у Горького и вечный враг человека – природа. В ледоход «на каждом десятке шагов открывались, хрустя и брызгая слюною, зубастые челюсти, синие острые зубы хватали ноги; казалось, река хочет всосать в себя людей, как змея всасывает лягушат» [3, т. 14, с. 172]. Но более всего фантастичен сам человек: «Он был маленький, лысый, узкий, как щука, поставленная на хвост <…>» [3, т. 14, с. 322]. Человеческое сообщество нередко напоминает свору зверей: «Неустанно двигались скулы и челюсти, играли кадыки, сверкали волчьи зубы, от мохнатых грудей шёл парок, на лицах блестели капли пота. Чавкали громко, смачно, глубоко вздыхали от усталости и, облизывая ложки, далеко высовывали большие языки, толстые и красные» [3, т. 14, с. 182]. Горьковские портреты, в которых люди щедро наделены такими чертами, как рачьи, совиные, кошачьи, мышиные глаза, носы, уши, рыбьи рты, лошадиные головы и пр., напрямую соотносится с той частью «Лабиринта мира…» Я. А. Коменского (текст, который навел Д. Чижевского на мысль о негативной аллегории), где Путник замечает, что обитатели мира (царства суеты) носят маски, под которыми прячут звериные обличья. Примечательно и то, что среди странных действий, которым предаются эти люди, наблюдатель замечает одного, игравшего со своей тенью, ловившего и измерявшего ее. Вспомним, что в «Заметках из дневника» Шкловский особенно оценил фрагмент о Чехове, ловившем шляпой солнечный луч и безуспешно пытавшемся надеть его вместе с ней на голову.

Горький вполне сознательно прибегал к остранению и отмечал его в чужих текстах. «Действительность, видимая впервые, ощущается как фантастика, это ощущение очень важно сохранить» [4, т. 14, с. 148], – писал он в феврале 1923 г. Шкловскому по поводу книги Э. Триоле «На Таити». А ей самой советовал отнестись к чужому «с тою же наивностью и тем же страхом, с каким отнесся бы туземец Таити к жизни европейца» [4, т. 14, с. 190]. Читатель «требует, чтоб о знакомом ему рассказали интересно, незнакомо» [4, т. 15, с. 249], – напоминал писатель В. Нарбуту.

У Горького иносказание представлено в самом широком диапазоне и многообразии форм. В дореволюционной прозе эта особенность его поэтики порой теряется в реалистически бытовом контексте. Но в «Жизни Клима Самгина», где иносказание становится организующим принципом повествования, соответствующая образность (авангардная, аллегорическая, негативно-аллегорическая) приобретает системный характер [см.: 1; 2].

Негативная аллегория отличается от обычной, как антиутопия от утопии: только смысловым зарядом. Если в аллегории яркая иллюстративная образность указывает на скрытый смысл изображаемых вещей, даже негативных (Чижевский употребляет выражение «вещи с отрицательной ценностью». – *Л. Б.*), то в негативной она призвана вскрыть их бессмыслицу [8, s. 125], – для Горького, вечного революционера и утописта-просветителя, пришедшего в этот мир, чтобы не соглашаться, задача чрезвычайно важная.

ВЫВОДЫ

Остранение, а вместе с ним и авангардную образность можно обнаружить уже в прозе Горького 1910-х годов. Но, поскольку автор не вполне доверяет приему и разоблачает его своим комментарием, эти средства не привлекают к себе внимания, нейтрализуются в общем реалистическом контексте. В 1920-е годы остранение из приема становится у Горького организующим повествование принципом, не уступающим по значению миметическому принципу. Для писателя изначально характерна тяга к броским формам иносказания, и остранение как частный случай

аллегории (негативная аллегория) является не отрицанием его прежней художественной системы, а ее закономерным развитием в условиях настоящего, а не календарного XX века.

Список литературы

1. Борисова, Л. М. «Двоеточие», «колокол», нить», или Клим Самгин как аллегория // Вопросы литературы. – М.: Наука, 2015. – № 2. – С. 300–321.
2. Борисова, Л. М., Белова Е. А. Авангардное в поэтике «Жизни Клима Самгина» М. Горького // Русская речь. – М.: Наука, 2017. – № 1. – С. 33–38; № 2. – С. 14–20.
3. Горький, М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. / М. Горький, АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1968–1976.
4. Горький, М. Полное собрание сочинений: Письма: В 24 т. / М. Горький, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – М.: Наука, 1997–2018.
5. Ханзен-Лёве, О. А. Русский формализм. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 672 с. – (Studia philologica).
6. Шкловский, В. Гамбургский счет. – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.
7. Tschižewskij Dmitrij. Bemerkungen zur „Verfremdung“ und zur „negativen Allegorie“ // Tschižewskij Dmitrij. Kleinere Schriften. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. – P. 142–144.
8. Tschižewskij Dmitrij. Das Labyrint der Welt und Paradies des Herzens des Jan Amos Komenius. Die Thematik und die Quellen des Werkes // Tschižewskij Dmitrij. Kleinere Schriften. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. – P. 92–139.

References

1. Borisova L. M. *»Dvoetochie», «Kolokol», «Nit'«, ili Klim Samgin kak Allegoriya* [«Colon», «Bell», «Thread», or Klim Samgin as an Allegory]. *Voprosy Literatury*. Moscow, Nauka [The Science] Publ., 2015, no 2, pp. 300–321;
2. Borisova L. M., Belova E. A. *Avangardnoe v Poetike «Zhizni Klima Samgina» M. Gor'kogo* [Avant-garde in the Poetics of «The Life of Klim Samgin» by M. Gorky]. *Russkaya Rech'*. Moscow, Nauka Publ., 2017, no 1, pp. 33–38; no 2, pp. 14–20.

3. Gor'kii M. *Polnoe Sobranie Sochineniy: Hudozhestvennye Proizvedeniya* . [Complete Works: Artistic Works]: in 25 vol., USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. Moscow, Nauka Publ., 1968–1976.
4. Gor'kii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pis'ma* [Complete Works: Letters]: In 24 vol., Gorky Institute of World Literature Academy of Sciences. Moscow, Nauka Publ., 1997–2018.
5. Hanzen-Lyove O. A. *Russkii Formalizm* [Russian Formalism]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2001. 672 p. (Studia philologica).
6. Shklovskii V. *Gamburgskii Shchet* [«The Honest Rating»]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 544 p.
7. Tschižewskij Dmitrij. *Bemerkungen zur „Verfremdung“ und zur „Negativen Allegorie“* [Notes on «Estrangement Device» and «Negative Allegory». Kleinere Schriften [Short Works]. Munich, Wilhelm Fink Verlag Publ, 1972, pp. 142–144.
8. Tschižewskij Dmitrij. *Das Labyrint der Welt und Paradies des Herzens des Jan Amos Komenius. Die Thematik und die Quellen des Werkes* // Tschižewskij Dmitrij. Kleinere Schriften. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. – pp. 92–139.

NEGATIVE ALLEGORY (THE ESTRAGEMENT DEVICE) IN THE POETICS OF M. GORKY

Borisova L. M.

The article draws attention to such an underestimated device in Gorky's poetics as estrangement. This device determines the artistic originality of the most radical modernist trends in literature and art of the early 20th century (futurism, expressionism, surrealism). Thus, its usage brings Gorky closer to the Avant-Garde. However, Gorky’s estrangement is not of modernist origin.

The author of «Spring Melodies» had an innate inclination towards veiled, figurative language, and especially towards allegory. The article draws on the ideas of D. Chizhevsky, who regarded estrangement as a special case of allegory – negative allegory. It is proved on many examples from Gorky’s creative work that the imagery of this type appears in Gorky's prose not in the 1920s, as is commonly thought, but already in the 1910s, i.e. at the time of the Russian Avant-Garde emergence.

The difference between Gorky's estrangement and that of the Avant-Garde lies in the incomplete emancipation of the former from the author's commentary. In Gorky's later prose, the device acquires completeness, meanwhile becoming the principle that organizes the story.

Keywords: allegory, negative allegory, estrangement device, M. Gorky, V. Shklovsky, D. Chizhevsky.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 147–164.

УДК 821.161.1

ТОЛСТОВСКИЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА

Курьянова В. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: kuryanova_v@mail.ru

В статье на материале творчества А. Блока рассматриваются элементы толстовского текста как именного сверхтекста литературы. Утверждается, что основой этого текста является миф о Л. Н. Толстом, который активно развивается на протяжении полутора столетий, но особенную актуальность получает в начале XX века в период популяризации духовного наследия писателя и осмысления его трагического ухода из собственного дома. Анализируется структура толстовского мифа, выявляются свойственные ему мифологемы (мифологизированные константные представления), созданные и воспроизведённые А. Блоком в соответствии с собственным поэтическим мировидением, личным отношением к творчеству и личности Л. Н. Толстого. В свете поставленной проблемы рассматриваются лирика поэта, его статьи и переписка. Акцентируется внимание на своеобразии толстовского текста в творческом наследии Блока, основанном на близости мировоззрений, сакрализации образа великого писателя, неприятии критики и профанирования образа Толстого в художественном творчестве, публицистике и мемуарах современников. В отличие от других модернистских течений символисты не ставили задачу свергать кумиров прошлого, а напротив, даже отстаивали определенную преемственность традиций, тем более это касается такого самобытного автора как Блок. Но стремление оградить Толстого от посягательств на его авторитет также дает возможность развитию биографического мифа о писателе. Поднимается вопрос об особенностях восприятия данного мифа в культуре и литературе первой трети XX века.
Ключевые слова: сверхтекст, именной текст, толстовский текст, биографический миф, миф о Л. Н. Толстом, русская литература XX века, А. Блок.

Современное литературоведение активно исследует большие текстовые структуры, относя определенный тип текстов по общности референта к топосным, событийным или именным [19]. Активно изучаются топосные тексты [см., напр.: 13; 14; 23], именные же выпадают из поля зрения литературоведов. Толстовский текст как именной сверхтекст проявляется в творчестве писателей и поэтов по-разному. Зависит это прежде всего от восприятия автором толстовского мифа, закрепленного в коллективном сознании, и от собственного мифа о Льве Толстом, созданного каждым отдельным художником.

В основу именного сверхтекста положен биографический миф, который, как правило, «работает» двухвекторно: либо на сакрализацию личности того или иного художника, либо на ее профанирование. При этом выбор одного из двух возможных

направлений связан с мироощущением автора, особенностями его биографии, отношением к конкретной исторической фигуре в семье создателя мифа (очень важны здесь воспоминания детства, поскольку именно в детстве, отрочестве человек ищет значимые фигуры, определяющие его взросление, и такими фигурами становятся люди известные, выдающиеся), мнение его окружения, а также специфические особенности литературного течения, в рамках которого существует интерпретатор [см., напр.: 17].

Общественно-литературная ситуация начала XX века – радикальность настроений и желание обновления, формировавшееся в писательской среде, – требовала новых «идолов» и поэтому не могла обойтись без свержения устоявшихся авторитетов. Под перо ниспровергателей попадали прежде всего представители творческой интеллигенции и их произведения. И, конечно, первым в этой череде писателей-классиков был Лев Толстой как авторитет несомненный и всеми признанный.

Однако фигура писателя была столь грандиозна, что именно Толстой в ситуации социально-литературного нигилизма сумел выстоять, несмотря на многочисленные попытки профанирования его образа [см., напр.: 16]. И тому, как видится, было несколько причин, но главная заключалась в том, что «великий Лев русской литературы» сам был своеобразным оппозиционером существующему общественному строю. Всевозможная критика могла касаться его спорной идеологической позиции, но никак не его безусловно высокой писательской и человеческой репутации. Поэтому представители русского символизма, не видя в нём своего непосредственного учителя, тем не менее испытывали перед Толстым несомненный пиетет.

Такое отношение хорошо просматривается в творчестве А. А. Блока, в частности в его статьях и письмах, где поддерживался сакральный миф о предшественнике.

Аристократизм, интеллигентность, образование и воспитание А. Блока способствовали уважительному отношению к гению Толстого, впрочем, как и к любому другому классику русской или европейской литературы. В статьях и

переписке поэта с друзьями и близкими не только заметно личное уважение к писателю, но и духовная близость к Толстому.

По воспоминаниям А. А. Ахматовой широко известно высказывание Блока о мастере: «В тот единственный раз, когда я была у Блока, я между прочим упомянула, что поэт Бенедикт Лифшиц жалуется на то, что он, Блок, одним своим существованием мешает ему писать стихи. Блок не засмеялся, а ответил вполне серьезно: «Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой!”» [1, с. 95]. По Блоку, каждый художник при соотнесении своего творчества и своей жизни с творчеством и жизнью Толстого испытывает оторопь из-за невозможности достичь поставленных художественных и нравственных вершин, поскольку, что бы ни написал, как бы ни жил, – всё будет заведомо мелко в сравнении с гением Толстого. Таким образом, Блок одной фразой подчеркнул и величие писателя, и ощущение своего творческого родства с ним.

В статье «О драме» Блок приводит критику Шекспира Толстым, считавшим, что художественный дар английского драматурга значительно переоценён в мировой культуре. Поэт, однако, не согласившись по существу, написал: «Читая эти слова, испытываешь то же, что испытываешь, стоя на высоком холме в зимнюю вьюгу. Когда внизу, в долине, раздаются понятные нам тихие и страдательные слова о “театре мира и красоты без слез”, – здесь, на вышине, непонятно захватывает дыхание. Пронзительная вьюга так же спокойна, как слова семидесятипятилетнего мудреца, единственного гения, живущего теперь в Европе, гения без пафоса» [10, с. 86]. Реализуя таким образом в статье мифологему «Толстой – гений», Блок поддерживает представление, ставшее уже константным, о невозможности оценки любых суждений писателя без учета масштаба его дарования. Гениальность, по Блоку, оправдывает самую неожиданную точку зрения. Образы высокого холма, снежного ветра, с которыми нет сил спорить, дают возможность провести границу между гением и обыкновенным человеком. Блок как читатель Толстого пленен им: без «Анны Карениной», к примеру, для него жизни нет. Поэтому если что и способно повлиять на миф о гении Льва Толстого (как, впрочем, и о гениальности Шекспира), то только ситуация смены поколений, и только при том условии, что люди будущего

«не пленятся ими, но пленятся чем-то иным, чего мы не знаем и что еще дальше и выше, чем Шекспир и Толстой» [10, с. 86]. Это утверждение любопытно тем, что Блок одновременно предрекает возможность будущего частичного разрушения мифа о Толстом-гении (чего у других авторов не найдем) и невозможность его разрушить, поскольку, кто бы ни пришел затмить Шекспира и Толстого, они всё равно останутся на завоеванной вершине.

Блоковское восхищение романами Толстого было столь велико, что он, перечитывая их очередной раз, отказывался знакомиться со второй частью книги Д. Мережковского о Достоевском и Толстом: «второй “кирпич” “Толстого и Достоевского”, думаю, ни у кого духа не хватит перечитать» («Литературные итоги 1907 года») [10, с. 111].

Влияние толстовского творчества заставило Блока сопроводить написанное в 1910 году стихотворение «На железной дороге» авторскими признаниями в «бессознательном подражании эпизоду из “Воскресения” Толстого»: «Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне вагона Нехлюдова в бархатном кресле ярко освещенного купе первого класса» [7, с. 940]. В контексте данного утверждения очень важно слово «бессознательное», указывающее на пронизанность воображения поэта толстовскими образами и сюжетами. Событийный ряд стихотворения имеет непосредственную связь не только с «Воскресением» (как, собственно, и с «Тройкой» Н. А. Некрасова, о чем неоднократно писалось), но, как видно, и с «Анной Карениной», – связь, конечно, ассоциативную, если иметь в виду гибель Анны под поездом [см. об этом, напр.: 22]. При этом можно даже утверждать, что именно позиция Толстого в романе «Анна Каренина» (а не в «Воскресении» – по Блоку, «завещании уходящего столетия новому») оказала влияние на идейно-эмоциональный фон стихотворения. Объяснение поэтом причин гибели героини («Любовью, грязью иль колесами / Она раздавлена…») более соответствует трагической сложности чувств Анны, подчиненных всепоглощающей любви к Вронскому, но никак не бегству Нехлюдова от Катюши Масловой, в чем отчетливо прочитывается социальный конфликт. Блок оставляет самому читателю (интерпретатору) право решать, что именно погубило героиню, замечая при этом, что

– «всё больно»: клубок противоречий настолько запутан, что нет возможности говорить о конкретной (социальной ли, бытовой ли) причине происшедшего. Переплетение толстовских образов, деталей, мотивов в одном этом стихотворении наводит на мысль, что Блок, погруженный в произведения Толстого, невольно оказывался в их власти, что продуцировало богатый ассоциативный ряд.

Образ самого Толстого в лирике Блока возникает лишь однажды, да и то в черновом варианте стихотворения «О, как смеялись вы над нами...». Изначально этот фрагмент должен был стать главкой поэмы «Возмездие», но затем – с заметной корректировкой, в том числе и с исключением упоминания о Толстом, – текст был напечатан Блоком отдельным стихотворением в журнале «Радуга» (1915 год) в цикле «Ямбы». В черновом варианте строки с упоминанием Толстого вписывались в следующий контекст:

Пусть будет прост и скуден храм,
Где небо кроют мглою бесы,
Где слышен хохот желтой прессы,
Жаргон газет и визг реклам,
Где под личиной провокаций
Скрывается больной цинизм,
Где торжествует нигилизм –
Бесполый спутник «стилизаций»,
Где «Новым Временем» смердит,
И хамство с каждым годом – пуще,
Где полновластны, вездесущи
Лишь офицер, жандарм и жид,
Где память вечную Толстого
Стремится омрачить жена... [7, с. 280-281]

Рисуя живую картинку современности, поэт фиксирует ситуацию, ставшую уже устойчивой мифологемой биографического мифа о писателе: взаимоотношение

Л. Н. Толстого с женой. Это мифологизированное константное представление (термин С. О. Курьянова [15, с. 30]) носит профанный характер, поскольку сложный выбор между интересами семьи и отречением от них окончательно Толстым сделан не был. Сомнения писателя, в которых многие видели лицемерие, подвергались современниками осмеянию. Решение писателя отказаться от имения, доходов от публикаций своих произведений было резко негативно воспринято Софьей Андреевной Толстой, из-за чего конфликты, недоверие и недовольство друг другом с упоением смаковалось общественностью в силу публичности жизни Толстых. Уход из дома и смерть писателя породили еще большее количество слухов, домыслов и легенд, ставших компонентами биографического мифа о Льве Толстом [4].

С. А. Толстая чувствовала свою долю вины в создании атмосферы конфликтности в семье и косвенно в этом признавалась как *до* ухода, так и *после* смерти мужа. Д. П. Маковицкий, врач и последний спутник писателя, незадолго до их бегства так описал в своих дневниках атмосферу, царившую в доме Толстых: «Татьяна Львовна, Андрей, Михаил и В. Философов были усталые и встревоженные, озабоченные положением и отца, и матери. Успокаивали мать, но нервно, с укорами. Софья Андреевна выставляла причиной свое нездоровье..., а потом созналась: “Я пересолила”» [21, с. 420]. Она боялась остаться для последующих поколений единственной причиной произошедшего, поскольку понимала, что жену как самого родного и близкого человека будут винить в первую очередь. Поэтому, пытаясь оправдаться, давала комментарии многочисленным журналистам, дежурившим у смертного одра Толстого и множившим информационный материал, повлиявший на содержание мифа об уходе писателя (см., напр., «Астаповские телеграммы» [25]).

По воспоминаниям тетки А. Блока М. А. Бекетовой: «уход Толстого волновал и радовал Ал.<ександра> Ал.<ександровича.> По поводу этого события и всех его последствий он даже читал газеты, что вообще не входило в обиход его жизни и случалось лишь периодически» [6, с. 141].

Мотив ухода занимал также и авторское сознание поэта (см., напр.: «Безвременье», 1906; «Девушка розовой калитки и муравьиный царь», 1906; «Песня Судьбы», 1908; «Соловьиный сад», 1914; иные стихотворения), приобретая под его

пером сакральный смысл. Однако десакрализирующую сторону той же мифологемы Блок остро чувствовал. В речи на смерть В. Соловьева «Рыцарь-монах» поэт рассуждает о земной жизни выдающейся личности, и в соответствии с поводом написания статьи оценивает кончину творца: нужно ли рассуждать об уходе, когда свет жизни был так значителен, – «многие готовы сто раз твердить одно и то же о гениальности “Войны и мира”, только бы замолчать успение и конец самого Толстого» [11, с. 137].

О том, что Блок, выступая вначале на стороне обвинителей Софьи Андреевны, уходил в стихотворении (главке поэмы) от десакрализирующей тенденции биографического мифа о Толстом, свидетельствует работа над текстом. Первоначальный вариант («И где священный прах Толстого / Стремится омрачить жена» [7, с. 281]) не устраивает поэта. «Прах Толстого» есть нечто материальное. По Блоку же не на материальном, а на духовном начале описания гения должны сделать акцент. И поэт меняет словосочетание «священный прах» на «память вечную». Но в конце концов убирает и эти строки, заметив в черновой рукописи: «гадость» [7, с. 693]. Таким образом поэт отказывается от участия в умножении газетно-журнальных сплетен о кончине Толстого, а тем самым и от участия в создании профанного биографического мифа о нём.

Смысловая концовка стихотворения вполне соответствует мировоззренческой корректуре Блока, не желающего опошлить образ великого художника:

Но помни Тютчева заветы:
Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои... [7, с. 61]

Цитируя поэта-философа, Блок как бы призывает вдову Толстого не выставлять напоказ свои мысли и чувства, а себя – отказаться от досужих суждений о Софье Андреевне, миф о которой в разных интерпретациях живет в культуре и литературе XX – начала XXI веков.

Поэма «Возмездие», из которой был исключен данный отрывок, писалась Блоком тяжело, долго, о чем свидетельствует его переписка с матерью, друзьями, и, как известно, так и не была завершена. В черновиках третью главу поэмы открывает предисловие, созданное в 1910 году: «1910 год – это смерть Коммиссаржевской (так у Блока. – *В. К.*), смерть Врубеля и смерть Толстого. С Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене; с Врубелем – громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий – вплоть до помешательства. С Толстым умерла человеческая нежность – мудрая человечность» [9, с. 48]. Восприятие Блоком Толстого не строится только на стереотипах, даже понятные мифологемы «Толстой – гений», «Опрощение Толстого» поэт снабжает очень яркими, уникальными эпитетами. Для Блока Толстой нежен по-человечески, человечен как истинный мудрец, т.е. недосягаемая вершина и одновременно – близкий человек, смерть которого переживается очень болезненно.

Во всех остальных случаях мы находим у поэта различные элементы канонизирующе-сакрализирующего мифа о Льве Толстом. Так, например, в одном из ранних стихотворений Блока – «На Вечере в честь Л. Толстого» (1898) – отчетливо прочитывается мифологема «Толстой – кумир современников». Причем преподносится она «мимоходом», в качестве уже вполне сформировавшейся в сознании поэта. Лирический герой произведения, присутствуя на празднике, посвященном 70-летию Л. Н. Толстого, оказывается среди собратьев по перу – в «толпе родной по вдохновенью». Но волнуют его не окружающие люди, не само событие, а спутница, уста которой дышат «холодом могилы», его безнадежная любовь. И ему остаётся, глядя на то, как восторженно публика встречает Толстого, надеяться лишь на грядущий поэтический успех, который, быть может, растопит холодное сердце любимой:

И мне хотелось блеском славы
Зажечь любовь в Тебе на миг,
Как этот старец величавый
Себя кумиром здесь воздвиг! [8, с. 15]

Мифема «старец величавый», соотносится с представлениями о святости, мудрости (ср. у В. Г. Бенедиктова: «В ризе *святости* и славы, / Опоясан стариной, / Старец Киев предо мной / Возблистал золотоглавый. / Здравствуй, *старец величавый!*» [6, с. 119]; курсивом выделено нами. – *В. К.*).

В посвященном Вл. Пясту стихотворении «Май жестокий с белыми ночами!..» (1908), где реализуется характерное для Блока противопоставление мечты и действительности, в самом конце как утверждение необходимости деяний, возникает образ человека, свободного от ненужных страстей, обретшего свое предназначение в труде. По Блоку, наслаждение жизнью важно, поэтому «хорошо в лугу широким кругом / В хороводе пламенном пройти, / Пить вино, смеяться с милым другом / И венки узорные плести…». Но эпикурейское восприятие жизни объяснимо не даёт возможности увидеть ее смысл, который проявляется в долженствующем, а не в сиюминутно желаемом. При этом, подчиняясь долгу, человек вовсе не теряет возможности наслаждаться жизнью, а придаёт наслаждению нравственную значимость: «Но достойней за тяжелым плугом / В свежих росах поутру идти!». Образная структура стихотворения содержит аллюзию на фигуру Л. Н. Толстого. То, что Блок имеет в виду именно Толстого, понятно из его статьи «Солнце над Россией» (1908), написанной к восьмидесятилетию писателя: «Пока Толстой жив, идет по борозде за плугом, за своей белой лошадкой, – еще росисто утро, свежо, нестрашно, упыри дремлют, и – слава Богу. Толстой идет – ведь это солнце идет» [11, с. 55].

Блок, как видим, не свободен в своих суждениях от образов И. Е Репина, одного из самых кропотливых создателей биографического мифа о Толстом, и конкретно от художественной концепции его картины «Пахарь. Л. Н. Толстой на пашне» (1887). Картина эта была написана после посещения Репиным Ясной Поляны, где он вместе с Толстым оказался на пашне крестьянской вдовы, которой писатель помогал по хозяйству. Рисуя фигуру Толстого-пахаря, художник, как и проезжавшие мимо крестьяне, с иронией отнёсся к «великому оратаюшке», но быстро изменил к ситуации своё отношение, когда сам взял в руки плуг и испробовал тяжёлый труд землепашца. Завершающим аккордом его воспоминаний об этом дне станут слова о Толстом: «Вот он, Микула Селянинович, непобедимый никакими храбрецами в

доспехах. Микула вооружен только вот таким терпением и привычкой к труду» [18, с. 484–485]. Мифологему «Толстой-пахарь» Блок использует в стихотворении и статье, подчёркивая величие русского писателя-моралиста.

В названии своей статьи Блок метафорически определяет Толстого «солнцем над Россией», и дает понять, что, если это солнце закатится, «уйдёт последний гений» [11, с. 54] (Любопытно в качестве сравнения стихотворение, написанное А. Ахматовой после похорон А. Блока: «Наше солнце, в муке погасшее»).

Среди тех, кто, по мнению Блока, стремился погасить «солнце» русской литературы, был обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев, чей образ поэт целенаправленно демонизировал. Помимо статьи, мрачная фигура обер-прокурора появляется в поэме «Возмездие»:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простёр совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна [9, с. 45].

Напомним, Л. Н. Толстой впервые обратился к Победоносцеву в 1881 году с просьбой передать прошение Александру III о помиловании убийц его отца – императора Александра II. Но тот не только не передал прошения, но настоятельно призывал к непременной смертной казни обвиняемых.

В данном случае мифологема «о непротивлении злу насилием» возникает на оппозиции биографического мифа о Льве Толстом и мифа о Победоносцеве – государственном деятеле, который настаивал на ветхозаветном ответе «око за око».

Исповедуя этот принцип, Победоносцев сыграл активную роль и в создании «Определения Святейшего Синода» о графе Льве Толстом [24, с. 47].

«Старый упырь теперь в могиле», – писал Блок в 1908 году (К. П. Победоносцев умер в 1907 году), но «тень <его> наложила запрет на радость» [11, с. 53], на широкомасштабное празднование юбилея Толстого. Поэт ощущает мрачное дыхание реакции – «знакомый аккомпанемент административных распоряжений и губернаторско-урядническихъ запрещений шевелиться, говорить и радоваться по поводу юбилея Льва Толстого», поскольку за всеми «глядит мертвое и зоркое око, подземный, могильный глаз упыря» [11, с. 53–55]. Но не так страшно все, утверждает поэт, пока гений жив. Страшнее будет, когда его не станет. Мифологема о живом гении перекликается с целым рядом газетных заметок о юбилее писателя: «Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором. Даже сознавать, что ничего не сделал и не делаю, – не так страшно, так как Толстой делает за всех. Его деятельность служит оправданием всех упований, какие на литературу возлагаются»; «Жив Толстой – воплощение русской совести и правды, прекрасное даже в своих ошибках и противоречиях <...>. Велика радость и велико счастье жить с Толстым. Страшно жить без Толстого» [цит. по: 20, с. 324].

Мифологему «Толстой и толстовство» Блок использует в статье «Литературные итоги 1907 года» (1907) [10, с. 111–122], где говоря о толстовцах-литераторах, исповедующих идеи великого моралиста, отмечает, что как художники они оказываются чрезвычайно слабыми в литературном отношении и выступают скорее в качестве сектантов от литературы.

Мифологема «Толстой-гений» также реализуется Блоком в оппозиции гению Д. И. Менделеева, поэт видит два пути развития России, противоречащие друг другу: «…трагедия (имеется в виду размежевание интеллигенции и народа. – *В. К.*) за последнее время выразилась всего резче в непримиримости двух начал – менделеевского и толстовского» (статья «Народ и интеллигенция») [11, с. 74]. Путь Менделеева – это вера в науку (идеи Д. И. Менделеева и А. Н. Бекетова о развитии науки и производительных сил России отозвались в ряде стихотворений Блока – «Новая Америка» и др.), развитие человечества, путь Толстого – религиозная вера.

Эти два пути, не отрицая друг друга, определяющими имеют во многом противоположные начала. Восхищение Блока гением Менделеева равновелико восхищению гением Толстого. «Твой папа [Д. И. Менделеев], – пишет он Л. Д. Менделеевой 15 мая 1903 года, – вот какой: он давно все знает, что бывает на свете. Во все проник. Не укрывается от него ничего. Его знание самое полное. Оно происходит от гениальности, у простых людей такого не бывает. У него нет никаких “убеждений” (консерватизм, либерализм, и т. д.). У него есть все» [1, с. 130]. Воспитание и образ жизни Менделеева не дает возможности записать его в атеисты, однако единственная «тройка» в университете, портящая средний балл диплома, была у него по Закону Божьему. Понимание Толстым науки, конечно, не сводилось к ее отрицанию, но для писателя наука все же была прежде всего образованием, давала возможность повысить социальный статус. Научное знание для Толстого определяющим в жизни не могло стать никогда: «Не могло быть этого, и нет этого: настоящая наука та, которую необходимо знать каждому, доступна и понятна каждому, потому что вся эта наука в главной основе своей, из которой каждый может вывести ее приложения к частным случаям, вся она сводится к тому, чтобы любить Бога и ближнего, как говорил Христос» («О науке. Ответ крестьянину», 1910) [26, с. 137]. В этой статье Толстой приводит пример директрисы гимназии Акулины Тарасовны, которая по счастливому для нее случаю получила образование и изменила свое социальное и культурное положение: вместо битой дворовой Акульки «теперь любезная, умная директриса, белыми руками сдающая карты, остроумно шутящая о персидских делах со старинным приятелем и сыном ее воспитателя и предпочитающая чай с лимоном, а не со сливками» [26, с. 136]. Но даже образование, по Толстому, это не истинная, а ложная наука: только близость к народу, духовное совершенствование будет наукой подлинной.

И Толстой, и Менделеев как интеллигенты, искренне служащие благу человечества, в понимании Блока близки народу. «Но решить, чьи взгляды выражают подлинные интересы народа, Блок не может: для него народны и Менделеев, и Толстой» [22, с. 131]. Пути ищущих истину великих людей расходятся, в этом Блок среди прочего видит трагедию отрыва интеллигенции от народа.

ВЫВОДЫ

Александр Блок – поэт рефлексирующий, сомневающийся, призывающий «слушать музыку революции» и одновременно сокрушающийся о сожженной крестьянами библиотеке в Шахматово, желающий изменений в общественной и политической жизни родины, но не переживший этих изменений. Несомненно, ему была близка сложная и противоречивая личность Л. Н. Толстого. Он восхищался художественным гением Толстого и в своем творчестве интерпретировал его сюжеты и идеи. Преклонение пред классиком порождало желание монументализировать его фигуру и очистить его биографию от всевозможных искажений. Но и то, и другое лишь подпитывает складывающийся в это время биографический миф о Толстом. Важными мифопорождающими факторами для поэта становятся гениальность Толстого, величие ухода писателя, взгляд на него как кумира современности, как идеолога опрощения, как основателя толстовства. Все эти константные представления в творчестве А. Блока, наряду с произведениями иных авторов, так или иначе способствовали формированию толстовского текста в русской литературе начала XX века.

Список литературы

1. Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 [Текст]. – М. : Художественная литература, 1980.
2. Александр Блок. Письма к жене [Текст] / под ред. В. Г. Базанова, Д. Д. Благого, А. Н Дубовикова, И. С. Зильберштейн, С. А. Макашина, К. Д. Муратова, Л. И Тимофеева, Н. А. Трифонова, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербины (глав. ред.). – М. : Издательство «Наука», 1978 (Литературное наследство, Т. 89).
3. Ахматова, А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1 [Текст] / А. Ахматова. – М. : Эллис-Лак, 1998.
4. Басинский, П. В. Лев Толстой: бегство из рая [Текст] / П. В. Басинский. – М. : АСТ ; АСТРЕЛЬ, 2011.
5. Бекетова, М. А. Александр Блок: Биографический очерк. 2-е изд. [Текст] / М. А. Бекетова. – Ленинград: ACADEMIA, 1930.

6. Бенедиктов, В. Г. Стихотворения [Текст] / В. Г. Бенедиктов. – М. : Советская Россия, 1991.
7. Блок, А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 3 [Текст] / А. Блок. – М. : Наука, 1997.
8. Блок, А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 4 [Текст] / А. Блок. – М. : Наука, 1999.
9. Блок, А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 5 [Текст] / А. Блок. – М. : Наука, 1999.
10. Блок, А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 7 [Текст] / А. Блок. – М. : Наука, 2003.
11. Блок, А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 8 [Текст] / А. Блок. – М. : Наука, 2010.
12. Блок, А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8 [Текст] / А. Блок. – М. ; Л. : Художественная литература, 1963.
13. Иванова, Н. П. Оппозиция «мечта – реальность» в крымском тексте Брюсова В. Я. [Текст] / Н. П. Иванова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 60–69.
14. Курьянов, С. О. Миф о Крыме как о восточной мусульманской стране в повестях азовского цикла (XVII век) [Текст] / С. О. Курьянов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 4. – С. 53–61.
15. Курьянов, С. О. Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков : монография [Текст] / С. О. Курьянов. – М. : ИНФРА-М, 2019.
16. Курьянова, В.В. Толстовский миф в творчестве В.В. Маяковского [Текст] / В. В. Курьянова // Litera. – 2018. – № 4. – С. 152–167.
17. Курьянова, В.В. Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова [Текст] / В. В. Курьянова // Научный диалог. – 2019. – № 1. – С. 179–194.

18. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1 [Текст]. – М. : Художественная литература, 1978.
19. Лошаков, А. Г., Шушарин, И. А. Пролегомены к концепции Пушкинского текста русской литературы [Текст] / А. Г. Лошаков, И. А. Шушарин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2016. – №5. – С. 117–127.
20. Магомедова, Д. М. Примечания [Текст] / Д. М. Магомедова // Блок А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 8. – М. : Наука, 2010.
21. Маковицкий, Д. П. У Толстого. 1904–1910 [Текст] / Д. П. Маковицкий // «Яснополянские записки»: в 5 кн. Кн. 4. 1909 (июль–декабрь). 1910. – М. : Издательство «Наука», 1979–1981 (Литературное наследство. Т. 90).
22. Минц, З. Г. Блок и Л. Н. Толстой [Текст] / З. Минц // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. – Санкт-Петербург : ИСКУССТВО-СПБ, 2000.
23. Новикова, М. А. Сверхтексты в литературе: жанры и циклы (к постановке проблемы) [Текст] / М. А. Новикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 72–84.
24. Определение святейшего синода от 20–22 февраля 1901 года, с посланием верным чадам православныя грекороссийския церкви о графе Льве Толстом [Текст] // «Церковные ведомости, издаваемые при святейшем правительствующем синоде». – 24 февраля 1901. – № 8. – С. 45–47.
25. Смерть Толстого. По новым материалам [Текст] / вступ. ст. В. И. Невского. – М. : Издание Публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1929.
26. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 38. Произведения 1909–1910 [Текст] / Л. Н. Толстой / под общ. ред. В. Г. Черткова. – М. : Художественная литература, 1936.

References

1. *Aleksandr Blok v Vospominaniyakh Sovremennikov: v 2 Tomakh. Tom 2* [Alexander Blok in the Memoirs of Contemporaries]. In 2 Vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1980.
2. Aleksandr Blok. *Pis'ma k Zhene* [Letters to Wife]. Ed. by V. G. Bazanov, D. D. Blagoi, A. N. Dubovikov, I. S. Zil'bershtein, S. A. Makashin, K. D. Muratov, L. I Timofeev, N. A. Trifonov, M. B. Khrapchenko, V. R. Shcherbina. Moscow: Nauka Publ., 1978.
3. Akhmatova A. *Sobranie Sochinenii v 6 Tomakh.* [Collected Works] In 6 Vols. Vol 1. Moscow: Ellis-Lak Publ., 1998.
4. Basinskii P. V. *Lev Tolstoi: Begstvo iz Raya* [Leo Tolstoy. Escape from Paradise]. Moscow: AST; ASTREL Publ., 2011.
5. Beketova M. A. *Aleksandr Blok: Biograficheskii Ocherk* [Alexander Blok. Biographical Sketch]. Leningrad: ACADEMIA Publ., 1930.
6. Benediktov V. G. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1991.
7. Blok A. *Polnoe Sobranie Sochinenii i Pisem: v 20 Tomakh. Tom 3* [Complete Works and Letters]. In 20 Vols. Moscow: Nauka Publ., 1997. Vol. 3.
8. Blok A. *Polnoe Sobranie Sochinenii i Pisem: v 20 Tomakh. Tom 4* [Complete Works and Letters]. In 20 Vols. Moscow: Nauka Publ., 1999. Vol. 4.
9. Blok A. *Polnoe Sobranie Sochinenii i Pisem: v 20 Tomakh. Tom 5* [Complete Works and Letters]. In 20 Vols. Moscow: Nauka Publ., 1999. Vol. 5.
10. Blok A. *Polnoe Sobranie Sochinenii i Pisem: v 20 Tomakh. Tom 7* [Complete Works and Letters]. In 20 Vols. Vol. 7. Moscow: Nauka Publ., 2003.
11. Blok A. *Polnoe Sobranie Sochinenii i Pisem: v 20 Tomakh. Tom 8* [Complete Works and Letters]. In 20 Vols. Vol. 8. Moscow: Nauka Publ., 2010.
12. Blok A. *Sobranie Sochinenii: v 8 Tomakh. Tom 8* [Collected works]. In 8 Vols. Vol. 8. Moscow: Leningrad, 1963.
13. Ivanova N. P. *Oppozitsiya «mechta – real'nost'« v krymskom tekste Bryusova V. YA.* [Opposition «dream – reality» in the Crimean text of Bryusov V. Ya.]. *Uchenyye zapiski*

Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki. 2019. V. 5 (71). № 1. pp. 60–69.

14. Kur'yanov S. O. *Mif o Kryme kak o vostochnoy musul'manskoy strane v povestyakh azovskogo tsikla (XVII vek)* [The myth of the crimea as the eastern muslim country in stories of azov cycle (XVII century)]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki.* 2015. V. 1 (67). № 4. pp. 53–61.
15. Kur'yanov S. O. *Tainyi Klyuch Russkoi Literatury: Formirovanie i Stanovlenie Krymskogo Teksta v Russkoi Literature X–XIX Vekov: Monografiya* [The Secret Key of Russian Literature. Formation and Creation of the Crimean Text in Russian Literature of the 10–19th Centuries: Monograph]. Moscow: INFRA-M Publ., 2019. 308 p.
16. Kur'yanova V.V. *Tolstovskii Mif v Tvorchestve V. V. Mayakovskogo* [Tolstoyan Myth in the Work of V.V. Mayakovsky]. Saint Petersburg: *Litera*, 2018, № 4, pp. 152–167.
17. Kur'yanova V.V. *Tolstovskii Tekst i Mif o L. N. Tolstom v Tvorchestve I. Il'fa i E. Petrova* [Tolstoyan Text and Myth of L. N. Tolstoy in Works by I. Ilf and. E. Petrov]. *Nauchnyi Dialog,* 2019, №1, pp. 179–194.
18. *L. N. Tolstoi v Vospominaniyakh Sovremennikov: v 2 Tomakh* [L. N. Tolstoy in the Memoirs of Contemporaries]. In 2 Vols. Vol. 1. Moscow, 1978.
19. Loshakov A. G., Shusharin I. A. *Prolegomeny k Kontseptsii Pushkinskogo Teksta Russkoi Literatury* [Prolegomes to the Concept of the Pushkin Text of Russian Literature]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo Universiteta. Seriia Gumanitarnye i Sotsial'nye Nauki*, №5, 2016, pp. 117–127.
20. Magomedova D. M. *Primechaniya.* [Notes]. *Blok A. Polnoe Sobranie Sochinenii i Pisem: v 20 Tomakh*. Vol. 8. Moscow: Nauka Publ., 2010.
21. Makovitskii D. P. *U Tolstogo. 1904–1910* [Tolstoy. 1904-1910]. *Yasnopolianskie Zapiski: v 5 Knigakh. Kniga 4. 1909 (Iyul'–Dekabr'). 1910*. Moscow: Nauka Publ, 1979–1981 (Literaturnoe Nasledstvo. Vol. 90).
22. Mints Z. G. *Blok i L .N. Tolstoi.* [Block and L. N. Tolstoy]. *Aleksandr Blok i Russkie Pisateli.* Saint Petersburg: ISKUSSTVO-SPB Publ., 2000.

23. Novikova M. A. *Sverkhteksty v literature: zhanry i tsikly (k postanovke problemy)* [Supertexts in literature: genres and cycles (to the problem statement)]. Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki. 2018. V. 4 (70). № 4. pp. 72–84.
24. *Opredelenie Sviateishego Sinoda ot 20–22 Fevralya 1901 Goda, s Poslaniem Vernym Chadam Pravoslavnyya Grekorossiiskiya Tserkvi o Grafe L've Tolstom* [Definition of the Holy Synod of February 20-22, 1901, with a Message to the Faithful Children of the Orthodox Greek-Russian Church on Count Leo Tolstoy]. *Tserkovnye Vedomosti, Izdavaemye pri Sviateishem Pravitel'stvuiushchem Sinode*, February 24, 1901, № 8, pp. 45–47.
25. *Smert' Tolstogo. Po Novym Materialam* [The Death of Tolstoy. According to New Materials]. Moscow. 1929.
26. *Tolstoi L. N. Polnoe Sobranie Sochinenii: v 90 Tomakh. Tom 30. Proizvedeniya 1909–1910* [Complete Works. In 90 Vols. Vol. 30. 1909–1910 Works]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1936.

TOLSTOVSKY TEXT IN WORKS BY A. BLOK

Valeria V. Kuryanova

The article, based on the material of A. Blok's work, examines the elements of the Tolstoyan text as a nominal supertext of literature. It is argued that the basis of this text is the myth of L.N. Tolstoy, which has been actively developing for a century and a half until today, but at the beginning of the 20th century, when Tolstoy's tragic departure from his own home became popular, it became especially relevant. The structure of the Tolstoyan myth is analyzed, the mythologies associated with it (mythologized constant representations) created and reproduced by A. Blok in accordance with his own poetic worldview, personal attitude to the work and personality of L.N. Tolstoy. In light of the problem posed, the poet's lyrics, his articles, and correspondence are examined. Attention is focused on the originality of the Tolstoy text in the creative heritage of Blok, based on the proximity of worldviews, the sacralization of the image of the great writer, rejection of criticism and profanation of the image of Tolstoy in contemporary art, journalism and memoirs. Unlike other modernist movements, the Symbolists did not set the task of overthrowing the idols of the past, but on the contrary, they even defended a certain continuity of traditions, all the more so with such an original author as Blok. But the desire to protect Tolstoy from attacks on his authority also makes it possible to develop a biographical myth about the writer. The question is raised about the features of the perception of this myth in the culture and literature of the first third of the XX century.

Keywords: supertext, Tolstoyan text, nominal text, biographical myth, myth of L. N. Tolstoy, Russian literature of the 20th century, A. Blok.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 165–176.

УДК 821.161.

БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА: ПОЧЕМУ УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ ПОЛУЧИЛ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ ПО ЛИТЕРАТУРЕ РАНЬШЕ, ЧЕМ ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ?

Мащенко А. П.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия

В статье предпринимается попытка решить одну из загадок мирового литературного процесса XX века. Автор объясняет причины необычного выбора Нобелевского комитета, вручившего в 1953 году премию в области литературы выдающемуся британскому политику Уинстону Черчиллю, предпочтя его таким признанным к тому времени мастерам, как Эрнест Хемингуэй, Джон Стейнбек, Альбер Камю, Жан-Поль Сартр, Борис Пастернак, Михаил Шолохов, Владимир Набоков, Хорхе Луис Борхес, Джером Сэлинджер.
По мнению исследователя, выбор Нобелевского комитета был обусловлен сразу целым рядом факторов: несомненным литературным талантом Черчилля, проявившимся, правда, в первую очередь, в исторической и мемуарной литературе; огромным творческим наследием, созданным Черчиллем в этих жанрах; выдающимся ораторским мастерством британского политика; харизмой и политическим авторитетом его личности, а также обстоятельствами его жизни.
Политическое, литературное и журналистское наследие Уинстона Черчилля сохраняет свое значение и сегодня, а его участие в Ялтинской конференции 1945 года придает исследованию географическую близость к Крыму.
При этом работа позволяет на конкретном историческом примере проанализировать механизмы принятия решения о вручении престижнейшей литературной премии в мире.
Ключевые слова: Уинстон Черчилль, Эрнест Хемингуэй, Нобелевская премия по литературе, политика, литература, журналистика, ораторское мастерство.

ВВЕДЕНИЕ

1953 год вошел в историю не только как год смерти генералиссимуса Сталина, но и как год необыкновенного триумфа его бывшего союзника во Второй мировой войне, партнера в дни Ялтинской конференции, а к тому времени – непримиримого политического соперника Уинстона Черчилля.

Генералиссимус Сталин в 1953 году умер, а Черчилль – получил Нобелевскую премию в совершенно невероятной ни до, ни после этого для политика области – в области литературы.

К тому времени еще ждали своей очереди за самой престижной литературной наградой такие мэтры, как Эрнест Хемингуэй, Джон Стейнбек, Альбер Камю, Жан-Поль Сартр, Борис Пастернак, Михаил Шолохов.

А, например, еще один признанный классик русской и мировой литературы, также уже хорошо известный к тому времени, Владимир Набоков, и вовсе эту премию никогда не получил. То же самое касается аргентинца Хорхе Луиса Борхеса, американца Джерома Сэлинджера и многих других мастеров художественного слова.

Почему же Нобелевский комитет по литературе предпочел в 1953 году действующего премьер-министра Великобритании – Черчилль тогда как раз во второй раз занимал этот государственный пост (с 1951 по 1955 годы) – всем вышеперечисленным конкурентам?

Поискам ответа на этот вопрос и посвящена наша статья «Большое искусство и большая политика: почему Уинстон Черчилль получил нобелевскую премию по литературе раньше, чем Эрнест Хемингуэй?»

Задачи работы:

- решить одну из загадок мировой литературы XX века, объяснив причины, по которым в 1953 году Нобелевский комитет единственный раз в своей истории решил вручить премию в области литературы политику, а не беллетристу;

- на конкретном историческом примере проанализировать механизмы принятия решения о вручении престижнейшей литературной премии в мире;

- продемонстрировать влияние на решения Нобелевского комитета политического фактора, что не раз отмечалось и в дальнейшей истории премии.

Актуальность работы обусловлена тем, что она анализируетклассический интеллектуальный сюжет XX-XXI веков, – историю вручения Нобелевской премии, традиционно считающейся высшей научной (творческой, общественной) наградой если не всего человечества, то как минимум – Западного мира. Политическое, литературное и журналистское наследие Уинстона Черчилля сохраняет свое значение и сегодня, а его участие в Ялтинской конференции 1945 года придает нашему исследованию географическую близость к Крыму.

Методы исследования – описательный; историко-генетический, позволяющий выявить связь решения Нобелевского комитета с развитием политического и литературного процесса в изучаемый период времени; биографический,

устанавливающий зависимость между выбором Нобелевского комитета и особенностями биографии Черчилля и его «конкурентов».

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается попытка решить одну из историко-литературных загадок XX века, при этом работа позволяет на конкретном историческом примере выяснить механизмы принятия Нобелевским комитетом решения о вручении престижнейшей литературной премии, что само по себе является важной литературоведческой научной задачей.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Сэр Уинстон Черчилль был неравнодушен к литературе. Применительно к Крыму это выразилось, например, в том, что именно Черчиллю принадлежала идея дать Ялтинской конференциикодовое наименование «Аргонавты», отсылающее нас к древнегреческому мифу о Золотом руне. Черчиллю мало было просто приехать в советский Крым, чтобы «поделить» послевоенный мир. Он представлял себя одним из аргонавтов, отправляющихся за бесценным сокровищем в далекую землю. И, кстати, Черчилль же чуть раньше, в 1943 году, дал древнегреческий «псевдоним» более ранней встрече Большой тройки в Тегеране, назвав ее «Эврика».

Черчилль ковал свое литературное мастерство в качестве военного корреспондента на Кубе, где он в 1895 году освещал восстание местного населения против испанцев, в Малаканде (ныне территория Пакистана), описывая подавление восстания пуштунских племен в году 1897-м, в Северной Африке, рассказывая об усмирении союзной англо-египетской армией махдистского восстания в Судане в 1898-м, в Южной Африке, повествуя об Англо-Бурской войне, в 1899-м. Его журналистские статьи публиковали такие издания, как «Дэйли График», «Нью-Йорк Таймс», «Дэйли Телеграф», «Морнинг Пост».

«...Черчиллю представилась возможность проявить свой недюжинный литературный талант. Помимо того, что появившиеся в газетах военные репортажи Уинстона принесли ему успех, он понял, что на основе этих заметок можно написать настоящие книги, способные привлечь внимание широкой публики. Так, его первая большая работа «История Малакандской полевой армии», написанная за семь недель,

была благосклонно принята критикой и девять тысяч экземпляров книги разошлись в течение года. Удача улыбнулась дерзкому юноше. Он с удовольствием обнаружил, что деньги и слава могут так удачно сочетаться» [1, с. 45]

Черчилль-журналист получил признание как у редакторов и читателей, так и у профессиональных военных. «Репортажи Черчилля получили широкое признание. Позже один офицер, в частном письме, отозвавшись критически об отсутствии реального боевого опыта у большинства журналистов, работавших в Южной Африке, отметил: «Уинстон Черчилль – единственное исключение из многих. Он все видит своими глазами и слышит своими ушами» [2, с. 141].

В изящной словесности Черчилль попробовал себя лишь однажды. Его перу принадлежит романроман «Саврола, или Революция в Лаурании», впервые увидевший свет в 1900 году. Уинстону было тогда всего 26 лет. События в книге разворачиваются в вымышленной колониальной европейской державе, имеющей выход к Средиземному морю. Там единолично правит жестокий тиран, против которого восстает главный герой книги Саврола – убежденный демократ и сторонник реформ. Взбунтовавшийся народ свергает диктатора, который погибает на ступенях собственного дворца. Однако победа свободы и демократии омрачена происками тайного анархистского общества, члены которого являются сторонниками насилия. Как говорят биографы Черчилля, в образе главного героя романа он показал самого себя, вложив в этот персонаж многие черты своего характера и свои представления о жизни. Вот что пишет Дмитрий Медведев в своей книге «Черчилль. Оратор. Историк Публицист. Амбициозное начало 1874-1929»: «Если продолжить сходство Савролы и Черчилля, то есть еще одно важное, системообразующее качество, которое объединяет их. Работа над романом совпала с пробуждением в Черчилле огромной силы, давно дремавшей в его личности и оказавшей впоследствии огромное влияние на его поступки. Речь идет о силе, которая определит его будущие успехи и поражения. Эта сила – амбиции.

На страницах романа представлено описание мотивов и стремлений будущего политика:

«Саврола опустился в кресло. Да, это был долгий день, и день унылый. Он был молод – всего тридцать два года, – но уже ощущал на себе печать трудов и забот. Стоит ли это того? Борьба, работа, бесконечная череда дел, жертва столь многим, что делает жизнь легкой, приятной – ради чего? Амбиция – вот главная сила, и он не мог устоять перед ней» [3, с. 308]

Роман Черчилля имел определенный успех у публики и выдержал несколько изданий в Великобритании и США: «Многие обозреватели высоко оценили батальные сцены. ManchesterCourier назвала их «блестящими». Роман буквально расходился на цитаты, среди которых было определение вырождающегося империализма: «Наши нравы исчезнут, но наши принципы останутся» [2, с. 141].

Тем не менее, справедливости ради следует отметить, что с точки зрения художественного мастерства «Саврола», конечно, заметно уступает таким произведениям, как «Старик и море» Хемингуэя, «Чума» Альбера Камю, «Гроздья гнева» Джона Стейнбека, «Тошнота» Жана-Поля Сартра, «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера или «Тихий Дон» Михаила Шолохова.

Черчилль написал роман бойкий, но схематичный и изобилующий банальностями. И, конечно, не он стал причиной, по которой Нобелевский комитет принял решение вручить сэру Уинстону свою премию. Но что «Саврола» действительно выдает, так это одержимость Черчилля политикой. Больше того, даже сегодня этот роман может читаться как... своеобразное пособие по политической борьбе.

«Но даже проливной дождь не разогнал толпы людей, собравшихся на огромной площади перед зданием парламента. …Лица людей оставались встревоженными и суровыми; они промокли насквозь, но их волнение не ослабевало. Вероятно, происходило очень важное событие. Изумительное здание, где обычно собирались представители народа, казалось мрачным, несмотря на то что его фасад был украшен орнаментом в виде военных доспехов и статуями, созданными еще в древние времена людьми, поклонявшимися искусству. Отряд улан республиканской гвардии расположился у основания огромной лестницы, а усиленная пехотная рота охраняла большую территорию у входа. Позади военных находились обычные люди. Они

толпились на площади и на прилегающих к ней улицах; они взгромоздились на многие памятники, олицетворявшие славу и гордость Республики, воздвигнутые в память о древних героях. Люди заполнили их так плотно, что те казались гигантскими человеческими фигурами; кое-кто из зрителей оказались даже на деревьях, другие выглядывали из окон, забирались на крыши домов и административных зданий. Это была гигантская возбужденная толпа, нетерпеливо колыхающаяся, словно бурное море, охваченное штормом. Тут и там люди вставали и горячо и страстно обращались к тем, кто мог услышать их голоса. Призывы и возгласы подхватывались тысячами людей, которые не слышали слов, но стремились выразить свои чувства» [5, с. 7]. – Так запросто мог бы начинаться, например, газетный репортаж о какой-нибудь очередной цветной революции в конце XX – начале XXI века. А на самом деле это начало романа Черчилля «Саврола».

Знаменитый британский политик – автор целого ряда книг автобиографического и исторического плана. Это и совсем ранняя «Речная война» об африканской военной кампании, и замечательная автобиографическая книга «Мои ранние годы», которая местами читается как настоящий приключенческий роман. И, конечно, монументальная шеститомная «Вторая мировая война», выходившая как раз в годы, предшествовавшие вручению Черчиллю Нобелевской премии – 1948-1954.

Это, как говорят англосаксы, нонфикшн, но к тому времени Нобелевский комитет уже создал один прецедент, когда премия была вручена не за художественную литературу – в 1950 году ее получил Бертран Расселл.

Но была и еще одна причина, по которой Черчилль удостоился этой награды. Как гласит официальная формулировка, она была вручена ему «за высокое искусство исторического и биографического описания, а также за блестящее ораторство в защиту возвышенных человеческих ценностей».

Иначе говоря, премию Черчиллю вручили еще и как оратору. И это единственный случай такого рода в истории.Как заметил в своей речи член Шведской академии П.С.Сиверц, объявляя о присуждении премии, политические и литературные достижения Черчилля столь велики, что его можно сравнить как с Цезарем, так и с Цицероном. Соотечественник Черчилля, нобелевский лауреат 1983

года Уильям Голдинг говорил, что Черчилль получил Нобелевскую премию за свои страстные филиппики – пример отваги и непреклонности. Его поэзия факта изменила историю.

Вернувшись к единственному «настоящему роману» Черчилля, обнаруживаем там следующий любопытный фрагмент, рассказывающий о технологии ораторского искусства, какой она виделась тогда еще совсем молодому британцу:

«Так называемые неподготовленные шедевры ораторского искусства существовали только в умах слушателей; цветы риторики были тепличными растениями. Что он должен был сказать? Он механически выкуривал одну сигарету за другой. Окруженный сигаретным дымом, он представил себе свою речь, которая должна была проникнуть глубоко в сердца людей, собравшихся в толпу. Она должна была изобиловать возвышенными мыслями, красочными сравнениями, выраженными доступным языком, понятным даже самым неграмотным и интересным для самых простых людей. Их мысли должны оторваться от материальных жизненных забот, и в душе должны были пробудиться высокие чувства. Его идеи начали формироваться в слова, из которых складывались предложения. Он проговаривал их про себя, ритм его собственных фраз вдохновлял Савролу, и инстинктивно он использовал аллитерацию. Идеи возникали одна за другой и неслись, словно стремительные потоки воды, обласканные солнечным светом. Он схватил листок бумаги и начал торопливо писать карандашом. Надо было выделить главную мысль, ее можно было подчеркнуть с помощью тавтологии. Он записал предложение на черновике, зачеркнул его, усовершенствовал и записал снова. Звук его голоса будет приятен для их ушей, их чувства станут светлее и души – более возвышенными» [5, с. 96].

Позже Черчилль войдет в историю как один из самых выдающихся ораторов XX века, а его речи станут образцами политической риторики. И он, как уже говорилось, станет единственным оратором – лауреатом Нобелевской премии в области литературы.

Пожалуй, первым по-настоящему классическим образцом черчиллевской риторики стала речь «Blood, Sweat, and Tears» – «Кровь, пот и слезы», произнесенная

им 13 мая 1940 года. «В богатейшей палитре Черчилля-оратора надо отметить любовь к коротким фразам, а еще больше – к односложным словам. Черчилль прекрасно знал, что именно односложные слова сильнее всего врезаются в память слушателей, к тому же английский язык такими словами буквально изобилует. И напротив, Черчилль терпеть не мог прилагательные, понапрасну утяжеляющие речь. Ключевыми словами его первой речи в качестве главы правительства были: «кровь», «труд», «слезы» и «пот». Вспомним его фразы, ставшие впоследствии крылатыми и неизменно присутствующие во всех биографиях Черчилля: «звездный час», «железный занавес». Часто на первый взгляд казалось, что удачные формулировки случайно приходили ему на ум в момент выступления, но это не так. Каждое меткое словцо было плодом долгих размышлений (секретарь Черчилля вел специальную тетрадь, в которую записывал все удачные мысли, приходившие шефу в голову)» [1, с. 353].

Потом будут «Weshallfightonthebeaches» – «Мы будем сражаться на пляжах» – от 4 июня того же 1940 года. «TheirFinestHour» – «Их звездный час» – от 18 июня 1940 года. Речь 22 июня 1941 года, в день, когда Гитлер напал на СССР: «…Опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара» [4, с. 193].

Ну и, конечно, будет Фултонская речь 5 марта 1946 года, от которой принято вести отсчет Холодной войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Место Уинстона Черчилля в нобелевском литературном пантеоне в итоге оказалось между Франсуа Мориаком – лауреатом 1952 года и Эрнестом Хемингуэем, который получил эту премию в году 1954.

Причем, в 1953 году Хемингуэй был действительно главным соперником Черчилля в борьбе за награду.Как писала «Нью-Йорк Таймс» уже после вручения премии американскому классику в 1954 году, академия всерьез обсуждала его кандидатуру и годом ранее, но в конце концов выбрала Черчилля с учетом преклонного возраста англичанина.

По иронии судьбы, Черчилль в итоге переживет Хемингуэя на без малого четыре года.

Нужно отметить и тот факт, что Черчилль не только опередил Хемингуэя в списке нобелевских лауреатов, но и в определенном смысле вообще едва не оставил его без этой награды. В январе 1954 года знаменитый писатель чудом выжил в авиакатастрофе в Африке, которая позже отразилась в его повести «Снега Килиманджаро».

С тех пор как сэр Уинстон Черчилль получил Нобелевскую премию по литературе, прошло 65 лет. Не раз и не два за эти годы на выбор лауреата влияли политические мотивы. Так было, например, с нашими соотечественниками – Борисом Пастернаком в 1958, Александром Солженицыным в 1970, Иосифом Бродским в 1987. Так было совсем недавно, в 2015 году, со Светланой Алексиевич.

Были случаи необыкновенные, как с Бобом Диланом, который получил премию в 2016 году. На данный момент это единственный случай, когда лауреатом стал певец и музыкант.

Были даже случаи, когда Нобелевскую премию по литературе получали люди, какое-то время профессионально занимавшиеся политикой. Например, лауреат 2010 года Марио Варгас Льоса в свое время баллотировался в президенты Перу. Но никогда – ни до, ни после – нобелевку по литературе не вручали политику прежде всего, и политику такого масштаба, как сэр Уинстон Черчилль.

Думается, не будет преувеличением сказать, что он как никто другой собственной жизнью и собственной карьерой доказал, что большая политика – это большое искусство.

Черчилль, несомненно, был лучшим писателем среди политиков и лучшим политиком среди писателей XX столетия.

Таким образом, в ходе исследования нами предложено решение одной из загадок литературного процесса XX века, заключающейся в том, что Нобелевский комитет в 1953 году предпочел Уинстона Черчилля Эрнесту Хемингуэю, Джону Стейнбеку, Альберу Камю, Жан-Полю Сартру, Борису Пастернаку и другим более титулованным в литературном смысле писателям.

Этот выбор Нобелевского комитета был обусловлен сразу целым рядом факторов: несомненным литературным талантом Черчилля, проявившимся, правда, в первую очередь, в исторической и мемуарной литературе; огромным творческим наследием, созданным Черчиллем в этих жанрах; выдающимся ораторским мастерством британского политика; харизмой и политическим авторитетом его личности, а также обстоятельствами его жизни.

Одновременно работа позволила на конкретном историческом примере проанализировать механизмы принятия решения о вручении престижнейшей литературной премии в мире, а также продемонстрировать влияние на решения Нобелевского комитета политического фактора, что не раз отмечалось и в дальнейшей истории премии.

В своих решениях Нобелевский комитет опирается не только на чисто литературные достижения и художественное мастерство номинантов, но и на их общественный и политический вес, который часто оказывается решающим фактором. Кроме того, при принятии решения учитываются обстоятельства жизнитого или иного номинанта.

Присуждение Нобелевской премии – крупнейшее событие литературной жизни, одна из доминант литературного процесса XX – XXI столетий. В связи с этим перспективы работы заключаются в дальнейшем изучении и осмыслении истории этой награды, механизмов, которыми руководствуется Нобелевский комитет при определении победителей, изучении жизни и творчества лауреатов.

Список литературы

1. Бедарида, Ф. Черчилль [Текст] / Ф. Бедарида. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 458 с.
2. Гилберт, М. Черчилль: биография [Текст] / М. Гилберт. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 1056 с.
3. Медведев, Д. Л. Черчилль. Биография. Оратор. Историк. Публицист. Амбициозное начало 1874–1929 [Текст] / Д. Л. Медведев. – М. : РИПОЛ классик, 2016. – 880 с.

4. Черчилль, У. С. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 3 : Великий союз [Текст] / У. С. Черчилль. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб; «Книжная лавка – РТР», 1998. – 368 с.
5. Черчилль, У. С. Саврола [Текст] / У. С. Черчилль. – М. : Алгоритм, 2012. – 361 с.

References

1. Bedarida F. *Cherchill'* [Churchill]. Moscow: Molodaya Gvardia Publ., 2011. 458 p.
2. Gilbert M. *Cherchill': Biografiya* [Churchill. Biography]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 1056 p.
3. Medvedev D. L. *Cherchill'. Biografiya. Orator. Istorik. Publitsist. Ambitsioznoe Nachalo 1874–1929* **[**Churchill. Biography. Speaker. Historian. Publicist. Ambitious Beginning 1874–1929]. Moscow: RIPOL Classic Publ., 2016. 880 p.
4. Churchill W. S. *Vtoraya Mirovaya Voina: V 6 Tomakh. T. 3: Velikii Soyuz* [The Second World War. In 6 Vols. V. 3. The Grand Alliance]. Moscow: TERRA-Knizhny Klub; Knizhnaya Lavka-RTR Publ., 1998.368 p.
5. Churchill W. S. *Savrola* [Savrola]. Moscow: Algoritm Publ., 2012. 361 p.

BIG ART AND BIG POLITICS: WHY WINSTON CHURCHILL RECEIVED THE NOBEL PRIZE IN LITERATURE BEFORE ERNEST HEMINGWAY?

Mashenko A. P.

The article attempts to solve one of the mysteries of the world literary process of the 20th century. The author explains the reasons for the unusual choice of the Nobel Committee, which presented the outstanding British politician Winston Churchill in 1953 with the prize in literature, preferring him to such recognized masters as Ernest Hemingway, John Steinbeck, Albert Camus, Jean-Paul Sartre, Boris Pasternak, Mikhail Sholokhov, Vladimir Nabokov, Jorge Luis Borges, Jerome Salinger.

According to the researcher, the choice of the Nobel Committee was determined by a number of factors: Churchill's undoubted literary talent, manifested, however, first of all, in historical and memoir literature; the vast artistic legacy created by Churchill in these genres; outstanding public speaking skills of a British politician; charisma and political authority of his personality, as well as the circumstances of his life.

Winston Churchill's political, literary, and journalistic heritage retains its significance today, and his participation in the 1945 Yalta Conference lends the study a geographical proximity to Crimea.

At the same time, the article allows for a specific historical example to analyze the decision-making mechanisms to award the most prestigious literary prize in the world.

Keywords: Winston Churchill, Ernest Hemingway, Nobel Prize in Literature, politics, literature, journalism, oratory.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 177–205.

УДК 821.161.09

ЧАТЫРДАГ КАК ОБЪЕКТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ А. С. ГРИБОЕДОВА

Орехова Л. А.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО РК «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: la.orehova@gmail.com

Для А. С. Грибоедова-дипломата географические характеристики местности преобразовывались в новые смыслы: стратегические приоритеты этой местности, условия хозяйствования, «движение народов» и т. д. Это давало возможность проникнуть как в тайны древних исторических процессов, так и предположить исторические перспективы региона. Поездка в Крым летом в 1825 года автору фразы о временах «Очаковских и покоренья Крыма» виделась, прежде всего, как познавательная. Исторические раздумья сопровождали его на всем пути («*не приморскими видами я любовался», «перебирал мысленно многое»).* В череде этих раздумий «центральная» гора Крыма Чатырдаг заняла особое место. Анализ Крымских заметок А. С. Грибоедова убеждает, что с первых дней пребывания Крыму он размышлял о загадке Чатырдага, постигал географическую и историческую логику освоения («обживания») Чатырдага в древности, хотя не нашел очевидных следов обитания человека. Но Грибоедов не сомневался, что гора обживалась в разные исторические эпохи; люди выбирали места, где могли защититься, где была вода (на склонах Чатырдага это мощный источник Аян), пастбища, пещеры, чтобы укрыться. По его предположению, древние жители Чатырдага постепенно «спустились» к морю, «осели» на побережье («усел город»), чтобы стать богатой Алуштой, городом, неоднократно разрушаемым «рассвирепевшим неприятелем», и лишь развалины («груды камней») свидетельствуют «о прежней величавой его жизни».
Ключевые слова: А. С. Грибоедов, Крымские заметки, Чатырдаг, литературное крымоведение, Красные пещеры, Алушта.

ВВЕДЕНИЕ

Своей **целью** ставим изучение материалов крымского путешествия А. С. Грибоедова, выделив значимый географический объект – Чатырдаг. А. С. Грибоедов приехал в Крым около 20 июня 1825 г., оставался здесь почти три месяца. Важнейшие факты путешествия и впечатления сохранил в веденных «на ходу» кратких Путевых заметках, из которых следует, что с 24 июня по 12 июля 1825 г. он объехал южнобережный Крым, Севастополь, Балаклаву; возвратился в Симферополь через Бахчисарай, Саблы (ныне с. Партизанское). О последних днях Грибоедова в Крыму мы узнаем из писем другу С. Н. Бегичеву от 9 и 12 сентября 1825 г.: покинув Симферополь 10 сентября, посетил Судак, Феодосию, Керчь, а далее

морем уехал на Кавказ. Возможно, впоследствии Грибоедов использовал бы эти записи, но вернуться к работе над ними не успел. А. С. Грибоедов трагически погиб в Тегеране ***30 января 1829 г.***

Рукописи путевых заметок не сохранились. А. С. Грибоедов оставил их С. Н. Бегичеву при последней встрече в 1828 г.; позднее Бегичев передал бумаги на хранение родственнику и биографу Грибоедова Д. А. Смирнову (1819-1866), который опубликовал эти материалы («сборник разных бумаг Грибоедова», по определению Д. А. Смирнова) в журнале Г. Е. Благосветлова «Русское слово» в 1859 г. (№ 4, 5). Сами же рукописи (исследователи называют эти рукописи «Черновой тетрадью») погибли в имении Д. А. Смирнова при пожаре в 1870 г. [3, т. 2, с. 383]. В современном Полном собрании сочинений А. С. Грибоедова в 3 томах, изданном ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН в 1995–2006 гг., крымские Путевые заметки драматурга напечатаны по публикации «Русского слова» (№ 5). Научный редактор издания С. А. Фомичев допускает, что «Черновая тетрадь» была опубликована не полностью и в отдельных случаях возможно неточное прочтение грибоедовского текста [3, т. 2, с. 383]. Но и при таком допущении Крымские Путевые заметки Грибоедова хранят бесценную биографическую, историческую информацию**,** свидетельствуют о настроениях автора [10] и приоритетах восприятия, поскольку выбор маршрутов путешествия, отбор сведений для дневниковых записей говорит о выделении фактов значимых и достойных будущего припоминания. Относительно Чатырдага это тем более важно: мы можем наблюдать, как в ходе путешествия Грибоедов целенаправленно накапливал знания о «центральной» горе Крыма, стремился постигнуть историю освоения склонов и плато Чатырдага с древних времен.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Путевые заметки Грибоедова не были рассчитаны на стороннего читателя, велись *для себя* (по выражению Д. А. Смирнова, «про-себя» [2, с. 284]). Они лаконичны; каждое новое предложение (слово) – запечатленная картина, фиксирующая позицию видения; в описании своего пути автор вольно пользуется

словами «направо», «слева», «впереди», «сзади» (комментатору предпочтительнее ориентиры «север», «юг» и т. п.). «Телеграфный» стиль Грибоедова не позволяет читателю, не знакомому с Крымом, «сориентироваться на местности», географическая конкретика может показаться нагромождением устаревших топонимов. Потому детально «прорисовать» маршрут Грибоедова трудно, особенно в первые дни его путешествия (24 – 28 июня). Так, Е. В. Петухов [2, с. 284], профессор Крымского пединститута [18; 19; 20; 21], занимавшийся, в ряду иных историко-литературных тем, вопросами пребывания русских писателей в Крыму, писал в 1947 г. о первых поездках Грибоедова весьма путано (при цитировании сохраняем авторское и исторически характерное написание топонимов): «<Грибоедов> отправился из Симферополя, *захватив предварительно некоторое пространство к северу*; *потом, возвратясь опять к югу*, мимо дачи помещика Офрена, осмотрел знаменитую известковую водную котловину Аян, водами которой жители Симферополя и теперь пользуются (Аянское водохранилище, сооружавшееся в 1927 г. – *Л. О.*). Затем, *оставляя в стороне Саблы и Бахчисарай* (это вовсе не по пути. – *Л. О.*), путешественник, постоянно имея в виду Чатыр-Даг, *едет дальше зигзагами на юг по направлению к Алуште*. Далее, в виду моря, *идут у Грибоедова в произвольном беспорядке – сообразно с его поворотами то вниз, то вверх, то в стороны* – Байдарская долина, Балаклава, Георгиевский монастырь, а над всем этим с разных сторон величественный и огромный Чатыр-Даг; дальше идет Севастополь, Херсонес (курсив мой. – *Л. О.*)» [24, с. 179]. Еще ранее, в очерке «Крым и русская литература» (1927) Е. В. Петухов ограничился указанием мест, где побывал Грибоедов, не придерживаясь маршрутной хронологии: «<…> Посетил почти все города Крыма: Симферополь, Феодосию, Севастополь, Алупку, Ялту, Бахчисарай и др., поднимался на Чатыр-Даг и другие высоты, ночевал в овчарнях с чабанами, босой забирался в пещеры. Дневник Грибоедова по Крыму не простое перечисление им виденного; в авторе везде виден глубокий дух, живое воображение, чувство красоты и какая-то особенная сосредоточенно-серьезная настроенность» [25, с. 12].

Отмеченная Е. В. Петуховым «особенная сосредоточенно-серьезная настроенность» в крымских заметках Грибоедова, угадывается, на наш взгляд, в

строгой избирательности информации, в «звучащей» в тексте деятельной жажде познания и «динамике» путешествия – при поразительной неутомимости путешественника. В этом смысле описание первых дней путешествия – к подножию Чатырдага и на Чатырдаг – демонстрирует продуманность маршрута и подготовленность: в походном чемодане Грибоедова, как следует из описи при аресте по делу декабристов в январе 1826 г., находилась топографическая карта Крыма, книги, касающиеся крымской географии и истории [3, т. 2, с. 587]. Произведенное Чатырдагом впечатление было велико, хотя Грибоедова трудно было удивить: он мог сравнивать Крымские горы с Кавказом. Но даже спустя время, 9 сентября 1825 г. в письме из Симферополя к С. Н. Бегичеву в Тульскую губернию А. С. Грибоедов, среди прочей информации, выделил в отдельный абзац строку: «О Чатыр-Даге и южном берегу после, со временем» [3, т. 3, с. 99]. Стало быть, гора Чатырдаг была известна Бегичеву и предполагала отдельную тему беседы.

Чатырдаг (Чатыр-Даг), иначе: Джадир-Даги, Трапезус, Палат-гора – горный массив в Крыму, вытянутый с юга на север, с *платообразной* двухъярусной вершиной; к юго-востоку и юго-западу заканчивается горными мысами – соответственно: Ангар-Бурун (1459 м) и Эклези-Бурун (1527 м). Чатырдаг находится в центральной части Главной Крымской гряды, от южной гряды (Бабуган-яйлы) отделяется горным перевалом Кебит-богаз, с востока от Демерджи-яйлы и Долгоруковской яйлы – Ангар-богазом (Ангарским перевалом); зрительно воспринимается совершенно обособленной горой, с многих точек обзора выглядит трапецией. *Чатыр* (тюрк.) – *шатер*, похож на *палатку* (отсюда Палат-гора, Шатер-гора). 2000 лет назад Страбон упомянул Чатырдаг под названием Трапезунт (с греч.: *трапеза, трапедза* – стол, *трапедзион* – трапеция): «В гористой области тавров есть <…> гора Трапезунт» [8, с. 104]. «Один из “колумбов” Тавриды» и автор первой монографии о природе Крыма [8, с. 87] К. И. Габлиц (являвшийся, кстати, в 1784-1802 гг. вице-губернатором Таврической губернии) сообщал, что Чатырдаг «почти посредине всей ширины полуострова находится», «первейшею» горою «во всей Таврической области почитается» [1, с. 9, 39]. «Таким образом, – писал естествоиспытатель П. С. Паллас (с трудами Палласа Грибоедов был знаком), – не

следует удивляться древним мореплавателям, сделавшим ее предметом особого внимания» [23, с. 87].

При въезде в Крым путешественник замечает Чатырдаг издалека, «со стороны *Перекопа* за 70 верст» [1, с. 41]. П. И. Сумароков (1767-1846), служивший с 1802 г. в Крыму в комиссии по спорам о землях и опубликовавший книгу «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду», отдельную главку посвятил тому, как впервые увидел Чатырдаг по пути с севера полуострова к Симферополю: «Но что значит это мудреное облачко, которое не расходится, не меняет своего вида и пребывает неподвижным? А! это гора Чатыр-Даг, удивительный колосс Крыма, выглядывает за 130 верст отсюда <…> Чем далее я подвигался, тем более открывался ея вид, а в 80 верстах, уже по освещенной ее средине, довольно ясно означились уступы оной» [28, с. 105]. Вблизи Чатырдага потрясенный Сумароков понял роль горы как величественной границы между степным Крымом и его Южным берегом: «Многие цепи гор, окружающие господствующий над ними Чатыр-Даг, выставляют вдали одни из-за других черные свои вершины. Какое зрелище! Какое распоряжение строителя миров! Дивится ум, не постигает мысль такого превращения. Сей рубеж служит как предисловием обетованной стране» [26, с. 77]. И дальше: «Чатыр-Даг, как будто ширмами, заслоняет полуденную страну» [26, с. 159]. А. Мицкевич в «Крымских сонетах» назвал «великий Чатырдаг» «мачтой крымских гор» [11, с. 559].

Хотя Чатырдаг не самая высокая гора в Крыму (выше ее Роман-Кош – 1545 м, Демир-Капу – 1540 м, Зейтин-Кош – 1534 м и Кемаль-Эгерек – 1528 м), она впечатляет панорамной перспективой. Как писал П. С. Паллас, «беспрепятственно видно до Судага, так же, как и над более низкими горами до Ялты со всем побережьем»: «Это зрелище еще шире – с северной стороны, <…> обширнейший вид всех равнин Крыма и всего Тарханского Кута до Перекопа и еще далее» [23, с. 89]. «Быть в Крыму и не сделать посещения Чатыр-Дагу есть дело предосудительного равнодушия», – убеждал П. И. Сумароков [28, с. 105].

А. С. Грибоедов поехал к северному подножию Чатырдага и в урочище Кизил-Коба (Красные пещеры, что в нескольких верстах на северо-востоке от Чатырдага) в первый же день путешествия – 24 июня 1825 г.:

«*Июня 24*. Середа, Иванов день. Вверх по Салгиру верхом. Сады. Минареты, Перовского дачка – приятной, легкой архитектуры домик. Облако столбом над Чатыр-Дагом, будто курится. Ручьи падают справа от нашей дороги в Салгир (видимо, накануне прошел дождь. – *Л. О.*). Тополи, надгробные камни с чалмами. – Аянь, на восток от него в полуверсте источник Салгира в известковой каменной котловине. Пещера, вход с двух сторон; спереди с шумом извергается источник, слева род окошка; мы, разутые, лезем в него, цепляемся по голым камням, над нами свод, род пролома сверху, летучая мышь прилеплена к стене возле, и внутренняя продолговатая пещера позади нас. Мы сидим над самым О-м. М. Ш. называет это глазом. Вода холодная, как лед» [3, т. 2, с. 322].

Здесь необходимы географические пояснения. Грибоедов, как его современники, называет истоком Салгира Аянский источник у старого греческого поселения Аян (Ай-Ян; с крымскотат. Св. Иоанн: по преданию, здесь находился монастырь Св. Иоанна). Однако в географии XX в. Салгиром называют реку, образующуюся слиянием рек Ангары и Краснопещерной (Кизилкобинки) у с. Перевального. А речка Аян впадает в Салгир тремя километрами ниже по течению, в с. Заречном; русло ее от истока до впадения в Салгир невелико (5 км). Именно поэтому Аян считается *притоком*, а *не истоком* Салгира [29, с. 32–33]. Впрочем, сегодня некоторые географы склонны признать истоком Салгира именно Аян – как самый многоводный источник на Чатырдаге. Грибоедов, как видим, посвятил его описанию емкие пять строк. Но как понять, о чем думал и хотел сказать Грибоедов, когда писал: «Мы сидим над самым О-м»?

Исследователь Крыма А. Л. Бертье-Делагард предполагал, что «над самым О-м» – один из случаев неправильного прочтения грибоедовской рукописи; видимо, было: «*С-м*», т. е. *Салгиром* [2, с. 296]. Но, думается, допустимо и другое предположение, если исходить из следующей фразы: «М. Ш. называет *это глазом*». Почему Грибоедов использует указательное местоимение *это,* обозначающее возвращение к мысли, высказанной ранее? Случайно ли, что «*О-м*» и «глазом» стоят в одном падеже? Не является ли «*О-м*» метафорой, точно выразившей впечатление Грибоедова и заменившей все подробности?

Разгадку поищем в сохранившихся описаниях Аяна. А они свидетельствуют, что *ниша* в скале – т. е. «известковая каменная котловина», которую из пещеры *сверху* видел Грибоедов, была глубокой, вода чистой, голубой. Привлечем описание «источника Салгира» (Аяна), оставленное Ал. Ивашевым («Прогулка на Чатыр-даг 5-го мая 1829 года»): «Большой *круглый* овраг, как будто из одного камня иссеченный в виде воронки <…> Поток выходит из земли с большим стремлением, *под навесом скал*, в виде довольно правильного свода. Вода выше и ниже бьющего ключа составляет два бассейна, *из коих верхний должен быть весьма глубок, ибо, несмотря на прозрачность чистой, как хрусталь воды, дна не только не видно, но, говорят, и достать не можно* (курсив мой. – *Л. О.*)» [9, с. 186].

Глубокая голубая «котловина», представляющаяся сверху, завораживала, могла ассоциироваться *с глазом* (как и называл спутник Грибоедова *М. Ш.*). А лучше и точнее сказать: *Оком, устремленным в небо*. Может быть, «*О-м*» в тексте Грибоедова и следует прочесть как «*О<ко>м*»?

Есть и другая предлагаемая расшифровка «над самым О-м» – «над самым О<брыво>м» [2, т. 2, с. 322]. Но тогда почему с большой буквы?

Насколько впечатляющей и «метафорообразующей» была картина выбивающегося из расщелины мощного Аянского источника, убеждает отрывок из книги И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 годе» (СПб, 1923), которую Грибоедов возил в Крым в походном чемодане [3, т. 2, с. 587]: «<…> Здесь – вид Хаоса, Дантевская картина <…> С великим трудом и даже опасностью можно доползти до водяной, *бездонной (как говорят здесь татары) колыбели Салгира*, на поверхности коей ежеминутно и с шумом поднимаются пузыри. <…> Здесь ожидаешь, что Уголино (персонаж из «Божественной комедии» А. Данте, за измену замурованный вместе с сыновьями и внуками и, по легенде, питавшийся их телами. – *Л. О.*) выставит из воды страшное чело свое <…> (курсив мой. – *Л. О.*)» [Крымский миф. 2017. С. 318]. Как видим, впечатления путешественников разнятся. Вместо ужасающих ассоциаций Муравьева-Апостола Грибоедов дает реалистичное описание истока, но учитывает местную метафоризацию и ссылается на нее: «*М. Ш.*

называет это глазом». Возможно, неизвестный «*М. Ш.*» был проводником-татарином; путешественники охотно пользовались их услугами.

Возвратимся к тексту из Путевых записок А. С. Грибоедова и продолжим цитату: «После обеда из Аяна косогором к западу, направо лесистая впадина к дороге между Ч.-Д. и Темирджи, склонение к северу Яйлы, под ним домик Офрена, сзади подошва Чатыр-Дага, впереди ущелье Кизиль-Кобе, проезжаем через ущелье Альгар, деревня Човки (станция к Алуште), влево малый Джанкой, вправо речка Кизил-Кобе, ущелье входит клином в гору, там родник сперва наружу, потом отвесно под землю, потом снова широкою лентою падает на камни и течет в долину, которая позади нас; орлиные гнезда, орешник, кизил, род ворот между двух самородных камней, пещеры, своды, коридоры, столбики, накипи.

Симферополь. Цыганская нынешняя музыка в Крыму – смесь татарского с польским и малороссийским» [3, т. 2, с. 322].

Итак, в первый день путешествия у Грибоедова были две конкретные цели: источник Салгира под Чатырдагом (поездка вдоль *северных* отрогов горы) и Красные пещеры (Кизил-Коба). Кстати, именно А. Ивашеву, чье писание «источника Салгира» мы привлекли, принадлежит сведение, что при посещении Кизил-Кобы в 1829 г. (т. е. после гибели А. С. Грибоедова) на стене пещерного зала со сталактитами он «с удивлением прочел» «несколько знакомых имен»: «Особенно поразило меня имя незабвенного А. С. Грибоедова. По общему обыкновению и мы написали имена свои в этом подземном храме воспоминания» [9, с. 192–193]. Но был это *автограф* А. С. Грибоедова или кто-то высек его имя в память о Грибоедове – установить не удастся. Позднее информацию об автографе Грибоедова в Красных пещерах повторила в своем «Путеводителе» (1871) М. А. Сосногорова [27]. Со временем в Красных пещерах один из ходов к подземному озеру и реке в старой части нижней пещеры был назван Грибоедовским коридором [7, с. 34], или Грибоедовской галереей [30, с. 9].

Путешествие первого дня позволило увидеть вблизи живописное подножие Чатырдага и обещало масштабные впечатления при восхождении на гору. Маршрут по ландшафту у северных отрогов Чатырдага был известен. Мы основываемся на

информации «Путеводителя путешественника по Крыму» Ш. Монтандона. Создавался «Путеводитель…» в 1820-годы; автор прошел все описанные им впоследствии маршруты, создавая «документальную панораму Тавриды» и оказавшись, таким образом, «в ряду известнейших исследователей Крыма» [15, с. 14, 12]. Издана книга на французском языке в Одессе в 1834 г.

Долины Мамака, пещеры Кизил-Кобы, исток Салгира и Чатыр-Даг охвачены у Монтандона единым маршрутом «D»: «Благодаря тому, что Чатыр-Даг, исток Салгира и пещеры Кизил-Кобы расположены близко друг к другу, их обычно посещают в течение одной прогулки. Если отправляться из Симферополя, то для этой экскурсии хватит двух дней хорошей погоды <…> Кто пожелает без задержки посетить пещеры, сможет, не сходя с лошади, нанять проводника Мамбета <…> Открытая сторона этого ущелья представляет взору великолепный вид на Чатыр-Даг» [12, с. 183–184]. Не Мамбет ли скрывается у Грибоедова под загадочным *М. Ш.*? А может быть, сам Монтандон Шарль?

Ночь с 24 на 25 июня 1825 г. Грибоедов провел в гостинице Симферополя. Утром шел дождь. Но Грибоедов, наверное, рассчитывал на летнюю смену погоды, не хотел оставаться в бездеятельности. Второй день путешествия А. С. Грибоедова: «25 июня. Дождливый день. Берем несколько назад, потом левее, по северной подошве Чат<ыр>-Д<ага> до Буюк-Джанской. Оттудова вверх довольно отлогая дорога, лесистая. Справа овраги, тесные и глубокие долины, бездны лесные, там течет Альма (ее исток между Ч<атыр>-Д<агом> и С<ултан>-Г<орой>.), белые холмы Саблы в отдалении, еще далее горы Бахчисарая. Поднимаемся на террасу каменную, инде поросшую лесом, убежище чабанов внизу, а далее в равнине все еще туман. Шатаемся по овчарням» [3, т. 2, с.322–323] Описание подъема на Чатырдаг от подошвы до плато поместилось у Грибоедова в шести строках. Но читать их надо внимательно: каждое слово указывает на открывающиеся с высотой новые горизонты. Грибоедов уточняет у проводника, что именно видится вдали, и записывает. Он сосредоточен лишь на этом; ни слова о трудностях подъема.

Комментировать записи Грибоедова в этом случае опять помогает «Путеводитель…» Ш. Монтандона: «Приехав в Б.-Янкой, нужно будет подыскать

проводника, хорошо знающего местность. <…> Если удастся нанять того, которого зовут Мартаза-Бай, будете довольны его услугами Расстояние от Б.-Янкоя до вершины Чатырдага составляет около 15-ти верст. <…> Проехав 6 верст по лесу, по дороге, уклон которой становится все более и более чувствительным, оказываемся на террасе, где замечаем еще несколько куп деревьев и рощицы, в которых скот находит убежище от гроз и зноя. Пастбища на всем этом горном плато великолепны, и владельцы, ежегодно отдающие их в аренду татарам, выращивающим скот, получают хорошую прибыль» [12, с. 187].

А. С. Грибоедов делает остановку у чабанов: «После обеда. Наелись шашлыка, каймака на круглом столике, поселившись в каменной яме к северу от овчарного хлева. Зелень и климат северные. Низменная даль все еще подернута непроницаемою завесою, оттудова тучи поднимаются к нам, ползут по Чатыр-Дагу. Он совершенно дымится. Горизонт более и более сужается, наконец, я весь увит облаками.

У здешних пастухов лица не монгольские и не турецкие. Паллас производит их от лигурийцев (древние племена северо-западной Италии. – *Л. О.*) и греков, но они белокуры, черты северные, как у осетинов на Кавказе <…>« [3, т. 2, с. 323].

Остановка у чабанов на склонах Чатырдага традиционна. У Сумарокова, например, читаем: «По объявленному уставу гостеприимства чабаны на втором ярусе потчевали нас овечьим молоком, разведенным со льдом, и таскали из котла куски вареной баранины» [28, с. 59].

Следующее действо – без авторского пояснения, как почти всюду в Путевых записках Грибоедова, – происходит на *нижнем* плато Чатырдага. Для понимания ситуации необходим географический комментарий. Чатырдаг – не конусообразная гора, верх ее – *двухступенчатый* массив, повышающийся к югу, где располагается *верхнее* яйлинское плато; севернее лежит гораздо более обширное *нижнее* плато, на 300 – 500 м ниже южного [8, с. 107]. Ш. Монтандон был поражен размерами Чатырдага: «Невозможно точно определить протяженность Чатырдага. Паллас указывает, что она может составлять у основания 10 верст в длину и 5–6 верст в ширину» [12, с. 187–188]. Ан. Демидов в 1837 г. был уверен, что «Чатыр-Даг измерен уже несколько раз наблюдателями, вполне заслуживающими доверия» [4, с. 434].

Сообщим современные «промеры» Чатырдага: меридиально гора вытянута почти на 10 км – при ширине с запада на восток до 5 км. Общая площадь со склонами и отрогами составляет 46,5 кв. км. Вот и современное компетентное описание Чатырдага (вид сверху): «В плане это прямоугольник с четкими ровными склонами, за исключением северной оконечности, расчлененной долинами сухоречий – короткими притоками речушек Тавель, Ак-Мелек и Аян, принадлежащих к бассейну Салгира» [5, с. 5]. Поверхность Чатырдага покрыта щелями, бороздами, трещинами, каменными гребешками, шипами – начальными формами карста; на Чатырдаге более 770 карстовых воронок, дающих начало подземным карстовым полостям: колодцам, шахтам, пещерам; сегодня на горе открыто и исследовано более 150 подземных полостей. Центральная и юго-восточная части нижнего плато Чатырдага отличаются наибольшей закарстованностью, здесь находятся самые глубокие шахты: Эмине-Баир-Коба, Эмине-Баир-Хосар, Горшенина, Суук-Коба, или Холодная, Бинбаш-Коба, или Тысячеголовая, Партизанская, Армейская, Обвальная, Учунжу, Вялова, Аянская [5, с. 16–19].

Одну из этих пещер посетил Грибоедов, но в его описании не использовано даже слово *пещера*: «Гроты снеговые, стены покрыты мохом, над ними нависли дерева. Спускаюсь вглубь, впалзываю в узкое отверстие и там снежное приятелище – родник замерзший. Скатываем камень – продолжительный грохот означает непомерную глубину. Выхожу оттудова – синее небо» [3, т. 2, с. 323].

Есть предположение, что речь идет о пещере Суук-Коба, или Холодной [3, т. 2, с. 323]. Описание Грибоедова слишком краткое для более точного утверждения. Лед, к примеру, есть во многих пещерах Чатырдага. Вообще массивы льда в карстовых полостях – одна из загадок Чатырдага; на нем обнаружено 10 таких пещер-ледников с постоянным скоплением льда даже в летнее время [5, с. 39]. К. И. Габлиц описал такую «ледяную яму» на Чатырдаге – в рощице, с северной стороны, почти наверху: «Отверстие ея вверху не более четырех аршин в диаметре имеет. А глубина может составить около 14-ти сажен <…> Також в некоторых других каменных расселинах, находящихся на самой вершине, кои весьма малую глубину имеют и только что от солнца сокрыты, во все лето снег не переводится, что самое служит доказательством

отменной высоты сей горы» [1, с. 40–41]. Таким образом, лед в пещере – не доказательство того, Грибоедов побывал именно в пещере Холодной. Тем более настораживает, что Грибоедов описывает *одну* пещеру, тогда как совсем рядом с Холодной – не менее впечатляющая пещера Бинбаш-Коба, или Тысячеголовая, и ее невозможно, кажется, не заметить. Ученые предполагают, что Тысячеголовая и Холодная (ныне заповедные памятники природы) были когда-то одной пещерой и разделились в результате обвала. Почему же Грибоедов не пишет о Тысячеголовой?

И почему путешественники его времени не пишут о Тысячеголовой? Так, Ан. Демидов, побывавший на Чатырдаге через 12 лет после Грибоедова, специально искал «большую пещеру», о которой «*слышал»*; заметим: одну пещеру, а не *пещеры*. Остальные не были известны? Впрочем, как читаем у Ан. Демидова, и эту пещеру знали еще плохо: «Пещера эта вполне не известна, так она обширна и так много в ней переходов; но она замечательна тем, что в ней находятся огромные массы льда, сохраняющегося из году в год, от одной зимы до другой. Мы осмотрели только первую залу, представляющую величественное подземелье, которого своды простираются до пятидесяти футов в вышину» [4, с. 435]. Сравним с описанием пещеры (опять же – *одной*) у Ш. Монтандона: «С верхнего плато Чатырдага <…> спускаются, следуя по крутому скалистому откосу, на нижнее плато, где посещают обширную пещеру <…>

Глубина этой пещеры неизвестна; по словам татар, она тянется в скале на несколько верст. Первый зал <…> имеет около 50 футов высоты, и пять экипажей легко могли бы там проехать бок о бок; стены покрыты мхом. Таяние снега и льда, сохраняющихся в этой огромной пещере круглый год, делает грунт влажным и скользким» [12, с. 188]. Современные промеры пещеры Холодной (Суук-Коба): 210 м / 43 м / 1550 кв. м; в пещере есть подземная ванночка [8, с. 109]. Исходя из сказанного, следует, видимо, согласиться с предположением, что Грибоедов посетил на Чатырдаге *Холодную* пещеру (Суук-Кобу), – согласиться, однако, с учетом противоречий и сомнений.

Следующий поворот в сюжете грибоедовского путешествия по Чатырдагу – подъем на вершину горы: «Поднимаемся на самую вершину. Встреча зайца. На иных

зубцах самого верхнего шатра и на полянах ясно, но у самого верхнего зубца нас захватывают облака, – ничего не видать, ни спереди, ни сзади, мы мокрехоньки, отыскиваем пристанища. Розовая полоса над мрачными облаками, игра вечернего солнца; Судак синеет вдали; корабли в Алуште будто на воздухе; море слито с небом» [3, т. 2, с. 323].

Комментарий: высшая точка Чатырдага находится на юго-западе – Эклези-Бурун; вторая по высоте точка – Ангар-Бурун – выходит на юго-восток. Поэтому, когда Грибоедов пишет о «самой вершине» Чатырдага, о «верхнем шатре», «верхнем зубце», то следует понимать, что он поднялся на Эклези-Бурун, с которого *в хорошую погоду* открывается панорама всего Крыма. Но в том и дело, что Грибоедову с погодой не повезло, была густая облачность, «море слито с небом». А ведь могло быть так, как описывал Ш. Монтандон: «Если повезет с ясной погодой, то можно будет насладиться весьма обширным видом, охватывающим весь полуостров: степную часть, горы и море. Устремляясь на выступы скал, обращенные обрывистой частью на юго-запад, взор проникает в глубокие долины и густые леса Альмы, и одного этого вида достаточно, чтобы компенсировать трудности, ценой которых он достался» [12, с. 188].

Читаем заметки Грибоедова дальше и понимаем, что он прошел по верхнему плато Чатырдага вдоль южных склонов: «Попадаем в овчарню на восточной вершине (Ангар-Бурун. – *Л. О.*), обращенной лицом к югу. Сыворотка, холод, греюсь, ложусь на попону, седло в головах, блеяние козлов и овец, нависших на стремнинах. Ночью встаю, луна плавает над морем между двух мысов. Звезда из-за черного облака. Другая скатилась надо мною. Какой гений подхватил ее?» [3, т. 2, с. 323]. Итак, Грибоедов остался ночевать на Чатырдаге (с 25 на 26 июня) у чабанов близ юго-восточной вершины Ангар-Бурун, рассчитывая, очевидно, утром увидеть панораму Крыма. Однако и наутро на Чатырдаге туман: «26 июня. Пятница. Кочуем в тумане и в облаках целое утро. Сажусь на восточный утес, вид на глубину к Темирджи. Два корабля в Алуште. Съезжаем до лучшей погоды в Корбек, лесом ручьи <…>» [3, т. 2, с. 323].

Остановимся на важной детали – дорогах, по которым всходил на Чатырдаг и спускался с Чатырдага Грибоедов. Чабаны пользовались несколькими тропами. Но подъем верхом на лошади был возможным либо с *северной* стороны горы (как поднимался Грибоедов на Чатырдаг 25 июня), либо с *южной*, от Алушты, через деревню Корбеклы (иначе: Корбек, ныне Изобильное). Южная дорога легче для путешественника [17]. Читаем у Ш. Монтандона: «Подниматься на Чатырдаг довольно удобно также через Корбек – на юге со стороны Алушты, можно подниматься и напрямую через Чафки или Аян <…> но, учитывая сложность двух этих подъемов, их нельзя советовать тем, кто путешествует верхом» [12, с. 187]. Ан. Демидов с экспедицией поднимался южной дорогой от Корбеклы. П. С. Паллас описал и *северную* (через деревню Султан-Мамут), и *юго-восточную* (от деревни Шумы) дороги на Чатырдаг. Вот его описание северной дороги: «Дорога к Чатыр-Дагу ведет из Ак-Мечети (Симферополь. – *Л. О.*) вверх по Салгиру в Султан-Мамут (ныне с. Доброе; дер. Мамут-Султан – владение потомков кн. В. М. Долгорукова, и отсюда название: Долгоруковская яйла. – *Л. О.*). <…> От Мамут-Султана есть удобная верховая дорога, длину которой считают 10 верст, проделанная по мягкому северному склону Чатыр-Дага, и ее избирают все путешественники, восходящие на гору и желающие вместе с тем посетить находящуюся там пропасть (возможно, это пещера, о которой пишет А. С. Грибоедов? – *Л. О.*), в которой снег сохраняется от одного года до другого» [23, с. 88–89].

Грибоедов, как видим, воспользовался при подъеме на Чатырдаг северной дорогой, при спуске в Корбеклы – южной. Но дорога через Шумы, описанная Палласом, оставалась неизвестной Грибоедову; запомним пока это обстоятельство.

Итак, туманным утром 26 июня Грибоедов вынужден был спуститься с Чатырдага и переждать непогоду в Корбеке, где и заночевал с пятницы 26 июня на 27 июня, сняв квартиру «крайнюю кверху» – с хорошим обзором: «Справа из-за Салтан-горы высовывается Кастель» [3, т. 2, с. 323]. Отметим кстати, что, спустившись с Чатырдага, «под вечер» 26 июня Грибоедов успел еще *пешком*, «средними возвышенностями, подошвою Чатыр-Дага» добраться до Алушты, осмотреть Алушту и окрестности: «<…> Замок Алустон в развалинах <…>, возвращаюсь низом

(в Корбек. – *Л. О.*), сперва садами, потом тропою, которая ведет в Бешмы, ногами растираю душистые травы, от которых весь воздух окурен. Татары любят земные плоды.

Ночью встаю, месячно» [3, т. 2, с. 323].

Встретившийся нам топоним Бешмы, по-видимому, прочитан в рукописи А. С. Грибоедова неверно. Речь идет о расположенном в верховьях р. Альмы горном селении Бешуй (с крымскотатарского: Пять домов); после 1945 г. – с. Дровянка; в 1948 г. Дровянка вошла в состав Партизанского сельсовета.

Подведем итоги дня: 26 июня, переночевав в тумане и сырости близ вершины Ангар-Бурун, из-за непогоды спустившись с Чатырдага в Корбек, Грибоедов совершил пешую экскурсию в Алушту и обратно, причем по разным дорогам. Усталость не рассеяла впечатлений; он поднимается ночью и при свете месяца оглядывает горы; ясное небо дает надежду на ясную погоду с утра.

Утром 27-го по южной дороге из Корбеклы он вновь поднимается на Чатырдаг: «Опять в гору; сперва лесом, потом голыя вершины уступами. Круча. Панорама с Чатырдага <…>» [3, т. 2, с. 324]. На этот раз погода позволила видеть далеко; Грибоедов дает описание панорамных видов с южной террасы: «<…> Под ногами площадь, терраса Чатыр-Дага, первая под самым темем, шатром (чадирь), все негладкости будто стесаны» [3, т. 2, с. 324]. Коротко и точно описана вершина Эклези-Бурун (Церковный мыс), «скалистая и хорошо отличимая от других» [5, с. 77]. Отсюда Грибоедов смог увидеть практически весь Крым. В заметках обособил описание «заголовком» – «Панорама с Чатыр-Дага» и предельно точно, для памяти, чтобы не допустить искажений, обозначил прорисовывающиеся объекты: Севастополь, Бахчисарай, Саблы, Салгир, Симферополь, Евпаторию (Козлов), Зую, Карасубазар, часть Азовского моря, «степь и дол до Перекопа», Судак, Карадаг… Несомненно, эта запись сделана на Чатырдаге. Приведем ее фрагмент, выделив сравнения с военными укреплениями: «На вершине (западном зубце, где мы стоим), между двух углов, шагов 50 стремительный спуск к югу, пологий к северу, обрыв к Альме, дебрь. – За Темирджи несколько слоев гор еще возвышеннее. – От Чатыр-Дага к северу площадь, *терраса, будто укрепление с исходящими углами, с бойницами,* из

них иные красные, желтые, серые, и между ними зелень. Белизна меловых гор, которые *тянутся, как лагерь.*

Несколько орлов с закрюченными крыльями; их плавный и быстрый полет» [3, т. 2, с. 324].

Погода менялась внезапно: «Дождь, словно занавес, постепенно закрывает предметы и близится к нам, наконец, сечет нас. Прячемся. Новая картина. Улитки. Я над стремниной. Опять ведренно, выхожу из засады. Противоположность – спереди был мрак, сзади ясно, теперь наоборот. – Следую направлению верхнего обреза от з<апада> к востоку (к Ангар-Буруну. – *Л. О.*), смотрю на дольные картины из-за промежутков скал, как из-за зубцов Кремля. – Сперва Салгир был вправо, потом против меня, теперь влево, по мере моего шествия. К западу картина становится ***у***же и расширяется к востоку. С восточной оконечности вид на дебрь между Кизил-Кобе (вчера казался так высок, а нынче через него гляжу), Темирджи и Ч<атыр>-Д<аг>. Ветер переменился, облака назад пошли и, после дождя разодранные, как после битвы, тянутся от Султан-горы серединою Чатыр-Дага в Темирджинское ущелье, словно оттудова пар воскуривают; позади всего море, пропасти под ногами и зубцы. Не понимаю, как меня ветер не снес! Прихожу к пастухам, волынки, рожки и барабаны.

Возвращаюсь в Корбек» [3, т. 2, с. 324–325].

Грибоедов спешил. Подъем утром из Корбеклы, затем поход по южному плато Чатырдага (от вершины к вершине), затем спуск – заняли у него, по приблизительным подсчетам, не менее 8 – 9 часов. Казалось бы, программа дня исчерпана. Но в этот же день Грибоедов отправился верхом еще и на южные отроги Чатырдага в д. Шумы (Шума, Шумаи; ныне Верхняя Кутузовка). Возможно, хотел увидеть описанный Палласом подъем на Чатырдаг от Шумы. Кроме того, Грибоедов знал, что с этими местами связаны исторические победы и ранение в 1774 г. М. И. Кутузова: «После обеда в Шуму; плутаю по оврагам; лошадь мне ногу зашибла. Новая большая дорога. Рысью в Алушту» [3, т. 2, с. 325]. Заметим, что Грибоедов упомянул о «новой большой дороге». Речь идет о строившейся в 1824–1826 годах под руководством военного инженера подполковника П. В. Шипилова шоссейной дороге из

Симферополя в Алушту. Это был сложнейший инженерный проект, знаменовавший новый этап в развитии Крыма.

От селения Шумы Грибоедов, как и накануне, едет в Алушту; теперь подробнее знакомится с ее расположением, вновь посещает развалины византийской крепости: «Алушта; древние развалины замка, около которого домики с плоскими кровлями прислонены к холму, образующему со многими другими подошву Чатыр-Дага; около него ручьи и сады в яминах. Все место окружено амфитеатром, к морю отрогами обоих Яйл (Демерджи-яйлой и Бабуган-яйлой. – *Л. О.*) и Чатыр-Дага, которого вершины господствуют над сей долиною. Корабль нагружается лесом; другой от флота зашел за пресной водою. Разговор с офицером о Чатыр-Даге. Морские ванны. Эфенди хвастает крепкою черешнею» [3, т. 2, с. 325]. Как видим, день оказался нелегким. Но Грибоедов еще и в море купался, успел побеседовать с офицером (причем о Чатырдаге), с эфенди. Ясно, что *так* проведенные дни характеризуют путешественника: безудержная жажда познания, неутомимость, воля, физическая сила. Он успел понять выгодность стратегического расположения Алушты, защищенной высотой «обеих яйл» и «господствующего» Чатырдага.

28 июня Грибоедов выехал из Алушты не ранее полдня, солнце стояло высоко. К середине дня отъехать удалось недалеко (по берегу 6–8 км): «Едем берегом. Узенькая тропа. Жар несносный. Вправо то голые утесы, то лес. Кастель. Иногда крутой въезд, потом опять спуск к морю. Мыс. Проехав из-за него, выказался Кучук-Ламбат <…>» [3, т. 2, с. 325].

Несколько дней путь А. С. Грибоедова пролегал по побережью к Севастополю, оттуда – к Бахчисараю. Но во время всего дальнейшего путешествия Грибоедов помнит о Чатырдаге, с разных возвышенностей ищет и угадывает его контуры.

1 июля, поднимаясь «близ Форусского утеса вверх лесом» (видимо, к Красной скале выше пос. Форос; в 1890-е годы на скале был построен Храм Воскресения Христова. – *Л. О.*), Грибоедов подмечает: «Похоже на подъем с моря на Чатыр-Даг» [3, т. 2, с. 327].

2 июля на выезде из Балаклавы с холма Грибоедов оглядывает «гористый вид», и находит «вглубь всей картины верх Чатыр-Дага, нависшего как облако» [3, т. 2, с. 328].

На следующий день, 3 июля, он записывает в Севастополе: «Через город видны холмы Инкермана и два его маяка, и верхи западной Яйлы, очерчивающей горизонт, как по обрезу. Чатыр-Даг левее и почти на одной черте с городом *особится от всех*, как облако, но *фигура его явственна и правильна* (курсив мой. – *Л. О.*)» [3, т. 2, с. 330].

9 июля, на «спуске к Саблам», он вновь различил контуры Чатыр-Дага [3, т. 2, с. 334].

В поездке по Южнобережью Грибоедов все чаще вносит в путевые заметки исторические наблюдения, коротко описывает встреченные «остатки древностей». Иногда включает полемичные раздумья, как, например, о крепости в Инкермане: «Но где брали воду? – Отчего монахи? – Во всяком случае ариане, ибо готфы сперва были ариане <…>» [3, т. 2, с. 330]

Возможно, складывалась у него гипотеза о жизни людей и на Чатырдаге. Особо значимы раздумья об этом в письме к С. Н. Бегичеву из Феодосии от 12 сентября 1825 г., перед отъездом на Кавказ. В письме находим информацию о заключительной поездке в восточный Крым и обобщающие раздумья о крымском путешествии: «Третьего дня (ранним утром 10 сентября 1825 г. – *Л. О.*) я вырвался наконец из дрянного городишка (Симферополя. – *Л. О.*)», – начинает письмо Грибоедов [3, т. 3, с. 99], и далее рассказывает о длинной дороге в Судак. В пути внимательно изучает горизонты: «В несколько часов я прокатился по солнышку до Карасубазаря (Белогорска. – *Л. О.*) и еще станцию далее; справа чернелись верхи Яйл и Чатыр-Дага, потом передовые холмы их заслонили» [3, т. 3, с. 99]. Поздним вечером, преодолев более 100 км, добрался до Судака. «На другой день (вчера) рано побрел к мысу, на котором разметаны Сольдайские руины», – продолжает Грибоедов [3, т. 3, с. 100].

«Сольдайские руины» (генуэзскую крепость) осматривал один, без спутников: одиночество необходимо было при «сближении» «с судьбою давно отошедших». И вот его мысли: «Мирно и почтительно взошел я на пустырь, обнесенный стенами и

обломками башен, цеплялся по утесу, нависшему круто в море, и бережно взобрался до самой вершины, и там башня и свод уцелели. С Чатыр-Дага вид пространнее, но нет признака, чтобы там люди живали, усел город, чтобы стекались в него купцы и странники изо всех частей света, чтобы, наконец, он взят был на щит рассвирепевшим неприятелем и груды камней одни бы свидетельствовали о прежней *величавой его жизни.* Здесь это все есть. И *не приморскими видами я любовался; перебирал мысленно многое, что слыхал и видел* <…> (курсив мой. – *Л. О.*)» [3, т. 3, с. 100].

«Слыхать» и читать об историческом прошлом Тавриды Грибоедов мог немало: с момента присоединения Крыма к России эти вопросы стали самыми актуальными для ученых [13, с. 128–138, 139–184]. Как правило, путешествующие были заряжены стремлением увидеть все своими глазами и высказать собственные предположения по этим вопросам [14, с. 166–169]. Каждая новая публикация о Крыме вызывала немедленный читательский отклик, формировала планы и маршруты путешествий в Крым [16, с. 258–264].

«Когда я сошел сверху к берегу (т. е. с горы Дженевез-Кая, или Генуэзская скала, а также Крепостная гора, где построена Судакская крепость. – *Л. О.*), лошади были приведены с почты, и я поскакал» [3, т. 3, с. 100], – рассказывает Грибоедов в письме Бегичеву об отъезде в сторону Феодосии. Дорогу выбрали через с. Отузы (ныне пгт Щебетовка у сев. подножия Кара-Дага. – *Л. О.*). Расстояние от Судака до Феодосии немалое, 57 км. Поэтому, успев преодолеть 26 км – таково расстояние от Судака до Щебетовки-Отузов – Грибоедов остался здесь на ночлег: «Сюда я прискакал поздно ночью, при лунном сиянии». Местечко ему понравилось: «Самая миловидная полоса этой части Крыма, по мне, *Оттузы*» [3, т. 3, с. 100].

Встав пораньше 12 сентября, он добрался до Феодосии (Кафы), осмотрел исторические строения, а поздно вечером писал Бегичеву: «Нынче обегал весь город, чудная смесь вековых стен прежней Кафы и наших однодневных мазанок. <…> На этом пепелище господствовали некогда готические нравы генуэзцев; их сменили пастырские обычаи мунгалов с примесью турецкого великолепия <…>» [3, т. 3, с. 100–101].

Думается, эти фрагменты из письма к другу не только восстанавливают хронологию поездки Грибоедова по восточному Крыму, но и передают ход его «итоговых» раздумий. Они приближают нас к пониманию цели всего крымского путешествия, объясняют «сосредоточенно-серьезную настроенность», напряженность в постижении крымской географии, природных условий, жизни народов, исторической психологии, судеб цивилизаций, исторических перспектив. Чатырдаг в череде этих раздумий занял особое место. Грибоедов с первых дней пребывания Крыму размышлял о загадке Чатырдага, постигал историко-географическую логику его освоения людьми.

Гипотезы о заселении Чатырдага существовали давно. Строений, остатков жилищ не сохранилось, но археологических находок сделано немало. Новонайденные могильники на юго-восточном склоне горы относят к III в. н. э.; в пещерах находят фрагменты гончарной раннесредневековой керамики, а также таврской керамики VIII-III вв. до н. э.; встречается археологам кремниевый инвентарь и керамика эпохи неолита – ранней бронзы, что говорит о древних стоянках в этих местах 3–4 тыс. лет назад. Найдено на Чатырдаге и позднеантичное святилище на вершине Эклизи-Бурун; на склонах Чатырдага нередки находки ножевидных пластин, осколков кремня – следы жизни человека каменных веков.

Посетив Чатырдаг, Грибоедов уже не сомневался, что гора обживалась в разные исторические эпохи; люди выбирали места, где могли защититься, на яйлах, где была вода, пастбища, пещеры, чтобы укрыться. Он искал «признаки», что на Чатырдаге «люди живали», – но не нашел. В его воображении выросла гипотеза об историческом порядке событий, развитии и «уходе» народов и выразилось это в грустной краткой записи, которую сейчас повторим курсивом и в скобках предложим толкование: «*С Чатыр-Дага вид пространнее* (широкий обзор, возможность издалека заметить неприятеля. – *Л. О.*), *но нет признака, чтобы там люди живали* (следствие давнего оставления этих мест. – *Л. О.*), *усел город* (поселение, «город» «спустился» с безопасных вершин Чатырдага к морю. – *Л. О.*), *чтобы стекались в него купцы и странники изо всех частей света* (чтобы стать богатым торговым портом, как Алушта. – *Л. О.*), *чтобы, наконец, он взят был на щит рассвирепевшим неприятелем*

и груды камней одни бы свидетельствовали о прежней величавой его жизни (но это и погубило город, о чем свидетельствуют руины «величавых» крепостных сооружений Алушты. – *Л. О.*)».

Может быть, перед нами набросок рождающегося исторического сюжета, имевшего внушительный потенциал расширения. И, возможно, в Крыму Грибоедов постоянно возвращалась к этим историческим раздумьям и – Чатырдагу, занявшему особое место в его памяти и воображении.

Издатель журнала «Отечественный записки» П. П. Свиньин, путешествовавший по Крыму в те же сроки, что и Грибоедов, писал: «Почти на Чатыр-Даге встретился я с Александром Сергеевичем Грибоедовым; и сердечно сожалею доселе, что ненастная погода не допустила меня сделать с столь милым товарищем путешествие на вершину сего крымского гиганта, где бы мог он быть лучшим для меня чичеронием, ибо весьма часто посещает из Симферополя высочайшую гору Тавриды, – вероятно, чтоб питаться чистым, горным воздухом, вдохновенным для пламенного воображения поэта-психолога. Александр Сергеевич советует путешественникам, желающим познакомиться с Тавридою, или, так сказать, ориентироваться, предварительно взбираться на сию гору, ибо в хорошую погоду весь полуостров виден с нее как на блюдечке» [9, с. 129].

А. С. Грибоедов был знаком с П. П. Свиньиным еще по Московскому университету. Издатель «Отечественных записок» активно поддерживал Грибоедова, давал высокие оценки «Горю от ума» [23, с. с.179–180; 9, с. 135]. Это дает основание вполне довериться свидетельству П. П. Свиньина, в частности, в том, что посещение Чатырдага стало душевной потребностью «поэта-психолога» и, добавим, «поэта-историка», каким был А. С. Грибоедов.

Список литературы

1. Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области, по ея местоположению и по всем трем царствам природы. – СПб.: Тип. И. Вейтбрехта, 1785. – 198 с.

2. Грибоедов А. С. Полн. собр. сочинений / Под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова. – Т. 3. – Петроград: изд. Разряда изящной словесности Императорской Академии наук, 1917. (Академическая библиотека русских писателей). – 396 с.
3. Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. в 3-х т. / Гл. ред. С. А. Фомичев. – СПб, 1995-2006. Т. 2. Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки. – СПб: «Нотабене», 1999. – 618 с. Т. 3. Письма. Документы. Служебные бумаги. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2006. – 686 с.
4. Демидов Ан. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым, членом Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук и Искусств, Императорского С.-Петербургского университета и Академий Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской. – М.: В типографии Александра Семена, 1853. – 543 с.
5. Душевский В. П., Шутов Ю. И. Чатыр-Даг: Путеводитель. – 3-е изд., доп. и перераб. – Симферополь: Таврия, 1987. 80 с.
6. Е. В. Петухов (1863-1948): Материалы к биографии: коллективная монография / Сост. Л. М. Борисова – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 308 с.
7. Ена В. Г. В горах и на равнинах Крыма (географические экскурсии). – Симферополь: «Таврия». 1973. – 112 с.
8. Ена В.. Ена Ал., Ена Ан. Заповедные ландшафты Тавриды. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. – 424 с.
9. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Изд. подгот.: К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шеремет; науч. ред В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь: ООО «Растр», 2017. – 768 с.
10. Минчик С. С. Грибоедов и Крым: монография. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 275 с.
11. Мицкевич А. Крымские сонеты. Пер. с польского кн. Алексея Кугушева // Вестник Европы. – 1898. – № 4. – С.559.

12. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Ш. Монтандон; пер. с франц. В. В. Орехова. – Киев: Издательский дом «Стилос», 2011. – 416 с.
13. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2017. – 579 с.
14. Орехов В. В. Литературное крымоведение и проблема исторической истины в образовательном процессе // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ, 2017. – С. 164–192.
15. Орехов В. В. Первый путеводитель по Крыму // Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Ш. Монтандон; пер. с франц. В. В. Орехова. – Киев: Изд. дом «Стилос», 2011. С. 10–39.
16. Орехова Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации. Крым в жизни и творчестве А. С. Пушкина. (Материалы Всероссийского форума, посвященного 215-й годовщине со дня рождения поэта, 6–8 июня 2014 г.) // Вестник Псковского государственного университета. Выпуск 1. Серия «Социально-гуманитарные науки». Псков: Псковский государственный университет, 2015. С. 258–265.
17. Орехова Л. А. «Кастель-Приморский»: история и судьбы в архивных документах. Гл.18. «Крымский жанр» в творчестве Н. А. Головкинского // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2009. – № 24. – С. 48–72.
18. Орехова Л. А. Январь 1945 года: юбилей А. С. Грибоедова в Крыму // XIII Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения. Сб. трудов конф. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. С. 33–40.
19. Орехова Л. А., Дубровский А. В. «Жизнь, связанная неразрывно и неизменно с русской высшей школой»: профессор Е. В. Петухов – заведующий кафедрой литературы Крымского пединститута // Ученые записки Крымского федерального

университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 5. – С. 123–145.

20. Орехова Л. А., Дубровский А. В. Профессор Е. В. Петухов в истории Крымского архива // Вестник архивистов Крыма. Вып. 3. – Симферополь: Антиква, 2019. – С. 32–41.
21. Орехова Л. А., Дубровский А. В. Профессор Крымского пединститута Е. В. Петухов и его дневник в фондах ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур. VI Международная научно-практическая конф. (9-11 октября 2018 г.) / Под ред. В. В. Орехова, Е. Я. Титаренко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 23–26.
22. П. С. (Свиньин П. П.) Санкт-Петербургские современные летописи // Отечественные записки. – 1825. – Ч. XXII. № 60. С. 156–187.
23. Паллас Петр Симон. Наблюдения, сделанные во время путешествия по Южным наместничествам русского государства в 1793 – 1794 годах. – М.: Наука, 1999. – 246 с.
24. Петухов Е. В. Грибоедов в Крыму (1825) // Известия Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе. – Т. XII. – Симферополь: Крымиздат, 1947. – С. 177–186.
25. Петухов Е. В. Крым и русская литература. – Симферополь: 1-я Гостиполит. «КПТ», 1927. – 21 с.
26. Сентиментальные путешествия в Тавриду: П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол. / Изд. подг. И. С. Абрамовская, А. А. Охременко; науч. ред. В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2016. – 507 с.
27. Сосногорова М. А. Путеводитель по Крыму для путешественников. / Сост. М. Сосногорова. – Одесса: тип. Л. Нитче, 1871. – 371 с.
28. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду / Павла Сумарокова. – Ч. 1. – СПб., печатано в Императорской типографии, 1803. – 226 с.

29. Шутов Ю. И. Воды Крыма. Научно-популярный очерк. – Симферополь: Таврия, 1979. – 96 с.
30. Щепинский А. А. Красные пещеры: Долгоруковская яйла. – Изд. 2-е. перераб. и доп. – Симферополь: «Таврия», 1987. – 110 с.

References

1. Gablits K. I. *Fizicheskoe Opisanie Tavricheskoi Oblasti, po Eya Mestopolozheniyu i po Vsem Trem Tsarstvam Prirody* [Physical description of the Tauride region, by its location and by all three kingdoms of nature]. St. Petersburg: Tip. I. Veitbrekhta Publ., 1785. 198 p.
2. Griboedov A. S. *Polnoe Sobranime Sochinenii* [Complete works]. Pod red. i primech. N. K. Piksanova. T. 3. Petrograd: izd. Razryada izyashchnoi slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1917. (Akademicheskaya Biblioteka Russkikh Pisatelei). 396 p.
3. Griboedov A. S. *Polnoe Sobranime Sochinenii: v 3-kh t.* [Complete works in 3 volumes]. Gl. red. S. A. Fomichev. St. Petersburg, 1995-2006. T. 2. Dramaticheskie sochineniya. Stikhotvoreniya. Stat'i. Putevye zametki [Dramatic compositions. Poems. Articles. Travel notes]. St. Petersburg: Notabene» Publ., 1999. 618 p. T. 3. Pis'ma. Dokumenty. Sluzhebnye bumagi [Letters. Documents. Service papers]. St. Petersburg: «Dmitrii Bulanin» Publ., 2006. 686 p.
4. Demidov An. *Puteshestvie v Yuzhnuyu Rossiyu i Krym, cherez Vengriyu, Valakhiyu i Moldaviyu, Sovershennoe v 1837 godu Anatoliem Demidovym, CHlenom Imperatorskoi Sankt-Peterburgskoi Akademii Nauk i Iskusstv, Imperatorskogo S.-Peterburgskogo Universiteta i Akademii Parizhskoi, Myunkhenskoi i Stokgol'mskoi* [A journey to southern Russia and Crimea, through Hungary, Wallachia and Moldavia, made in 1837 by Anatoly Demidov, a member of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences and Arts, the Imperial St. Petersburg University and the Academies of Paris, Munich and Stockholm]. Moscow: V tipografii Aleksandra Semena Publ., 1853. 543 p.
5. Dushevskii V. P., Shutov Yu. I. *Chatyr-Dag: Putevoditel'* [Chatyr-Dag: Guide]. 3-e izd., dop. i pererab. Simferopol: Tavriya Publ., 1987. 80 p.

6. *E. V. Petukhov (1863–1948): Materialy k Biografii: kollektivnaya monografiya* [E. V. Petukhov (1863–1948): Materials for biography: collective monograph]. Sost. L. M. Borisova. Simferopol: IT «ARIAL» Publ., 2019. 308 p.
7. Ena V. G. *V Gorakh i na Ravninakh Kryma (Geograficheskie Ekskursii)* [In the mountains and plains of Crimea (geographic excursions)]. Simferopol: «Tavriya» Publ., 1973. 112 p.
8. Ena V., Ena Al., Ena An. *Zapovednye Landshafty Tavridy* [Reserved landscapes of Taurida]. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2004. 424 p.
9. *Krymskii mif v russkoi kul'ture pervoi poloviny XIX v. Svod Maloizvestnykh Svidetel'stv Sovremennikov* [Crimean myth in Russian culture of the first half of the 19th century. A collection of little-known testimonies of contemporaries]. Izd. podgot.: K. V. Borisova, A. V. Koshelev, V. A. Koshelev, L. A. Orekhova, D. K. Pervykh, A. S. Sheremet; nauch. red. V. A. Koshelev. Velikiy Novgorod – Simferopol: OOO «Rastr» Publ., 2017. 768 p.
10. Minchik S. S. *Griboedov i Krym: monografiya* [Griboyedov and Crimea: monograph]. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2011. 275 p.
11. Mitskevich A. *Krymskie Sonety. Per. s Pol'skogo kn. Alekseya Kugusheva* [Crimean sonnets. Translated from the Polish prince Alexei Kugushev]. *Vestnik Evropy*. 1898. № 4. P. 559.
12. Montandon Sh. *Putevoditel' Puteshestvennika po Krymu, Ukrashennyi Kartami, Planami, Vidami i Vin'etami i Predvarennyi Vvedeniem o Raznykh Sposobakh Pereezda iz Odessy v Krym* [Traveler's guide to Crimea, decorated with maps, plans, views and vignettes and preceded by an introduction about different ways of moving from Odessa to Crimea]. Sh. Montandon; per. s frants. V. V. Orekhova. Kiev: Izdatel'skii dom «Stilos» Publ., 2011. 416 p.
13. Orekhov V. V. *V Labirinte Krymskogo Mifa* [In the maze of the Crimean myth]. Simferopol – N. Novgorod: OOO «Rastr» Publ., 2017. 579 p.
14. Orekhov V. V. *Literaturnoe Krymovedenie i Problema Istoricheskoi Istiny v Obrazovatel'nom Protsesse* [Literary Crimean studies and the problem of historical truth in the educational process]. *Sovremennaya Kartina Mira: Krymskii Kontekst: kollektivnaya monografiya*. Simferopol: IT «ARAIL» Publ., 2017. P. 164–192.

15. Orekhov V. V. *Pervyi putevoditel' po Krymu* [The first guide to Crimea]. *Putevoditel' Puteshestvennika po Krymu, Ukrashennyi Kartami, Planami, Vidami i Vin'etami i Predvarennyi Vvedeniem o Raznykh Sposobakh Pereezda iz Odessy v Krym. Sh. Montandon*; per. s frants. V. V. Orekhova. Kiev: Izdatel'skii dom «Stilos» Publ., 2011. P. 10–39.
16. Orekhova L. A. «*Bakhchisaraiskii Fontan» A. S. Pushkina v Literature Puteshestvii po Krymu: Problemy Interpretatsii* ["The Bakhchisarai Fountain" by A. S. Pushkin in Travelling Literature on the Crimea: Problems of Interpretation]. *Vestnik Pskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Sotsialno-Gumanitarnye Nauki»*. Pskov: PGU Publ., 2015. № 1. P. 258–265.
17. Orekhova L. A. *«Kastel'-Primorskii»: Istoriya i Sud'by v Arkhivnykh Dokumentakh. Gl. 18. «Krymskii Zhanr» v Tvorchestve N. A. Golovkinskogo* [«Castel-Primorsky»: history and destinies in archival documents. Chapter 18. «Crimean genre» in the work of N. A. Golovkinsky]. *Istoricheskoe Nasledie Kryma*. Simferopol, 2009. № 24. P. 48–72.
18. Orekhova L. A. *Yanvar' 1945 Goda: Yubilei A. S. Griboedova v Krymu* [January 1945: anniversary of A. S. Griboyedov in Crimea]. *XIII Krymskie Mezhdunarodnye Mikhailovskie Literaturno-Onomasticheskie Chteniya. Sb. trudov konferentsii*. Simferopol: KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2019. P. 33–40.
19. Orekhova L. A., Dubrovskii A. V. *«Zhizn', Svyazannaya Nerazryvno i Neizmenno s Russkoi Vysshei Shkoloi»: Professor E. V. Petukhov – Zaveduyushchii Kafedroi Liteatury Krymskogo Pedinstituta* [«Life is inseparably and invariably connected with Russian higher education»: Professor E. V. Petukhov – Head of the Department of Literature of the Crimean Pedagogical Institute]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta im. V. i. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. 2019. T. 5 (71). № 5. P. 123–145.
20. Orekhova L. A., Dubrovskii A. V. Professor E. V. *Petukhov v Istorii Krymskogo Arkhiva* [Professor E. V. Petukhov in the history of the Crimean archive]. *Vestnik Arkhivistov Kryma.* Vyp. 3. Simferopol: Antikva Publ., 2019. P. 32–41.
21. Orekhova L. A., Dubrovskii A. V. *Professor Krymskogo Pedinstituta E. V. Petukhov i Ego Dnevnik v Fondakh OR IRLI (Pushkinskii Dom) RAN* [Professor of the Crimean

Pedagogical Institute E. V. Petukhov and his diary in the funds of the OR IRLI (Pushkin House) RAS]. *Dialog Kul'tur. Teoriya I Praktika Prepodavaniya Yazykov i Literatur. VI Mezhdunarodnaya Nauchno-Prakticheskaya Konferentsiya (9–11 Oktyabrya 2018 g.)*. Pod red. V. V. Orekhova, E. Ya. Titarenko. Simferopol: IT «ARIAL» Publ., 2018. P. 23–26.

22. P. S. (Svin'in P. P.) *Sankt-Peterburgskie Sovremennye Letopisi* [Saint Petersburg modern chronicles]. *Otechetvennye Zapiski*. 1825. Ch. XXII. № 60. P. 156–187.
23. Pallas Petr Simon. *Nablyudeniya, Sdelannye vo Vremya Puteshcshestviya po Yuzhnym Namestnichestvam Russkogo Gosudarstva v 1793–1794 Godakh* [Observations made during a trip to the Southern governorships of the Russian state in 1793-1794]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 246 p.
24. Petukhov E. V. *Griboedov v Krymu (1825)* [Griboyedov in Crimea (1825)]. *Izvestiya Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze*. T. XII. Simferopol: Krymizdat Publ., 1947. C. 177–186.
25. Petukhov E. V. *Krym i Russkaya Literatura* [Crimea and Russian literature]. Simferopol: 1-ya Gostipolit. «KPT» Publ., 1927. 21 p.
26. *Sentimentyl'nye Puteshestviya v Tavridu: P. I. Sumarokov, I. M. Murav'ev-Apostol* [Sentimental travels to Taurida: P. I. Sumarokov, I. M. Muravyev-Apostol]. Izd. podg. I. S. Abramovskaya, A. A. Okhremenko; nauch. red. V. A. Koshelev. Velikiy Novgorod – Simferopol – N. Novgorod: OOO «Rastr» Publ., 2016. 507 p.
27. Sosnogorova M. A. *Putevoditel' po Krymu Dlya Puteshestvennikov* [Crimea travel guide for travelers]. Sost. M. Sosnogorova. Odessa: tip. L. Nitche Publ., 1871. 371 p.
28. Sumarokov P. I. *Dosugi Krymskogo Sud'i, ili Vtoroe Puteshestvie v Tavridu* [Leisure of the Crimean judge, or the Second trip to Tavrida]. Ch. 1. St. Petersburg, pechatano v Imperatorskoi tipografii Publ., 1803. 226 p.
29. Shutov Yu. I. *Vody Kryma. Nauchno-Populyarnyi Ocherk* [The waters of the Crimea. Popular science essay]. Simferopol: «Tavriya» Publ., 1979. 96 p.
30. Shchepinskii A. A. *Krasnye Peshchery: Dolgorukovskaya Yaila* [Red caves: Dolgorukovskaya yayla]. Izd. 2-e. pererab. i dop. Simferopol: «Tavriya» Publ., 1987. 110 p.

CHATYRDAG AS AN OBJECT OF GEOGRAPHICAL AND HISTORICAL INTERESTS A. S. GRIBOEDOV

Orekhova L. A.

A. S. Griboyedov was a diplomat. He assessed any geographical characteristics of the area from the point of view of historical retrospective and perspective, from the point of view of the role of this area in the «movement of peoples», their economic activities, etc. This approach allowed Griboyedov to accurately understand the meaning of historical events and predict the prospects of the region. Griboyedov is the author of the famous phrase about the times of «Ochakov and the conquest of the Crimea». In the summer of 1825, he undertook a trip to the Crimea with an educational purpose. During the travel period, he devoted a lot of time to historical reflections ("I didn't admire the seaside views," "I thought about many subjects"). Griboyedov's special attention was drawn to the Crimean mountain Chatyrdag. We analyzed Griboyedov's travel notes. This analysis testifies that from the first days of his stay in Crimea, the writer pondered about the riddle of Chatyrdag, looked for the geographical and historical logic of the development ("habitation") of Chatyrdag in antiquity, although he did not find obvious traces of human habitation. Griboyedov had no doubt that the mountain was inhabited in different historical periods. He believed that people found here places where they could defend themselves from enemies, where there was water (on the slopes of Chatyrdag there is a powerful spring Ayan), where there are pastures, caves, where you can find shelter. According to Griboyedov, the ancient inhabitants of Chatyrdag gradually "descended" to the sea, "settled" on the coast ("the city sat down"). On the coast, these people founded the rich city of Alushta, which was later destroyed many times by "fierce enemies". According to Griboyedov, only ruins («piles of stones») testify «to the former stately life of the city».
Keywords: A. S. Griboyedov, Crimean Notes, Chatyrdag, literary Crimean studies, Red Caves, Alushta.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 206–220.

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070

КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМИДЖА РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА В ОНЛАЙН-СМИ

Исследование частично выполнено за счет гранта Фонда поддержки молодых ученых ЧелГУ (приказ № 68-1 от 04.02.2020)

Грошева А. В., Киуру К. В.

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»,
Челябинск, Россия
E-mail: ala.grosheva@yandex.ru, kkiuru@mail.ru

В статье рассматривается символическая составляющая имиджа регионального политика, а именно: с помощью концептологического анализа исследуется массив текстов о губернаторах двух регионов, опубликованных в областных онлайн-изданиях, с конца марта 2020 года по конец мая 2020 года. Критерием отбора материалов стало присутствие лексем с ключевым словом «госуд*», поскольку центральным концептом для анализа выбрано «государство». Материалом для исследования выбраны тексты двух региональных онлайн-изданий: 74.ru и E1.ru.
Исследователи с помощью основных словарей русского языка восстанавливают общеязыковую картину мира: в массовом сознании концепт имеет ярко выраженную эмоциональную и оценочную окраску, в основном, негативную. Государство воспринимается как нечто враждебное, обезличенное, только мешающее гражданам. При этом отметим тот факт, что в массовом сознании отсутствует образный компонент исследуемого концепта, что, на наш взгляд, может говорить о нежелании рефлексировать данное понятие и отождествлять себя с ним.
Дискурсивная реализация концепта показывает несколько иную картину: если на сайте E1.ru публикаций, отвечающих заданным критериям довольно много, мы можем ранжировать их по смыслам (ядерная и периферийная зоны), то на 74.ru их крайне мало, что ранжировать и невозможно. В целом, в данных публикациях не прослеживается слишком яркой эмоционально-оценочной составляющей, как и оппозиции «регион – федеральная власть», региональный политик, скорее, продолжает политику федеральной власти, а не дистанцируется от мира большой политики.
Ключевые слова: концепт, государство, политико-институциональные концепты, региональные СМИ, коронавирус, символический имидж, аксиология журналистики

ВВЕДЕНИЕ

За последние 10 лет сфера политики претерпела колоссальные изменения в сфере взаимодействия с медиа, аудиторией. В эпоху активного развития онлайн-медиа все чаще стирается институциональная грань, меняется и сама роль политического лидера, а вместе с ним и подход к освещению политической сферы.

На сегодняшний день все чаще материалы о политике сводятся к обсуждению личной жизни политиков и/или скандалов, не имеющих связи с идеологической сутью какого-либо политического течения, т.е. мы можем говорить о том, что на смену политике приходит такое явление, как политеймент. В таком случае вопрос имиджа в медиа является практически первостепенным для любого политика, поскольку благодаря правильно сформированному имиджу можно идеализировать положительные черты индивида и нивелировать недостатки [12, с. 260–261]. Однако в то же время нельзя не учитывать и тот факт, что во времена активной экспликации онлайн-СМИ и социальных медиа вторжение в личную жизнь публичной персоны возросла в разы, что требует постоянной мобилизации со стороны индивида и его команды.

Среди известных характеристик имиджа, а именно: персональных, символических и социальных – мы обратим внимание на символические – приверженность какой-либо идеологии, идеям, т.е., иными словами, именно в символических характеристиках имиджа проявляется ценностная составляющая транслируемых взглядов. В первую очередь ценностная составляющая имиджа проявляется в речи индивида, однако в настоящее время сложно говорить о непосредственном обращении к аудитории, чаще всего коммуникация происходит с помощью медиа. В силу подобного посредничества мы можем говорить о новой институализации политического дискурса, когда посредник исчезает только в комментариях к какой-либо публикации, а возможность личного взаимодействия между аудиторией и непосредственным героем материала отсутствует, несмотря на то, что в интернет-среде теряется статусно-ролевая составляющая, присущая институциональному дискурсу, на передний план, по идее, в паре «индивид-институт» должен выйти индивид. Назвать онлайн-взаимодействие лишенным посредничества в полной мере невозможно, т.к. зачастую общение возможно только между пользователями, а не избирателями и политиком, более того, в интернет-среде невозможно быть уверенным, что общение происходит именно с героем материала, если это не видеосвязь.

Ввиду того что на сегодняшний день онлайн-медиа являются одним из самых распространенных каналов массовой коммуникации, мы считаем актуальным рассмотреть то, как формируется в них имидж регионального политика, поскольку политическая сфера не может существовать без политических лидеров, либо, скорее, без искусственно созданных образов политических лидеров, можно говорить о том, что наиболее важным умением и капиталом для любого политика стало умение вести себя на публике и правильно общаться с представителями СМИ [1, с. 8–9].

В данной статье, как уже говорилось выше, мы сосредоточим внимание на символической составляющей имиджа, поскольку именно эта характеристика напрямую связана с идеологией и культурой, помогает аудитории понять программу действий того или иного политического лидера: это и набор архетипических черт, политическая программа (социально-экономическая позиция), мировоззрение, сюда же обязательно входит совпадение методов реализации заявленной программы как у политика, так и у электората. Также одна из наиболее важных составляющих символической характеристики имиджа – позиция политика в социально значимых вопросах [5].

Ввиду прямой взаимосвязи символической характеристики имиджа с культурой считаем актуальным проанализировать имидж регионального политика на материале областных онлайн-СМИ с позиции аксиологии журналистики. Данное направление так же появилось недавно, поэтому мы тоже можем говорить о том, что исследователям еще только предстоит разработать его полноценный теоретико-методологический аппарат.

Основополагающим научным трудом для вышеназванного направления считается коллективная монография «Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины», изданная 2009 году под редакцией В. А. Сидорова, в которой предпринята попытка систематизировать все имеющиеся знания о данной дисциплине на тот момент.

Также В. А. Сидоров акцентирует внимание на том, что понятие аксиологии журналистики должно быть конкретизировано, так как иначе его будут воспринимать

как философское понятие, трактовать как деонтологическую составляющую работы журналиста, которые можно соблюдать сиюминутно [10].

В. Ю. Меринов в своем исследовании говорит о нескольких направлениях в функционале аксиологии журналистики: общетеоретическое (разработка теоретико-методологического аппарата), ценностно-регулятивное (разработка правил и норм этики для журналистов), медиакритика и журналистское образование (соответствие/несоответствие профессиональным и этическим стандартам), аксиологическая медиалингвистика (изучение лексико-стилистических аспектов журналистских текстов), дискурсивный подход (здесь изучаются, в основном политические медиатексты), экономико-аксиологический аспект (влияние/взаимодействие экономической системы и информационного общества), историко-идеологический подход (изучение мировоззренческих концепций), социально-аксиологическое (влияние медиа на ценностную составляющую общества). Сам ученый говорит о том, что наиболее перспективным, на его взгляд, подходом следует считать культурно-исторический, так как в его рамках можно изучить роль медиа в формировании идентичности и трансляцию/ретрансляцию ценностей в массмедийных текстах [6, с. 140–141].

Развивая вышеперечисленные тезисы, З. А. Милославская полагает, что на сегодняшний день аксиология журналистики может стать новой методологией изучения вопросов и проблематики различных медиапрактик, поскольку других способов изучения медиареальности в резко изменившемся социуме в данный момент нет [7, с. 5].

Как мы уже писали выше, у аксиологии журналистики пока что не разработан методологический аппарат, и поэтому данная дисциплина использует методологии других направлений. В частности, в аксиологии журналистики применяются методы другой относительно молодой науки – лингвоконцептологии, постулаты которой совпадают с задачами аксиологии журналистики.

Основным методологическим инструментом лингвоконцептологии считается концепт, который С. Г. Воркачев определяет как «совокупность существенных признаков предмета, погруженная в культуру и язык» [2], поскольку концепт всегда

неразрывно связан с языком, культурой, то мы можем говорить о том, что концепт обладает ценностной составляющей.

При исследовании семантической составляющей концепта необходимо воссоздать его общеязыковую модель, то есть изучить концепт в наивной картине мира, для этого мы будем использовать метод словарных дефиниций с помощью основных словарей русского языка. Затем полученная модель сопоставляется с дискурсивной моделью.

Также для лучшего понимания и отображения ранжирования транслируемых смыслов концепта мы обратились к полевому принципу организации концепта: концептуальное поле образовано множеством различных смыслов, которые в большей или меньшей степени будут соотноситься с именем концепта, таким образом, исследователи выделяют ядерную (или базовую) зону, околоядерную и периферийную. При этом обязательное наличие всех трех зон/полей не считается обязательным условием, так как их присутствие будет зависеть от самих транслируемых смыслов, от их частотности проявлений.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В нашем исследовании мы предлагаем сопоставить имидж двух региональных политических лидеров: губернатора Челябинской области Алексея Леонидовича Текслера и губернатора Свердловской области Евгения Владимировича Куйвашева в наиболее проблемный период пандемии Covid-19, т.е. с марта по май (30.03.2020–31.05.2020). Таким образом, мы охватываем временной промежуток от объявления режима повышенной готовности (самоизоляции) в обеих областях до конца наиболее жестких запретов и ограничений.

В качестве материала исследования мы выбрали два наиболее популярных и крупных онлайн-СМИ в вышеназванных регионах: 74.ru и E1.ru. С помощью функции «поиск» на сайтах изданий были отобраны материалы с тегами #АлексейТекслер (74.ru) – 3449 публикаций и #ЕвгенийКуйвашев (E1.ru) – 3896 публикаций. Затем с помощью фильтров был задан временной промежуток с 30.03.2020 по 31.05.2020, после чего публикаций под тегом #АлексейТекслер

осталось 1134, #ЕвгенийКуйвашев – 2337. Публикации были отобраны методом сплошной выборки, далее с помощью контент-анализа были определены ключевые лексемы в найденных статьях. Такими лексемами стали: «государство» (8567 упоминаний), «власть» (7568 упоминаний), «губернатор» (6387 упоминаний), «помощь» (5600 упоминаний) и т.д. Опираясь на представленные данные, можно говорить о том, что данные лексемы могут считаться ключевыми концептами в публикациях о губернаторах двух регионов, а их ценностно-смысловая составляющая войдет в основные характеристики символической составляющей имиджа политиков, поскольку позволит понять аудитории их позицию в наиболее важных и острых вопросах.

В нашей статье для анализа будет выбран один концепт – государство, т.к. именно данная лексема встречается чаще других в текстах обоих онлайн-изданий в материалах о губернаторах, к тому же, занимает главное место среди концептов политического дискурса. Именно этот политический институт всегда является оппозицией гражданскому обществу.

Для начала необходимо воссоздать узуальную (общеязыковую) модель концепта.

Ядерную зону, которую воспроизводят с помощью толковых словарей, концепта «государство» вошли следующие смыслы: «политическая организация общества», «страна с определенной политической системой», «большая территория, обладающая самостоятельностью» [4, с. 137].

Для ядерной зоны, как мы можем наблюдать, характерны нейтральные смыслы, обозначающие территорию, обладающую суверенитетом и устоявшимся политическим режимом.

Околоядерную зону восстанавливают с помощью этимологических словарей, словообразовательных и ассоциативных. Мы выявили следующие смыслы исследуемого концепта: государство образовано от общеславянского слова «господарь», которое, в свою очередь, происходит от слова «государь», корни которого отсылают к слову «господин», означавшее «хозяин», «владелец» [9].

Лексема «государство» имеет довольно маленькое словообразовательное гнездо, образует прилагательные и наречия [11, с. 125].

В ассоциативном словаре Ю. Н. Караулова зафиксированы не совсем типичные для современных россиян реакции на стимул «государство», которые связаны с разрушением давно сложившейся политической и экономической системы, резкими переменами в обществе и идеологии, что не могло не отразиться на ментальности [3]. В 2014 году А. В. Никитин повторил эксперимент Ю. Н. Караулова среди студентов Санкт-Петербургского государственного университета и выявил довольно много (не единичных) реакций, указывающих на персонализацию и/или монополию на власть, имперский характер власти, разочарование граждан в государственной политике [8].

Мы можем наблюдать, что для околоядерной зоны, в основном, характерны либо нейтральные значения, либо негативно окрашенные, при этом отметим, что, так или иначе, все значения, вошедшие в данную зону, обозначают монополию на власть, персонифицированное начало государственной власти, при том, что совершенно неважно, монархическое это государство или с республиканской формой правления.

Периферийная зона концепта определяется с помощью словарей эпитетов, метафор, словарей пословиц и поговорок. Это так называемая образная составляющая концепта. Анализ словарных дефиниций показал, что лексема «государство» отсутствует в каком-либо виде в вышеназванных словарях. Возможно, это связано с тем, что для образной составляющей важна рефлексия со стороны граждан, однако, как мы видим даже из этимологического словаря и ассоциативного словаря, лексема «государство» зачастую связана либо с конкретным политическим лидером, либо формой правления, идеологией. Также можно предположить, что данная лексема нейтральна и не жизнеспособна для повседневной жизни, и в повседневном бытовом общении ее заменяют более эмоционально окрашенными синонимами.

Получается, что в общеязыковой модели концепта государство – это территориальное образование, обладающее независимостью и обособленностью, с выстроенным политическим режимом, причем чаще всего эта власть монополизирована, а само государство воспринимается как «очень сложная

система», которая мало обращает внимание на граждан, в основном, осуществляет карательные меры против внешних и внутренних врагов.

Перейдем к анализу дискурсивной модели концепта. На сайте онлайн-издания E1.ru были выявлены следующие значения в ядерной зоне

1. Государство – то же, что и страна;
2. Государство – составная часть названия, лозунга, должности, репрезентующего определенную идею.

Отметим, что значения, зафиксированные в данной зоне, в основном, отражены в публикациях о президенте – «главе государства», который принял/одобрил какое-либо решение, либо заслушал отчет губернатора о положении дел в регионе и дал указания исправить тот или иной недочет. Примерно такая же картина в материалах из второй семантической подгруппы, особенно часто упоминается государственная трудовая инспекция, в которую советуют обращаться гражданам, пострадавшим от недобросовестных работодателей, как губернатор, так и президент.

Околоядерную зону, в основном, составили значения, связанные с отчетами об оказании помощи больным коронавирусом, предоставлении помощи малоимущим, потерявшим работу, малому бизнесу и т.д.

1. Государство – особая форма собственности;

2. Государство – синоним гаранта.

Также нельзя не отметить, что публикации из вышеназванных семантических подгрупп больше похожи либо на сухие отчеты, либо на упреки граждан за то, что они пытаются добиться от государства компенсаций и/или льгот.

Периферийная зона представлена следующими значениями:

1. Государство – организация, распределяющая помощь и блага;
2. Государство – организация, которая считает обузой граждан;
3. Государство – особая форма отчетности.

Отметим, что именно в периферийной зоне начинает проявляться оценочная окраска концепта «государство»: в публикациях упоминается о недовольстве граждан бездействием региональной и федеральной власти, указывается, что меры поддержки населения неэффективны и предложены «для галочки», а само

государство в лице президента или губернатора не интересуются настоящими проблемами и нуждами граждан, т.к. им важнее отчитаться перед вышестоящими инстанциями или создать определенный имидж стране/региону.

В дискурсивной реализации на сайте онлайн-издания E1.ru концепт «государство» отчасти в ядерной зоне сохраняет те же значения, что в ядерной зоне общеязыковой модели: территориальное образование, обладающее суверенитетом, во главе которой стоит президент, однако при этом отчасти прослеживается связь с околоядерной и периферийной зоной узуальной модели – само понятие «государство» персонифицировано, понимается не как отдельная единица, а как страна под управлением конкретного индивида. В то же время появляется группа значений, связанная с государственным и/или чиновничьим аппаратом – командой главы государства. Периферийная зона сохраняет отрицательную окраску концепта, однако оценочность в данном случае прослеживается не так явно.

Перейдем к анализу дискурсивной модели на сайте 74.ru, где были выявлены следующие значения:

1. Государство – особая форма собственности;
2. Государство – то же, что и страна;
3. Государство – составная часть названия, должности, лозунга, учреждения, репрезентующего определенную идею;
4. Государство – социальный гарант.

В данном случае невозможно разделить выделенные семантические группы на ядерную, околоядерную и периферийную зоны, поскольку исследуемый концепт представлен равномерно. Также невозможно говорить о какой-либо эмоциональной окраске концепта, оценочности. Концепт «государство» представлен нейтрально, причем отметим, что может создаваться впечатление, что контексты с данным концептом специально представлены в таком ключе. Тон материалов ровный, довольно официальный, даже если речь идет об ответах губернатора на комментарии пользователей, в то время как сообщения с вопросами для губернатора Свердловской области содержат довольно много негативной окраски в характеристиках

государства и главы региона как неэффективного и непопулярного лидера, поддерживающего данную политику.

Кроме того, стоит отметить, что в одной из публикаций показана позиция Алексея Текслера как регионального политика: на вопрос будет ли он оформлять выплату на своего ребенка, Алесей Леонидович отвечает, что не видит в этом смысла, т.к. его доход позволяет не делать этого, что еще один раз подчеркивает созданную дистанцию между Текслером как представителем региона и государства. При этом если в публикациях о Куйвашеве прослеживается явная связь регионального политика и страны, в целом, подчеркивается, что Евгений Владимирович неукоснительно выполняет ряд поручений федеральной власти (однако в то же время жители Свердловской области считают, что он точно так же их обманул, либо наоборот лишь делает вид, что исполняет указы и поручения президента), то в публикациях об Алексее Леонидовиче практически не упоминается государство и президент, это делается лишь в исключительных случаях. Ввиду этого концепт «государство» в материалах издания 74.ru практически отсутствует в публикациях о губернаторе Челябинской области, как и явная оппозиция «регион – государство», концепт теряет смысловую наполненность из-за подобной нейтрализации, становится почти бесцветным и пустым. Можно сказать, что при некоторых сохраненных смыслах теряется их ценностно-смысловая, оценочная составляющая. Подобная оппозиция встречается не раз в публикациях о губернаторе на данном портале.

ВЫВОДЫ

Рассмотрев дискурсивную реализацию концепта «государство» в региональных медиа о губернаторах Челябинской и Свердловской области, можно говорить о следующих выводах:

- дискурсивная модель концепта в обоих изданиях, в целом, не настолько эмоционально окрашена и не обладает ярко выраженной оценочностью;
- в дискурсивной модели нет явного противопоставления региона и государства, федеральной и областной власти, наоборот, прослеживается

преемственность и соблюдение субординации (глава государства дает поручения главе региона, глава региона отчитывается о происходящем в области и т.д.).

Если говорить о различиях в дискурсивной реализации, то, прежде всего, они проявляются в ранжировании выявленных смыслов: в материалах на сайте E1.ru прослеживается и ядерная, и периферийная зоны, на 74.ru ранжировать выявленные смыслы невозможно, поскольку в каждой из групп их примерно поровну. В публикациях о Евгении Куйвашове даже сама лексема «государство» упоминается намного чаще: губернатор и/или жители региона апеллирует к федеральной власти, форма собственности, чиновничий аппарат и т.д. При этом отметим, что в том случае, если в статье акцент сделан не на губернаторе, то в них всегда будет обязательно указание на бездействие региональных политиков и чиновников и их нежелание исполнять указы и поручения главы государства, которые направлены на улучшение жизни граждан во время пандемии, когда многие потеряли заработок. Однако в то же время показано, что губернатор ничем не может помочь, потому что федеральная власть ограничивает круг лиц, которым может быть оказана помощь: создается ложная оппозиция «регион – федеральная власть».

В материалах об Алексее Текслере на 74.ru концепт «государство» представлен весьма скудно, однако нет даже ложной оппозиции «регион – федеральная власть»: всячески подчеркивается, что губернатор действует самостоятельно, дистанцируется от мира большой политики. Для него важно показать, что он – хозяин региона, но в то же время в данных материалах нет как такового эффекта присутствия Текслера во всех сферах жизни региона, более того государство не представлено как что-то враждебное по отношению к области, а, наоборот, подчеркивается, что государство призвано помогать жителям региона.

Применение концептологического анализа для исследования имиджа регионального политика позволяет более пристально рассмотреть, какие ценности транслирует непосредственно сам индивид, а также как ретранслируются ценностно-смысловые аспекты его выступлений в медиа.

Список литературы

1. Васильковская, Д. М. Политический имидж в контексте виртуальной политической реальности [Текст] / Д. М. Васильковская // Тоталитаризм и тоталитарное сознание : материалы 14-й ежегодной городской науч.-практич. конф. ; под ред. В. С. Шутова. – Томск : КИТ, 2012. – С. 7–11.
2. Воркачев, С. Г. «Куда ж нам плыть» – лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития [Электронный ресурс] / С. Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2010. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/vorkachev-10a.htm. – (Дата обращения: 03.09.2020).
3. Караулов, Н. Ю. Русский ассоциативный словарь: от стимула к реакции [Текст] / Н. Ю. Караулов. – Москва, 1996. – 784 с.
4. Кузнецов, С. А. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / С. А. Кузнецов. – Москва: изд-во Норинт, 2000. – 1536 с.
5. Лисофский, С. Ф. Коммуникативная сущность политической рекламы [Электронный ресурс] / С. Ф. Лисофский // Политическая реклама. – Москва : ИВЦ «Маркетинг», 2000. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text7/03.htm. – (Дата обращения: 15.09.2020).
6. Меринов, В. Ю. Нравственные основания журналистики [Текст] / В. Ю. Меринов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Наука. Право». – 2017. – № 3 (252). – С. 140-144.
7. Милославская, З. А. Современный текст средств массовой коммуникации в аспекте аксиологии журналистики [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.10 / З. А. Милославская. – Москва, 2018. – 24 с.
8. Никитин, А. В. Концепт «государство» в истории, культуре и языке [Текст] / А. В. Никитин // Перевод. Язык. Культура: сборник материалов V Междунар. заочной науч.-практич. конф. / отв. ред. Е. В. Дворецкая. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 43–51.

9. Семенов, А. В. Этимологический словарь русского языка: русский язык от А до Я [Текст] / А. В. Семенов. – Москва : ЮВЕНТ, 2003. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text15/001.htm. – (Дата обращения: 13.09.2020).
10. Сидоров, В. А. Ценностный анализ в журналистике: время и метод [Электронный ресурс] / В. А. Сидоров // Global Media Journal. Российское издание. – 2011. – Т. 2. № 1. – Режим доступа: http://www.gmj.sfedu.ru/v2i1/v2i1_sidorov.htm. – (Дата обращения: 10.09.2020).
11. Тихонов, А. С. Словообразовательный словарь русского языка [Текст] / А. С. Тихонов. – Москва, 1990. – 856 с.
12. Халитова, Е. Ю. Политический имидж в теории и практике политической науки [Текст] / Е. Ю. Халитова, Е. А. Слинько // Актуальные проблемы образования: цели, задачи и перспективы развития : материалы 16-й Всеросс. науч.-практич. конф. ; редкол.: Е. С. Подвальный [и др.]. – Воронеж : Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018. – С. 259–263.

References

1. Vasil'kovskaya D. M. *Politicheskii Imidzh v Kontekste Virtual'noi Politicheskoi Real'nosti* [Political Image in the Context of Virtual Political Reality]. Totalitarizm i Totalitarnoe Soznanie: Materialy 14-i Yezhegodnoi Gorodskoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii. Tomsk: KIT Publ., 2012. P. 7–11.
2. Vorkachev S. G. *Kuda zh Nam Plyt' – Lingvokul'turnaya Kotsceptologiya: Sovremennoe Sostoyanie, Problemy, Vektor Razvitiya* [Where Should We Sail – Linguocultural Conceptology. Current State, Problems, Vector of Development]. Jazyk, Kommunikatsiya i Sotsial'naya Sreda, 2010. Available at: http://www.philology.ru/linguistics2/vorkachev-10a.htm. (accessed 03 September 2020).
3. Karaulov N. Yu. *Russkii Associativnyi Slovar': Ot Stimula k Reaktsii* [Russian Associative Dictionary. From Stimulus to Reaction]. Moscow, 1996, 784 p.

4. Kuznetsov S. A. *Sovremennyi Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Norint Publ., 2000, 1536 p.
5. Lisofskii S. F. *Kommunikativnaya Sushhnost' Politicheskoi Reklamy* [The Communicative Essence of Political Advertising]. Politicheskaya Reklama, 2000. Available at: http://evartist.narod.ru/text7/03.htm. (accessed 15 September 2020).
6. Merinov V. Yu. *Nravstvennye Osnovanyja Zhurnalistiki* [Moral Foundations of Journalism]. Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Ffilosofiya. Nauka. Pravo, 2017, no 3 (252), pp. 140–144.
7. Miloslavskaya Z. A. *Sovremennyi Tekst Sredstv Massovoi Kommunikatsii v Aspekte Aksiologii Zhurnalistiki: Avtoref. Dis. … Kand. Filol. Nauk* [The Modern Text of Mass Media in the Aspect of the Axiology of Journalism. Abstract of Thesis]. Moscow, 2018.
8. Nikitin A. V. *Koncept Gosudarstvo v Istorii, Kul'ture i Yazyke* [The Concept State in History, Culture and Language]. Perevod. Yazyk. Kul'tura: Sbornik Materialov V Mezhdunarodnoi Zaochnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii. St. Petersburg, 2014. Pp. 43–51.
9. Semenov A. V. *Jetimologicheskii Slovar' Russkogo Yazyka: Russkii Yazyk ot A do Ja* [Etymological Dictionary of the Russian Language: Russian from A to Я]. Moscow: Juvent Publ., 2003. Available at: http://evartist.narod.ru/text15/001.htm. (accessed 13 September 2020).
10. Sidorov V. A. *Tsennostnyi Analiz v Zhurnalistike: Vremya i Metod* [Value Analysis in Journalism. Time and Method]. Global Media Journal. Rossiiskoe Izdanie, 2011, vol. 2, no 1. Available at: http://www.gmj.sfedu.ru/v2i1/v2i1_sidorov.htm. (accessed 10 September 2020).
11. Tikhonov A. S. *Slovoobrazovatel'nyi Slovar' Russkogo Yazyka* [Word-Formation Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1990. 856 p.
12. Khalitova Ye. Yu., Slin'ko Ye. A. *Politicheskii Imidzh v Teorii i Praktike Politicheskoi Nauki* [Political Image in Theory and Practice of Political Science]. Aktual'nye Problemy Obrazovaniya: Tseli, Zadachi i Perspektivy Razvitiya: Materialy 16-i Vserossiiskoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii. Voronezh: Voronezh Branch of the Russian

Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation Publ., 2018. Pp. 259–263.

CONCEPTOLOGICAL ANALYSIS OF THE REGIONAL POLITICIAN IMAGE IN ONLINE MEDIA DURING THE PANDEMIC COVID-19 PERIOD

The study 1/2 was carried out within the framework of a grant from the Fund for Support of Young Scientists of ChelSU, order No. 68-1 of 04.02.2020

A. V. Grosheva, K. V. Kiuru

The article examines the symbolic component of the image of a regional politician, namely an range of texts about the governors of two regions in regional online mass medias from the end of March 2020 to the end of May 2020 is examined with the help of conceptological analysis. The criterion for the selection of materials was the presence of lexemes with the keyword *gosud**, since the central concept for the analysis was state. The material for the research was selected from the texts in two regional mass medias: 74.ru and E1.ru.

Researchers with the help of the main dictionaries of the Russian language restore the general linguistic picture of the world. In the mass consciousness, the concept has a pronounced emotional and evaluative coloration, mainly negative. The state is perceived as something hostile, impersonal, only interfering with citizens. At the same time, the fact is noted that in the mass consciousness there is no figurative component of the concept under study, which, in our opinion, may indicate an unwillingness to reflect on this concept and identify with it.

The discursive implementation of the concept shows a slightly different picture. If there are quite a few publications on the E1.ru website that meet the given criteria, we can rank them according to their meanings (nuclear and peripheral zones), then on the 74.ru website there are very few of them, which is impossible to rank. In general, these publications do not show too vivid emotional and evaluative component, as well as the opposition region – federal government. The regional politician continues the policy of the federal government, and does not depend on the world of big politics.

***Keywords*:** concept, state, political and institutional concepts, regional media, coronavirus, symbolic image, axiology of journalism

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 221–240.

УДК 070:316.775.2

ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОГРАММ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕЛЕКАНАЛОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. СЕВАСТОПОЛЯ)

Егорова Л. Г.[1], Цилимецкая К. А.[2]

[1] ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия
[2]Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: legora@list.ru, sev-tv@mail.com

В данной статье представлен анализ контента, выпускаемого севастопольскими телекомпаниями и студиями. На основе данных Роскомнадзора авторы приводят перечень телеканалов г. Севастополя, описывают тематику и жанровые особенности их телепередач. Основными методами исследования стали мониторинг эфира телеканалов и контент-анализ. Телевизионное пространство Севастополя неоднородно. На медиарынке города присутствуют как государственные, так и частные телеканалы. Авторы демонстрируют, как в зависимости от формы собственности и целей учредителей меняется редакционная политика телеканалов и тематическая направленность передач. Так, государственные телеканалы больше освещают деятельность исполнительной и законодательной ветвей власти города. Частные телеканалы затрагивают проблемные вопросы населения с определенной критикой в адрес власти. Основу эфира составляют информационные и общественно-политические программы, самые распространенные жанры – интервью и новости. Отдельно описывается видеоконтент производства двух организаций, не зарегистрированных как отдельные СМИ. Это филиал ВГТРК – ГТРК «Севастополь» и телестудия Черноморского Флота Российской Федерации.
***Ключевые слова*:** программа, телеканал, телевизионный эфир, Севастополь, вещание, контент.

ВВЕДЕНИЕ

За 23 года в составе Украины на территории Крыма и Севастополя сформировалось собственное медиапространство, которое после воссоединения с Россией в 2014 году начало трансформироваться, особенности этой трансформации успешно изучаются учеными [1; 10; 16]. Цель настоящего исследования – представить анализ контента, выпускаемого севастопольскими телекомпаниями и студиями. Актуальность темы обусловлена тем, что на сегодняшний день исследования, в которых представлена детальная характеристика контента и структуры вещания севастопольских телеканалов, практически отсутствуют.

Нами были проанализированы программы севастопольских телеканалов, выданные в эфир в период с 2018 по 2020 год, всего 66 циклов передач. В том числе более 250 выпусков новостей, более 90 спецрепортажей и спецпроектов, около 80

студийных интервью, более 100 выпусков аналитических программ, около 70 выпусков познавательных и культурологических программ, а также 10 документальных фильмов. В результате мы получили исчерпывающую картину, отражающую современное состояние регионального телевидения Крыма и Севастополя.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

На территории города Севастополя, согласно данным, полученным из реестров Роскомнадзора [11] по состоянию на 01.03.2020 г., действующие свидетельства о регистрации СМИ имеют четыре телеканала (государственные и частные). Два государственных телеканала: «Севастопольское телевидение» (СТВ) [14] и «Севастополь 24» [13] – входят в медиахолдинг на базе ГАУ С «Севастопольская телерадиокомпания». Телеканалы «Независимое телевидение Севастополя» («НТС») [7] и «Первый Севастопольский» [9] учреждены юридическими лицами с частной формой собственности и финансируются частными инвесторами [16, с. 25]. Внимания также заслуживают две организации, которые не зарегистрированы как самостоятельные средства массовой информации, однако ведут полноценную работу по производству видеоконтента. Это филиал ВГТРК – ГТРК «Севастополь» (который помимо производства контента осуществляет региональные врезки в эфир федерального телеканала «Россия 1») [2], а также телестудия Черноморского флота Российской Федерации [15].

Дадим характеристику каждому из телеканалов.

«Севастопольское телевидение» («СТВ») – первый телеканал города. Его история начинается в 1991 году [4]. Именно поэтому телевидение у многих севастопольцев четко ассоциируется с телеканалом «СТВ». Основу его эфира составляют новости, общественно-политические, культурно-просветительские и познавательные программы. Телеканал осуществляет эфирное цифровое вещание 24 часа в сутки в составе третьего мультиплекса на всей территории Крыма и цифровое вещание в кабельных сетях севастопольских провайдеров, а также является

обязательным общедоступным каналом субъекта, то есть занимает место на «21-й кнопке». После возвращения Севастополя в состав России телеканал три раза осуществлял масштабный ребрендинг – от смены названия и логотипа до закупки нового оборудования и полного переоформления студии. В январе 2015 года вместо привычного «СТВ» в эфир выходит «Информационный телеканал Севастополя» («ИКС»). Вместе с визуальным оформлением телеканал полностью поменял эфирную сетку и переориентировался на круглосуточное информационное вещание. Большую часть дневного рабочего времени передачи выходили в прямом эфире. Это были интервью в студии с разными гостями (например, программа «Де Юре» [12]) и выпуски новостей. В 2017 году, после кадровых изменений в руководстве телерадиокомпании, поменялась и редакционная политика телеканала. Эфир постепенно наполнялся новыми развлекательными проектами. После ребрендинга логотип с кириллической аббревиатурой «ИКС» заменили латинским «X», полностью обновили оформление студии и все графические элементы в эфире (заставки, плашки и т.д.). В 2019 году, после возвращения телеканалу его исторического названия («СТВ»), снова произошел ребрендинг. В недавно приобретенном помещении оборудовали вместительную современную студию-трансформер, откуда стали проводить телемарафоны и прямые трансляции. На телеканале запустили производство новых программ, рубрик и проектов (например, «Здравствуй, медицина!», «Выходные на Большой Морской», «Севастополь Online», «Площадь Нахимова» и др.).

На «СТВ» ежедневно по будням несколько раз в сутки выходит информационная программа *«Новости»*. Тематика сюжетов разнообразна. Базовую информационную повестку диктует профильный департамент правительства города (Департамент общественных коммуникаций), поэтому во многих сюжетах освещается деятельность правительства города и его структурных подразделений, создается положительный имидж губернатора. В рамках этой программы начали выходить рубрики: в декабре 2019 года – *«Есть вопрос»* (ответы на вопросы горожан), в январе 2020 года – «*СТВ-Рейд»* (проверка состояния благоустройства города). С июля по декабрь 2019 года по пятницам выходила информационно-аналитическая программа «*Севастополь.*

Итоги недели», в которой речь шла о самых важных и резонансных событиях недели, по мнению редакции. В июле 2020 года выпуск программы был возобновлен под названием *«Акценты недели»*. К общественно-политическим программам в формате интервью в студии относятся такие программы, как «*Открытый город», «Развожаев. Главное за неделю»* (разговор с губернатором), *«Тема дня»* и новый формат для телеканала – ток-шоу *«Севастополь решает»*.

Телеканал занимается производством тематических спецрепортажей и спецпроектов, например «*Здравствуй, медицина!», «6 лет весны»* (об изменениях в сфере медицины, образования, дорожно-транспортной инфраструктуры, общественных пространств и социальной защиты населения в период с 2014 по 2020 год), *«Выходные на Большой Морской»* (о реконструкции главной улицы Севастополя в формате видеоблога), *«8 женских историй»* (цикл программ о женщинах к Международному женскому дню), а также документальных фильмов – *«Севастопольский Нюрнберг», «Имя его Матросский», «Дети осажденного Севастополя»* и др. Продолжается выпуск информационно-аналитической программы *«Площадь Нахимова»,* в которой разбираются проблемные вопросы Севастополя (градостроительство и благоустройство, водоснабжение, экология, транспорт, политика и многое другое). К историческим передачам относятся циклы «*35 шагов к Победе»* (хроника освобождения Крыма и Севастополя от немецко-фашистских захватчиков) и *«Деталь эпохи»* (рассказы севастопольцев о вещах и предметах времен Великой Отечественной войны, которые они хранят и передают из поколения в поколение как реликвию). После введения формата дистанционного обучения в школах из-за пандемии Covid-19 в эфире СТВ появилась новая программа *«Школа дома»* – это видеоуроки и лекции из школьной программы 9 и 11 класса (по математике, истории, русскому языку и обществознанию) в рамках подготовки к государственной итоговой аттестации. Отметим также ряд культурно-просветительских программ. «*Тайны Херсонеса»* – цикл документальных фильмов, подготовленный совместно с музеем-заповедником «Херсонес Таврический». *«Большой разговор»* – интервью с известными деятелями культуры России о Севастополе. *«История одной картины»* – короткие рассказы об истории картин из

собрания Севастопольского художественного музея им. М. П. Крошицкого, а также частных галерей и коллекций. Запоминающимися проектами 2019 года на «СТВ» стали: первое в истории севастопольского телевидения реалити-шоу «*Кастинг. Стань телезвездой!»* (конкурс на место телеведущих), развлекательное шоу *«Доброе утро, Севастополь!»* (3,5 часа в прямом утреннем эфире: новости, прямые включения, рубрики о здоровье, кулинарии, астрологии и др.) и программа о жизни других регионов России *«Большая страна»* – 35 региональных телекомпаний присылают свои программы (о повседневной жизни, быте, культуре и традициях людей), из которых формируются выпуски «Большой страны». Проект *«Севастополь Online»* – это фрагменты видеотрансляции с веб-камер, установленных в разных районах города. В течение программы на экране появляются прогноз погоды, программа передач, важные сообщения и актуальная информация. Можно сделать вывод, что телеканал «СТВ» не отдает предпочтения каким-то конкретным жанрам, а из года в год видоизменяет формат вещания. В некоторых телепередачах наблюдается процесс диффузии жанров. Однако большая часть эфирного времени отведена под информационные и общественно-политические программы. Эфир дополняют проекты на социальную тематику, исторические и культурно-просветительские передачи, документальные фильмы.

«Севастополь 24» – самый молодой телеканал в городе. Под этим названием он начал вещание в июле 2019 года, хотя частично считается правопреемником другого СМИ – телеканала «Народный канал «Севастополь» (в украинское время – «Городская телерадиокомпания «Севастополь», Народный канал), который начал свою работу еще в 1998 году [6]. Это был самостоятельный государственный телеканал. Основу эфира составляли информационные и общественно-политические программы, отражающие основные события, происходящие в России, Крыму и Севастополе, а также историко-культурологические программы и документальные фильмы. Канал освещал деятельность депутатского корпуса, правительства и губернатора города. После реорганизации в конце 2017 года «Народный канал «Севастополь» прекратил вещание. На его частоте стал вещать телеканал «ИКС-24» уже в составе государственного медиахолдинга ГАУ С «Севастопольская

телерадиокомпания». В первые месяцы работы собственный уникальный контент канал практически не выпускал ввиду отсутствия сотрудников, которые сменили место работы. Это был «дублер» телеканала «ИКС» с видоизмененной сеткой вещания и прямыми трансляциями сессий Законодательного собрания. Но с конца 2018 года на «ИКС 24» начались изменения. В эфире стали транслироваться советские художественные фильмы, а также научно-популярные и познавательные документальные фильмы. Каждый будний день в 20:00 выходили передачи в прямом эфире – *«За и против», «В центре внимания», «Ваш доктор», «Спортивный акцент», «Код театра»*. Ведущие вместе с гостями: общественными деятелями, чиновниками, экономистами, юристами, врачами, психологами и деятелями культуры – обсуждали актуальную повестку из разных сфер жизни города и отвечали на звонки телезрителей. В 2019 году, после принятия решения о возвращении «ИКС» его исторического названия – «СТВ», следовало переименовать и телеканал «ИКС 24». Новое название телеканала с июля 2019 года – «Севастополь 24». Сегодня этот телеканал продолжает вещание в аналоговом формате, а также в кабельных сетях города, не имея лицензии на цифровое вещание. Ведется онлайн-трансляция эфира на сайте «СТВ». В настоящий момент производство ряда телепроектов приостановлено, поэтому значительная часть контента вновь дублируется из эфира телеканала «СТВ». В частности, это такие программы, как *«Новости», «Акценты», «Развожаев. Главное за неделю», «Севастополь решает», «Севастополь Online»*.

Большая часть собственного медиапродукта телеканала «Севастополь 24» – это студийные интервью (прямой эфир и повторы), некоторые с аналитическим уклоном: телезрители могут задать вопрос и получить ответ экспертов в прямом эфире программы *«В центре внимания»,* а события и факты юридической жизни Севастополя рассматриваются в программе-дискуссии *«За и против»*. Гости студии этих программ – представители севастопольских вузов, коммунальных служб, профсоюзных организаций, налоговых органов, уполномоченные по правам ребенка и по правам человека в Севастополе, юристы и др. Выпуски программы *«Имеем право»* посвящены реализации законов Российской Федерации в городе (горожане обращаются в редакцию с проблемными вопросами, а ведущий проводит собственное

расследование). В эфире этого телеканала также выходят культурно-просветительские программы. Спецпроект *«Севастопольские вечера»* – телеверсии ярких знаковых культурных событий города (концерты, фестивали, спектакли, творческие вечера и т.д.). *«Специальный показ»* – презентация авторских и документальных фильмов (история создания, пояснения и рассуждения) в формате интервью с обязательной демонстрацией данных фильмов в рамках программы. Программы *«Код театра» и «Культурная среда»* – беседы о главных театральных постановках, деятельности севастопольских театров и культурной жизни города-героя. Севастопольские спортсмены и тренеры в эфире программы *«Спортивный акцент»* рассказывают о своих достижениях, пути к успеху и перспективах развития тех или иных видов спорта в Севастополе. *«Ваш доктор»* – разговор с врачами разных направлений о признаках, профилактике и лечении болезней. В программе *«Один на один»* психологи помогают разобраться в сложных жизненных ситуациях, во взаимоотношениях в семье, говорят о детско-родительских связях и стараются решить психологические проблемы разной сложности. Данные программы выходят в прямом эфире и имеют хронометраж 30 минут. Тематика программ «Севастополь 24» разнообразна (спорт, здоровье, культура, досуг, юриспруденция). Затрагивается круг вопросов, которые напрямую касаются жителей города. В течение 2019–2020 года (с учетом ребрендинга) программная концепция телеканала не изменилась. Новые проекты полностью вписались в привычную картину эфира. Однако в конце 2019 – начале 2020 года на телеканалах «Севастополь 24» и «СТВ» вновь стала прослеживаться тенденция дублирования контента.

«Независимое телевидение Севастополя». Телеканал «НТС» является частным, его учредитель – ООО «Независимое телевидение Севастополя». СМИ ведет круглосуточное вещание в аналоговом формате, кабельных сетях города и IPTV. С 2014 по 2019 год редакционная политика телеканала была направлена на формирование у аудитории положительного образа городских депутатов. До ребрендинга в 2019 году «НТС» закупал лицензионный видеоконтент для трансляции в эфире, но в 2019 и 2020 гг. его заменили материалы производства YouTube-канала «TV ForPost», который не зарегистрирован как СМИ (это такие проекты, как

«Реактор», «Качаем прессу», «Форпост» и др.). Телеканал не выдает программы в прямом эфире. В настоящее время телеканал делает ставку на информационное вещание, выпускает новостную программу *«Севинформбюро»* и передачи, где затрагиваются проблемные вопросы населения. Ведется производство аналитических, публицистических, детско-юношеских программ и документальных фильмов. Ряд видеопроектов посвящен культурной жизни и отдыху горожан.

Главной программой в эфире телеканала «НТС» является выпуск новостей *«Севинформбюро»*. Основная повестка дня – городская, социально значимые новости для жителей Севастополя. Новости Крыма, России и мира попадают в выпуск при условии актуальности и особой важности. Отдельными программами выходят *«Севинформбюро. Хорошие новости»* (дайджест сюжетов о добрых новостях со всего мира) и *«Севинформбюро. Обзор»* (главные темы дня Севастополя, Крыма, России и мира). Программа *«Актуальное интервью»* – это беседы с экспертами из самых разных сфер жизнедеятельности города на темы, которые волнуют многих горожан. Гостями программы становятся депутаты, чиновники, представители высших, средних специальных учебных заведений и территориального самоуправления, экологи, медики, психологи и др. В арсенале телеканала это единственная программа в формате беседы с гостем в студии. Свое мнение по разным вопросам горожане высказывают в рубрике «*Мнение. Говорит Севастополь»* (блиц-опрос), также в эфире присутствует рубрика *«Без комментариев»*. В блоке детско-юношеских и развлекательных программ особо выделяется проект *«Рассказы»*. Это цикл в формате анимационного видео, где ведущий закадрово озвучивает отрывки писем, сочинений и рассказов, а также фрагменты биографии известных российских деятелей искусств и военного дела, которые имеют какое-либо отношение к Крыму. Передача *«Прекрасное далёко»* знакомит с детскими и юношескими кружками, спортивными секциями, студиями, танцевальными школами, творческими объединениями и ансамблями Севастополя. Ведущая цикла мастер-классов по аквагриму *«Маскарад»* показывает и рассказывает, как можно преобразить ребенка для праздника. В рамках программы «*Территория творчества»* ведущие проводят мастер-классы по

рисованию, декорированию, фьюзингу, флористике, работе с полимерной глиной и другими материалами.

Отдельным блоком выступают краеведческие программы. Большой цикл материалов *«Имени героя»* посвящен Победе в Великой Отечественной войне. Это рассказы о проспектах, улицах, площадях и переулках Севастополя и о героях, которые дали им свои имена. *«Записки севастопольского экскурсовода»* – увлекательные прогулки по городу, сопровождающиеся рассказами из истории каждой улицы, сквера, памятника, музея. Цикл передач *«17.83»*: познавательный историко-краеведческий проект для детей и юношества выступает в качестве образовательного пособия по севастополеведению для школьников. *«Город-герой, город-труженик»* – небольшие истории о людях, которые внесли неоценимый вклад в освобождение и восстановление Севастополя, в условиях невероятных сложностей возрождавшие город-герой из руин. Еженедельная программа *«Культпросвет»* – это новости культуры, анонсы предстоящих спектаклей, концертов, выставок, фестивалей, беседы с известными деятелями искусства. Новости медицины освещены в программе *«Здравия желаю»*. Цикл программ *«Правовой навигатор»* – это ответы на часто задаваемые вопросы горожан в рамках действующего законодательства Российской Федерации, разъяснения прав и обязанностей граждан, работников и работодателей, категорий слабозащищенных граждан и т. д. В аналитической программе *«Мнение»* поднимаются проблемные вопросы города, связанные с «замороженными» стройками, транспортной системой, дорогами, деятельностью политических сил в городе и т.д. *«Открытый вопрос»* – это цикл журналистских расследований. В центре внимания – имущественные и земельные вопросы, незаконная застройка, культурное наследие, городская экология, работа управляющих компаний и др. Программы цикла «*Сделано в Севастополе»* – истории успеха севастопольских предприятий и предпринимателей (как малоизвестных, так и тех, которые стали брендом города). В редакции «НТС» также занимаются производством документальных фильмов (например, *«Севастополь: выученные уроки украинской истории», «23 февраля. История одного дня», «35 Батарея. Жизнь потомству в пример», «Подводное наследие России»,* цикл фильмов *«Севморзаводу*

235 лет» и др.) и спецпроектов (*«Следком. Время сильных», «Радикальный ислам»,* специальный репортаж о вербовке девушек в Исламское государство (ИГ) *«Платочки»* и др.). В период с 2018 по 2020 год канал «НТС» претерпел изменения программного наполнения эфира, прекратил закупку телесериалов и документальных фильмов и увеличил объем производства собственного видеоконтента.

Телеканал **«Первый Севастопольский»**, учредителем которого является ООО «Медиа ТВ Севастополь», также является частной медиаплатформой. Позиционирует себя как защитник прав горожан. В эфире представлены собственные проекты, в том числе ежедневные информационные программы и репортажи, общественно-политическое ток-шоу, интервью на актуальные темы. Подача новостей на «Первом Севастопольском» отличается нестандартным для Севастополя и Крыма форматом. Практически весь выпуск состоит из заклеек (в левой части экрана – ведущий, в правой – видеоряд с места событий), большую часть контента составляют новости мира, страны, полуострова, а также шоу-бизнеса; редким явлением стали сюжеты, зачастую инфоповодом становится популярное видео в сети Интернет. Такой формат – результат ребрендинга телеканала в конце 2018 – начале 2019 года и смены его руководства, которое поставило цель – «улучшить картинку, стать более динамичным телеканалом и самым смотрибельным в городе» [8]. В итоге поменялось как графическое оформление, дизайн и логотип, так и сам формат новостей и программ. Руководство канала комментировало такие изменения желанием сохранить и приумножить свою аудиторию, которая много времени проводит в Интернете – теперь же ей достаточно включить «Первый Севастопольский». Однако аудитория не сразу приняла обновление телеканала, в редакцию поступали звонки с вопросами и негодованием телезрителей [8]. Новости мира и шоу-бизнеса, а также популярные видеоролики из сети Интернет трансформировали выпуск новостей из информационного в развлекательный. Как уже упоминалось выше, контент региональных телеканалов ценен тем, что затрагивает круг вопросов конкретного региона или населенного пункта. В этом его уникальность и оригинальность. Тем не менее, телеканал вышел на качественно новый уровень вещания (благодаря техническому переоснащению, запуску новых проектов и появлению новых ведущих

в кадре). В 2019 году на телеканале произошла полная трансформация программного наполнения эфира. Теперь, когда бы зритель ни включил «Первый Севастопольский», каждый раз он попадает в так называемое «новостное колесо». Более того, кроме городских новостей в эфире начала появляться федеральная и мировая повестка. Постепенно количество городских новостей стало уменьшаться в пользу новостей шоу-бизнеса и популярных тем на YouTube-каналах. Новостная программа получила новое название *«Индекс»* (информационные блоки *«События в мире», «События в России», «События в Крыму», «Пульс города», «Без комментариев»*).

Особое место в эфире «Первого Севастопольского» занимают аналитические программы. Например, *«Внимание»* – авторская программа в жанре журналистского комментария. Ведущий сам выступает в качестве эксперта (политолога, экономиста) и комментирует резонансные события, происходящие в городе и стране. В программе *«Итоги недели»* ведущий анализирует произошедшие за неделю события, оценивает их и делает собственные выводы. Оценку происходящему также дают эксперты (публицисты, журналисты, политологи, экономисты, общественные деятели) в программе *«Точка зрения»*. Элементы вышеперечисленных проектов содержит в себе программа *«Актуальные комментарии»* в жанре проблемного интервью. Единственной программой, периодически выходящей в прямом эфире, является ток-шоу *«Федеральное значение»*. В программе принимают участие городские депутаты, чиновники, представители общественных организаций, эксперты в области экономики и права, культуры, образования, журналисты местных СМИ и др. На обсуждение выносятся сложные и даже скандальные темы. Более легкая подача наблюдается в информационных программах *«Культура», «Образование»* и *«Спорт»*, тематика которых соответствует их названиям. Программа *«Дорожный контроль»* – это авторский проект руководителя одноименной общественной организации, в котором ведется поиск решений проблем дорожно-транспортной системы Севастополя. Темы программы и проблемные дорожные участки для выезда съемочной группы определяют сами телезрители, которые обращаются в редакцию.

В 2018 году картина эфира телеканала «Первый Севастопольский» была представлена большим количеством программ как собственного, так и стороннего производства (в том числе фильмы, детские, религиозные и познавательные передачи, ток-шоу и др.). Однако в 2019 году, после ребрендинга, осталось небольшое количество проектов с повторами – информационная программа *«Индекс»* и ток-шоу *«Федеральное значение»*. Постепенно телеканал начал запускать новые проекты. В эфире все чаще стала появляться аналитика *(«Внимание», «Актуальные комментарии»).* В начале 2020 года в свет выходят *«Итоги недели», «Культура», «Образование»* и *«Спорт»*, которые смогли внести разнообразие в жанровую и тематическую структуру вещания телеканала. Как мы видим, программное наполнение эфира на телеканале «Первый Севастопольский» не отличается большим разнообразием телепередач. В 2019–2020 годах телеканал запустил небольшое количество проектов, но при этом плотно работает над каждым из них (количество выпусков в каждом из циклов передач большое, самих циклов немного).

Филиал ВГТРК – ГТРК «Севастополь» занимается производством новостей и их трансляцией в региональных окнах «Местное время» на телеканале «Россия 1». По будням в прямом эфире четыре раза в день выходит новостная программа *«Вести Севастополь»* (хронометраж от 15 до 25 минут). По воскресеньям – итоговая информационно-аналитическая программа *«Вести Севастополь. События недели»* (хронометраж 35–40 минут). Корреспонденты ГТРК «Севастополь» в большей степени освещают проблемный круг вопросов севастопольцев, выпускают сюжеты на социально значимые темы, а также рассказывают о культурной и творческой жизни города. Вещание филиала распространяется только на территорию Севастополя, потому как главная задача телерадиокомпании – городские новости. Однако сюжеты на особо важные темы и репортажи с масштабных культурных мероприятий могут транслироваться напрямую в эфире «Россия 1» и «Россия 24» на всю страну. Идея создания филиала ВГТРК в Севастополе возникла сразу после воссоединения с Россией. Данная организация начала свою работу летом 2017 года. Это был важный этап интеграции Севастополя в Российское информационное поле.

Выпускаемый медиапродукт ГТРК «Севастополь», как отмечалось выше, новостные программы. Преобладающие жанры – репортаж («*День штурмана военно-космических сил России»,* 23.03.2018, «*На Историческом бульваре провели реконструкцию сражений Крымской войны»,* 12.09.2018, «*Празднование юбилейного Дня ВМФ в Севастополе»,* 29.09.2019) и информационное сообщение («*Разрешён конфликт вокруг источника в Верхнесадовом»* 17.02.2020, *«В Севастополе выбрали лучших чтецов»* 03.03.2020 г., *«Началось укрепление берегов реки Кача»,* 03.03.2020). Острым темам и знаковым событиям посвящены специальные репортажи («*Противопожарная готовность торговых центров»,* 26.03.2018, «*Русская весна – это по любви!»,* 25.02.2018, «*Как в Севастополе ловят «закладчиков» и почему наркотики становятся всё опаснее»,* 15.03.2020) и расследования («*Новые схемы махинаций с недвижимостью»,* 16.08.2019). Тематика видеосюжетов разнообразная, но ограничивается городской повесткой Севастополя. Ее можно разбить на несколько блоков: *здравоохранение, образование, общество и семья, экономика, культура, благоустройство города, дорожно-транспортная инфраструктура, жилищно-коммунальное хозяйство, бизнес, экология, отдых и развлечения* и др. В рамках новостных программ также выходят постоянные рубрики *«Интервью», «Без комментариев», «Сводка ГИБДД», «Вести Флота», «Афиша выходных»* и *«Прогноз погоды».*

Телестудия Черноморского флота Российской Федерации специализируется на военной тематике. Она осуществляет информационное обеспечение повседневной деятельности и боевой подготовки Черноморского флота, формируя положительный имидж военной службы. Выпускаемый продукт – информационная программа *«Отражение»*, рассказывающая о жизни флота и событиях города, выходит еженедельно. Программа транслируется в эфире телеканалов Крыма и Севастополя. Изначально, во второй половине 1990-х годов, телестудия выполняла только функцию корпункта федеральных российских каналов в Севастополе и Крыму (в другом государстве). В 1997 году Министром обороны России была подписана директива о создании видеоприложения к флотской газете «Флаг Родины» – и телестудия приобрела свой первый официальный статус. В штате числилось всего

восемь человек. «Военные журналисты не были профессионалами. Они сами учились писать сюжеты, изучая особенности их построения в новостных программах центральных каналов. Анализировали стиль коллег, тематические акценты» [3]. В 1998 году впервые вышла еженедельная информационно-аналитическая программа «Отражение», которая стала визитной карточкой телестудии. Она транслировалась в Севастополе и Симферополе, в Ростове-на-Дону и Азове, в Новороссийске, Краснодаре и Ялте. «С апреля 2000 г. штатная структура выросла до 25 человек, включая корпункт в Новороссийске. Именно эту дату работники считают днем рождением телецентра Черноморского флота» [5, с. 196].

Помимо новостей, корреспонденты создают *исторические и документальные фильмы* о флотоводцах Крымской и Великой Отечественной войн, о ветеранах, о событиях на флоте и его вооружении *(«Спасательное судно “ЭПРОН”. 60 лет», «100 лет во славу Отечества», «100 лет Южному военному округу», «50 лет 14 дивизии подводных лодок ЧФ»* и др.). Награды получили документальные фильмы *«235 лет Черноморскому флоту»* (2018 г.) и *«Сирийский перелом. Поезд вне расписания»* (2019 г.) [3]. В начале 2020 года телестудия выпустила фильм *«Дорогами памяти за веру и верность»* (об иконе ВМФ России, которая будет установлена в приделе главного храма Вооруженных сил). В рамках программы *«Отражение»* – репортажи журналистов телестудии с боевых кораблей и береговых частей *(«Сторожевой корабль Адмирал Макаров впервые прибыл на постоянное место базирования в Севастополь»,* 12.10.2018, *«В Черном море найден и поднят истребитель времен Великой Отечественной войны»,* 14.06.2019, *«Военные связисты Черноморского флота приняли участие в конкурсе профессионального мастерства»,* 13.03.2020), а также рубрика *«Законный вопрос»*, в которой рассматриваются сложные правовые вопросы, касающиеся жизни военнослужащих. Коллектив старается не пропускать ни одного знакового и актуального события на Черноморском флоте. География деятельности телестудии ЧФ РФ – весь полуостров Крым и Южный военный округ. В распоряжении телестудии оказывается эксклюзивный материал, потому что ее журналисты имеют право доступа на военные объекты и мероприятия, куда не могут

попасть гражданские съемочные группы. Собственного канала вещания студия не имеет. Новостная программа транслируется в эфире других телеканалов.

ВЫВОДЫ

На медиарынке Севастополя присутствуют как государственные, так и частные телеканалы вещанием 24 часа в сутки. По данным Роскомнадзора, на начало 2020 года в Севастополе зарегистрированы четыре эфирных телеканала, которым выдана универсальная лицензия на вещание. Это два государственных СМИ – «Севастопольское телевидение» («СТВ») и «Севастополь 24» и два частных – «Телеканал Первый Севастопольский» и «Независимое телевидение Севастополя» («НТС»). В городе осуществляют свою деятельность филиал ВГТРК – ГТРК «Севастополь» и студия Черноморского Флота Российской Федерации (Студия ЧФ РФ). Однако они не зарегистрированы как самостоятельные телеканалы.

Редакционная политика телеканалов «СТВ» и «Севастополь 24» в большей степени направлена на освещение деятельности исполнительной и законодательной ветвей власти города, а также формирование имиджа губернатора. Особое место в эфире «СТВ» занимают городские новости и студийные прямые эфиры; налажено производство авторских телепередач. В период с 2014 по 2019 год телеканал три раза менялся как на содержательном уровне производства контента, так и на уровне визуального оформления, осуществляя ребрендинг. «СТВ» имеет лицензию на цифровое вещание, а также занимает «21-ю кнопку» в кабельных сетях, то есть является обязательным общедоступным телеканалом субъекта РФ. На сегодняшний день телеканал «Севастополь 24» частично дублирует контент «СТВ», в то же время выпуская несколько собственных тематических программ. На телеканале ведутся прямые трансляции заседаний Законодательного собрания Севастополя. До декабря 2017 года на этой частоте вещал «Народный канал. Севастополь», до июля 2019 года «Севастополь 24» именовался «ИКС24». Редакционная политика телеканала «НТС» в основном ориентирована на информационное вещание. Телеканал выпускает новостную программу и видеопроекты, в которых затрагиваются проблемные вопросы жизни горожан. Ряд передач посвящен культурной жизни и отдыху

севастопольцев, а также военно-патриотическому воспитанию детей и молодежи. После модернизации и технического переоборудования телеканала в его эфире произошли качественные изменения (появилась четкая картинка, оборудован многофункциональный студийный павильон, что позволяет менять оформление для разных передач). На телеканале «Первый Севастопольский» в конце 2018 – начале 2019 года также прошел ребрендинг. Данное СМИ полностью изменило концепцию своего вещания и производимого контента. В его эфире уменьшилось количество местных новостей, но появились новые аналитические программы. При этом качество изображения и стиль подачи информации изменились в лучшую сторону. Данный телеканал занимает нейтральную позицию по отношению к городским властям, в повестку дня включаются резонансные и острые темы. «Первый Севастопольский» также вещает «в цифре». Телеканалы «НТС» и «Севастополь 24» не получили лицензию на цифровое вещание, поэтому вынуждены находить другие способы доставки контента своей аудитории, например кабельное и Интернет-вещание, IPTV. Полноценную работу по производству видеоконтента в Севастополе ведут также две организации, не зарегистрированные как самостоятельные телеканалы. ГТРК «Севастополь» как филиал ВГТРК обеспечивает севастопольцев региональными новостями, но подготовленными на федеральном уровне. Помимо производства видеоконтента, осуществляет региональные врезки в эфир федерального телеканала «Россия 1». Телестудия ЧФ РФ, в свою очередь, выпускает военную новостную программу «Отражение», в которой освещаются события на Черноморском флоте, а также документальные фильмы.

Проанализировав жанровую структуру контента севастопольских телеканалов, можно сделать вывод о том, что жанры в чистом виде встречаются достаточно редко. Всё чаще наблюдается процесс диффузии жанров, что приводит к появлению новых гибридных форматов на телевидении. В данном исследовании сделан упор на анализ контента телеканалов Севастополя. Однако не производился детальный анализ их сайтов и страниц в социальных сетях. В перспективе видится продолжение данного исследования в форме сравнительного анализа телеканалов, их программ близкой тематики и жанровой принадлежности. Очевидно, что сравнительный анализ

способов подачи информации на разных телеканалах позволит выявить их сильные и слабые стороны, определить степень взаимодействия с аудиторией и разработать актуальные рекомендации для дальнейшей продуктивной работы.

Список литературы

1. Богданович, Г. Ю. Контент региональной тележурналистики: стендап (отечественный и зарубежный опыт) / Г. Ю. Богданович, А. Ю. Калугина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 4. – С. 214–226.
2. Вести.Севастополь. ГТРК «Севастополь» [Электронный ресурс] // Вести.Севастополь. – URL: // https://vesti92.ru/ (дата обращения 19.09.2020 г.)
3. Вяткина, К. Ю. У телевизионного штурвала. Телестудии ЧФ – 20 лет! [Электронный ресурс] / К. Ю. Вяткина // Флот – XXI век. URL: http://blackseafleet-21.com/news/8-04-2020_u-televizionnogo-shturvala-telestudii-chf-20-let (дата обращения 21.01.2020 г.)
4. Илларионов, В. И. Как начиналось Севастопольское телевидение [Электронный ресурс] / В. И. Илларионов // ForPost. – URL: https://sevastopol.su/special-projects/kak-nachinalos-sevastopolskoe-televidenie (дата обращения 07.02.2020 г.)
5. Мацкевич, А.В. Становление и развитие ТВ ЧФ как специфического сегмента телевидения [Электронный ресурс] / А. В. Мацкевич // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012, №2. – URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2012/02/2012-02-47.pdf (дата обращения 21.01.2020 г.)
6. Народный канал «Севастополь» – телевизионный канал о Севастополе и для севастопольцев [Электронный ресурс] // Севастопольское региональное отделение Союза журналистов России. – 2018. – URL: http://joursev.ru/2018/10/30/народный-канал-севастополь-телев/ (дата обращения 07.02.2020 г.)
7. Независимое телевидение Севастополя [Электронный ресурс] // Независимое телевидение Севастополя. – URL: https://nts-tv.com/ (дата обращения 21.09.2020 г.)

8. О «цифре» и цензуре – Себия Юнусова, директор ТК «Первый Севастопольский» [Электронный ресурс] // TV ForPost. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=ETQWAKPFyP8 (дата обращения 21.01.2020 г.)
9. Первый Севастопольский [Электронный ресурс] // Первый Севастопольский. – URL: https://sev.tv/ (дата обращения 21.09.2020 г.)
10. Первых Д. К. Особенности развития крымских СМИ в условиях интеграции в медиапространство России / Д. К. Первых // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 4. – С. 265–285.
11. Перечень наименований зарегистрированных СМИ [Электронный ресурс] // Роскомнадзор. – URL: https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/ (дата обращения 19.09.2020 г.)
12. Программа «Де Юре». Выпуск 4 от 6 февраля 2015 г. [Электронный ресурс] // YouTube. Севастопольское телевидение – URL: https://youtu.be/5Me-T6cv7ms (дата обращения 21.09.2020 г.)
13. Севастополь 24 [Электронный ресурс] // Севастопольское телевидение. – URL: https://stv92.ru/iks24/ (дата обращения 21.09.2020 г.)
14. Севастопольское телевидение [Электронный ресурс] // Севастопольское телевидение. – URL: https://stv92.ru/ (дата обращения 21.09.2020 г.)
15. Черноморский Флот [Электронный ресурс] // Черноморский Флот. – URL: // https://vesti92.ru/ (дата обращения 19.09.2020 г.)
16. Щепилова, Г. Г., Жуков, Д. В. Телевидение в Севастополе: региональная специфика [Электронный ресурс] / Г. Г. Щепилова, Д. В. Жуков // МедиаАльманах. 2017. № 2 (79). С. 22-29. – URL: http://www.mediaalmanah.ru/upload/iblock/081/2-17-22-29.pdf (дата обращения 21.01.2020 г.)

References

1. Bogdanovich G. Ju., Kalugina A. Ju. *Kontent regional'noj telezhurnalistiki: stendap (otechestvennyj i zarubezhnyj opyt)* [The content of regional TV journalism: StandUp (local and foreign experience)]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta

im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal, 2019, Vol. 5 (71), No 4, P. 214–226.

2. *Vesti.Sevastopol'. GTRK «Sevastopol'»* [Vesti Sevasopol]. – Available at: // https://vesti92.ru/ (accessed 19.09.2020)
3. VjatkinaK. Ju. *U televizionnogo shturvala. Telestudii ChF — 20 let!* [At the TV steering wheel. Black Sea Fleet TV is 20!]. Fleet – XXI vek. Available at: http://blackseafleet-21.com/news/8-04-2020_u-televizi.. (accessed 21.01.2020)
4. Illarionov V. I. *Kak nachinalos' Sevastopol'skoe televidenie* [How Sevastopol television started]. ForPost. – Available at: https://sevastopol.su/special-projects/kak-nachinalos. (accessed 07.02.2020)
5. Mackevich A.V. *Stanovlenie i razvitie TV ChF kak specificheskogo segmenta televidenija* [The establishment and development of Black Sea Fleet TV as specific TV segment]. Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2012, №2. – Available at: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2012/02/2012-0.. (accessed 21.01.2020)
6. *Narodnyj kanal «Sevastopol'» – televizionnyj kanal o Sevastopole i dlja sevastopol'cev* [Public channel «Sevastopol» - about Sevastopol]. Sevastopol'skoe regional'noe otdelenie Sojuza zhurnalistov Rossii. – 2018. Available at: http://joursev.ru/2018/10/30/narodnyj-kanal-sevastopo.. (accessed 07.02.2020)
7. *Nezavisimoe televidenie Sevastopolja* [Independent television of Sevastopol]. Available at: https://nts-tv.com/ (accessed 21.09.2020)
8. *«Cifre» i cenzure - Sebija Junusova, direktor TK «Pervyj Sevastopol'skij»* [About digital TV and censorship - Sebija Junusova, director of «Pervyj Sevastopol'skij»]. TV ForPost. – Available at: https://www.youtube.com/watch?v= ETQWAKPFyP8 (accessed 21.01.2020)
9. *Pervyj Sevastopol'skij* [First Sevastopolian]. – Available at: https://sev.tv/ (accessed 21.09.2020)
10. Pervyh D. K. *Osobennosti razvitija krymskih SMI v uslovijah integracii v mediaprostranstvo Rossii* [Features of development of the Crimean mass media in the conditions of integration into the media space of Russia]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal.2019, Vol. (71), No 4. P. 265–285.

11. *Perechen' naimenovanij zaregistrirovannyh SMI* [The list of registered mass media]. Roskomnadzor. Available at: https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/ (accessed 19.09.2020)
12. *Programma «De Jure». Vypusk 4 ot 6 fevralja 2015 g.* [«De Jure» Program No 4 February, 6 2015]. YouTube. Sevastopol'skoe televidenie – Available at: https://youtu.be/5Me-T6cv7ms (accessed 21.09.2020)
13. *Sevastopol' 24* [Sevastopol 24]. Sevastopol'skoe televidenie. – Available at: https://stv92.ru/iks24/ (accessed 21.09.2020)
14. *Sevastopol'skoe televidenie* [Sevastopol television]. – Available at: https://stv92.ru/ (accessed 21.09.2020)
15. *Chernomorskij Flot* [The Black Sea Fleet]. Available at:// https://vesti92.ru/ (accessed 19.09.2020)
16. Shhepilova G. G., Zhukov D. V. *Televidenie v Sevastopole: regional'naja specifika* [Television in Sevastopol: regional features]. MediaAl'manah, 2017, No 2 (79), P. 22-29. – Available at: http://www.mediaalmanah.ru/upload/iblock/081/2-17-22-.. (accessed 21.01.2020)

THEMATIC AND GENRE ORIGINALITY OF THE REGIONAL TELEVISION CHANNELS PROGRAMMES (ON THE EXAMPLE OF SEVASTOPOL)

Egorova L. G., Tsilimetskaya K. A.

The article presents an analysis of the content produced by Sevastopol TV companies and studios. Based on Roskomnadzor data the authors provide a list of Sevastopol TV channels, describe the thematic and genre features of TV programs. The main research methods are TV channel broadcast monitoring and content analysis. The authors come to the conclusion that the TV space of Sevastopol is heterogeneous. Both state and private TV channels are present in the city media market. The authors demonstrate how depending on the form of ownership and the goals of the founders the editorial policy of TV channels and the thematic focus of programs change. Thus state TV channels cover more of the activities of the Executive and Legislative city government. Private TV channels address problematic issues of the population with some criticism of the authorities. The basis of the broadcast is informational and socio-political programs, the most common genres are interviews and news. The authors also describe video content produced by two organizations that are not registered as separate mass media, such as a branch of VGTRK – GTRK Sevastopol and a TV studio of the black sea Fleet of the Russian Federation.

***Keywords*:** program, TV channel, TV broadcast, Sevastopol, broadcasting, content.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 3. С. 241–261.

УДК 81'42

РЕЧЕВОЙ ЖАНР КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ТЕЛЕВЕДУЩЕГО

Кравчук Е. Р.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Россия
E-mail: elenacrav4uk@yandex.ru

В данной статье выдвигается гипотеза о корреляции речевого жанра с имиджем медийной личности, использующей тот или иной жанр в профессиональной деятельности. За основу были взяты ключевые (базовые) идеи жанроведения, а также лингвистической имиджелогии. Речевой жанр рассмотрен как коммуникативно-прагматический идентификатор имиджа субъекта. Речевые жанры «новости» и «ток-шоу» обладают универсальными и специфическими языковыми, а также внеязыковыми средствами-экспликаторами имиджа телевизионного ведущего. При переходе из речевого жанра «новости» в речевой жанр «ток-шоу» наблюдается трансформация вербальных и невербальных средств-экспликаторов, формирующих имидж телеведущего. Динамика трансформации отражается на четырех языковых (фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом) уровнях и четырех внеязыковых (вокалическом, кинесическом, проксемико-тактильном, артефактическом) уровнях. Языковые уровни имиджа телевизионного ведущего взаимодействуют со внеязыковыми уровнями. В работе используются общенаучные методы: сравнение, анализ, синтез; а также частнонаучный: описательный метод с привлечением качественного и количественного контент-анализа, дискурс-анализа. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в теоретических и практических курсах по теории медиадискурса, телевизионного дискурса, спецкурсах по проблемам медиалингвистики, а также лингвоимиджелогии и коммуникативной жанрологии (генристики).
Ключевые слова: имидж телеведущего, речевой жанр «новости», речевой жанр «ток-шоу», языковые средства экспликации, внеязыковые средства экспликации.

ВВЕДЕНИЕ

С момента введения понятия *речевой жанр* в научный обиход М. М. Бахтиным [1] вышло немало публикаций по жанрологии лингвистического, литературоведческого, журналистского характера (А. Е. Беспоместных [2], Ст. Гайда [3], А. А. Дзюба [12], О. К. Голошубина [4], В. В. Дементьев [5], И. И. Дорфман [6], О. А. Казакова [7], А. Ю. Калугина [9], Е. Ю. Криворученко [9], Г. И. Лушникова [12], Н. Г. Нестерова [13], Н. Н. Ничик [2], А. Г. Шилина [17], Т. В. Шмелева [18]). Нами была описана модель речевого жанра «новости» [8]. В. В. Дементьев отмечает: «…жанры (разные, но иногда и одни и те же) могут быть и источником речевой системности, и источником ее вариативности, т.е. расшатывания и разрушения

системы» [5, с. 7]. В настоящей работе предпринята попытка продемонстрировать влияние массмедийных жанров на формирование имиджа телевизионного ведущего.

Цель исследования – описать динамику трансформации языковых и внеязыковых средств, формирующих имидж телевизионного ведущего, при переходе из речевого жанра «новости» в речевой жанр «ток-шоу».

Е. С. Кубрякова под имиджем понимает «…то, кем или чем хочет выглядеть (казаться) объект в глазах окружающих, <…> специально и даже нередко искусственно создаваемый образ, необходимый его носителю по тем или иным причинам и отвечающий стереотипным и прототипическим представлениям о том, кем или чем должен являться этот объект на деле» [10]. Исследовательница подчеркивает, что «за понятием имиджа закрепляются также значения внешности (внешнего вида), манер поведения и стиля человека...» [10]. Мы выдвигаем гипотезу о корреляции речевого жанра с имиджем адресанта: речевой жанр, используемый в профессиональной деятельности, предопределяет вербальное / невербальное поведение телеведущего. Под *речевым жанром* понимаем «культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; образец организации текста» [3].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Материалом исследования послужили тексты телевизионных передач «Вечерние новости» (2014–2015 гг.) и «Пусть говорят» (2017–2018 гг.) с Дмитрием Борисовым, имидж которого стал объектом нашего исследовательского внимания. Проанализировано около 200 телетекстов.

Трансформирование языковых средств экспликации имиджа телевизионного ведущего наблюдается на уровнях фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса.

Фонетический уровень. В речевом жанре «новости» языковыми средствами экспликации имиджа телеведущего являются, с одной стороны, правильно и четко произносимые лексемы, с другой – использование звуков-паразитов (4,2%)»: ***Э-э-э*** *это были «Вечерние новости» на «Первом канале»* («Вечерние новости», 26.10.2015 г.). О. Е. Прядильникова подчеркивает, что парафоны (м-мм…, э-ээ…, а-

аа…) по терминологии скорее – звуки-паразиты [15]. Мы, поддерживая точку зрения исследовательницы, рассматриваем данные языковые единицы как звуки-паразиты. В речевом жанре «ток-шоу» зафиксировано употребление звуков-паразитов (86%): *Дмитрий, как Вы думаете,* ***э-э-э*** *двести двадцать два миллиона –* ***э-э-э*** *сумма, которая* ***э-э-э*** *стоит того, чтобы менять* ***э-э-э*** *вот клуб «Барселона» на клуб «ПСЖ»?* («Пусть говорят», 14.08.2017 г.) и стяженных форм отчеств (далее – СФО) – 9,8%: *То есть Александр Мещенков переметнулся уже на сторону Марка* ***Григор[и]ча*** («Пусть говорят», 16.01.2018 г.).

Частотность использования языковых единиц на фонетическом уровне в речевых жанрах «новости» и «ток-шоу» отображена на рисунке 1.

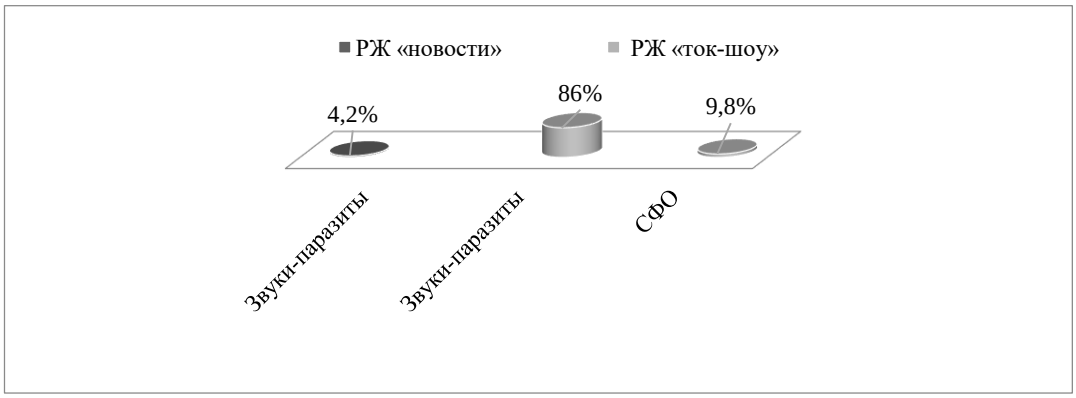

Рис. 1. Частотность использования языковых единиц на фонетическом уровне в речевых жанрах «новости» и «ток-шоу»

Использование звуков-паразитов в речевом жанре «новости» можно объяснить тем, что телеведущий сбивается при прочтении конструкций на телесуфлере: *Представители оппозиции настояли на том, чтобы делегацию разместили во Дворце Наций* ***э-э-э*** *в разных комнатах* («Вечерние новости» 24.01.2014 г.); вспоминает правильный вариант согласования: *О том, чтобы хранить свои средства* э-э-э *в одном из попавших под санкции* ***э-э-э*** *банки* ***э-э-э*** *банков, задумался сегодня не только президент* («Вечерние новости», 21.03.2014 г.).

Увеличение частотности употребления звуков-паразитов в жанре «ток-шоу» объясняется тем, что данный жанр подразумевает обдумывание

выдвигаемого / услышанного утверждения телеведущим, и именно данные языковые единицы дают возможность это сделать.

В жанре «новости» произношение стяженных имен и отчеств не обнаружено.

Лексический уровень. Частотность употребления языковых единиц на лексическом уровне в речевых жанрах «новости» и «ток-шоу» отображена на рисунке 2.

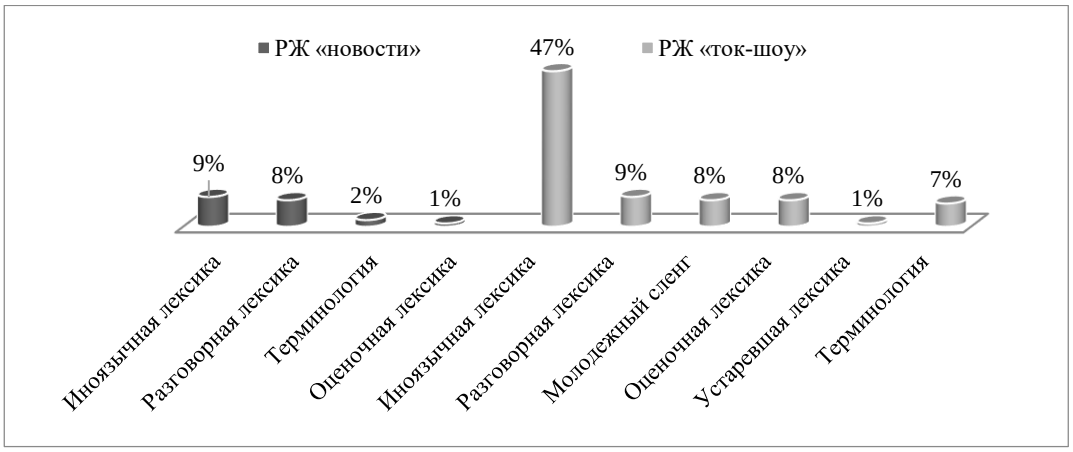

Рис. 2. Частотность использования языковых единиц на лексическом уровне в речевых жанрах «новости» и «ток-шоу»

В «ток-шоу» иноязычная лексика используется в 5,2 раза чаще, как правило, для номинации социальных сетей: *В России в* ***Инстаграм*** *заходят более четырнадцати миллионов человек* («Пусть говорят», 26.10.2017 г.). Оценочная лексика применяется по отношению к героям программы / экспертам / гостям в студии: *Если такая* ***прекрасная***, ***добрая***, ***нежная Сати*** *– самая строгая, то мы хотим увидеть остальных девочек* («Пусть говорят», 23.11.2017 г.), что и является причиной ее частого употребления в данном жанре. В жанре «новости» оценочная лексика используется в 5,7 раза реже, при этом, как правило, для номинации кого-либо, имеющего отношение к тому или иному сюжету: *В Подмосковье ищут* ***вандалов***, *которые подожгли вагон электрички* («Вечерние новости», 24.01.2014 г.).

В «ток-шоу» отмечается употребление молодежного сленга: *Совершенно прекрасные дети,* ***классно*** *развиты* («Пусть говорят», 27.12.2017 г.) и устаревшей лексики: *Звучит гимн, и мы знаем, что на самом деле* ***в устах*** *ребят звучит гимн*

России («Пусть говорят», 27.02.2018 г.), возможно, с целью найти адресата в средней и старшей возрастных группах.

Частотность использования разговорной лексики, которая применяется с целью привлечь и удержать внимание адресата, в двух речевых жанрах практически одинакова: различие составляет 1%.

Обращение к терминологии в жанре «новости» обусловлено коммуникативной целью речевого жанра: освещением событий, происходящих / произошедших в стране / других странах: *Сергей Лавров рассказал, что дипломаты получили* ***ноту*** *украинских коллег* («Вечерние новости», 13.08.2014 г.). В жанре «ток-шоу» используется терминология: *Прошло всего семь лет, и Коля снова оказался в детском доме с диагнозом* ***шизофрения*** («Пусть говорят», 25.09.2017 г.), но в 3,1 раза реже.

В жанре «ток-шоу» фразеологические единицы (далее – ФЕ) применяются в 1,6 раза чаще; прецедентные единицы (далее – ПЕ) – в 1,3 раза чаще. В «ток-шоу» отмечается употребление трансформационных фразеологических единиц (далее – ТФЕ) – 6%: *Тут можно, да…* ***у каждой медали две стороны*** («Пусть говорят», 25.09.2017 г.). Исходная форма фразеологизма: две стороны одной медали. В данном речевом жанре также зафиксировано использование прецедентных единиц трансформированной структуры (далее – ПЕТС) – 3%: ***Золушка Сати*** *уходит от ответа на вопрос про любимого человека* («Пусть говорят», 23.11.2017 г.). Прецедентные единицы функционируют в качестве маркера культурной идентичности, служат средством распознавания «своего», «чужого», являются средством апелляции к культурно значимым ценностям определенного лингвокультурного сообщества [11]. Обращение к ПЕ / ПЕТС и ТФЕ можно расценивать как способ привлечения и удерживания внимания аудитории.

Частотность употребления языковых единиц во фразеологическом аспекте в речевых жанрах «новости» и «ток-шоу» отображена на рисунке 3.

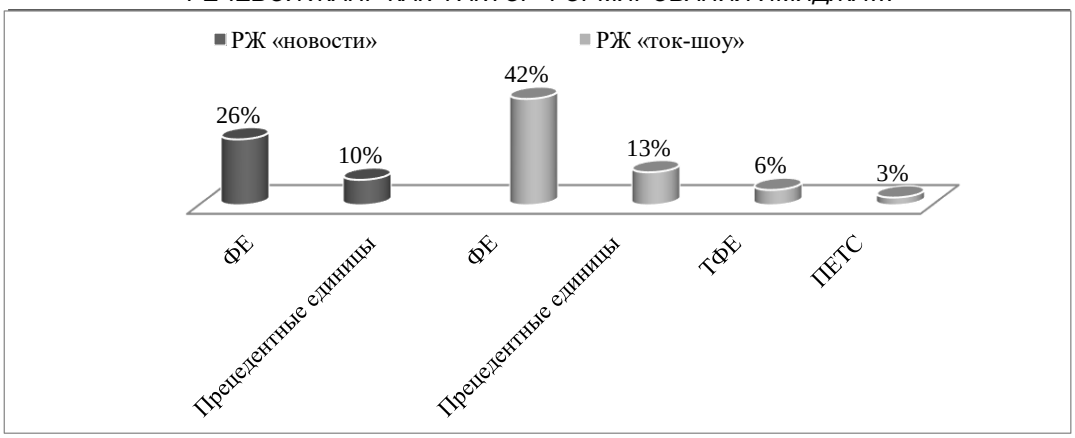

Рис. 3. Частотность использования языковых единиц во фразеологическом аспекте в речевых жанрах «новости» и «ток-шоу»

Морфологический уровень. Частотность употребления языковых единиц на морфологическом уровне в речевых жанрах «новости» и «ток-шоу» отображена на рисунке 4.

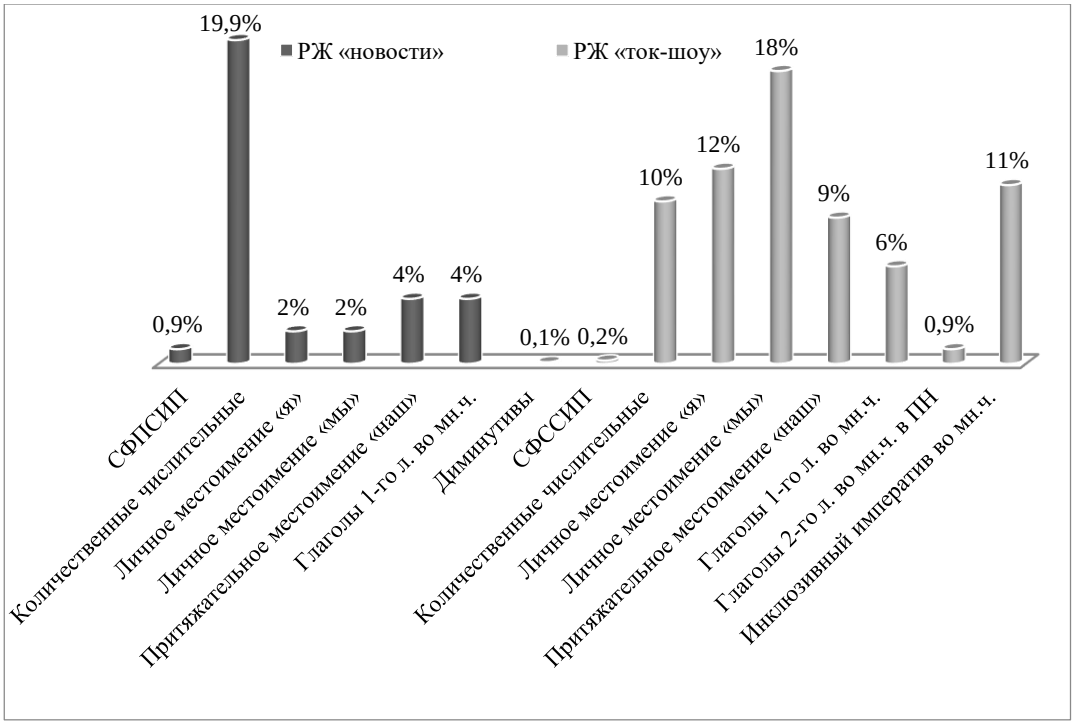

Рис. 4. Частотность использования языковых единиц на морфологическом уровне в речевых жанрах «новости» и «ток-шоу»

В речевом жанре «новости» наиболее часто используются имена числительные (19,9%) с целью: а) уточнения статистических данных: *Речь о выплатах, которые руководители госкорпораций унитарных предприятий компании,* ***более пятидесяти процентов*** *капитала которого находится в госсобственности, получают при увольнении и сокращении* («Вечерние новости», 24.01.2014 г.); б) указания скорости / длины / времени: *При разрешенной скорости* ***пятьдесят километров в час****, певец ехал в два раза быстрее* («Вечерние новости», 24.01.2014 г.); в) уточнения количества арестованных / объявленных в розыск / пострадавших / погибших: ***Под стражу были взяты*** *также* ***четверо*** *его* ***сообщников****, кроме того,* ***в розыск объявлены пять*** *человек* («Вечерние новости», 24.01.2014 г.). Притяжательное местоимение *наш* (4%), которое применяется для того, чтобы подчеркнуть: а) принадлежность кого-либо к новостной программе: *Тысячи таких сообщений, которые вы отправили,* ***наши зрители****, подарили шанс на выздоровление Даши Соловьевой из Архангельска* («Вечерние новости», 21.03.2014 г.); б) принадлежность кого-либо к стране: *Всем, кто собирается болеть* ***за наших спортсменов****, самое время подробнее узнать о дисциплинах, входящих в программу игр* («Вечерние новости», 24.01.2014 г.) и глаголы 1-го лица во мн.ч. (несколько адресатов) – 4%: *Что говорит она сама* [героиня выпуска] – ***узнаем*** *после рекламы* («Вечерние новости», 26.10.2015 г.).

В речевом жанре «ток-шоу» – личное местоимение *я* (12%) используется во вступительном и заключительном слове: *Это «Пусть говорят».* ***Я*** *– Дмитрий Борисов* («Пусть говорят», 23.11.2017 г.), а также в следующей программе, посвященной этой же теме: ***Я*** *предлагаю сейчас вспомнить как это было* («Пусть говорят», 14.08.2017 г.); / *мы* (18%), под которым подразумеваются: а) телеведущий, присутствующие в студии и телезрители: *Конечно,* ***мы****, думаешь, что тут собрались?* («Пусть говорят», 23.11.2017 г.); б) телеведущий и команда, которая работает над выпуском ток-шоу: ***Мы*** *работаем в прямом эфире* («Пусть говорят», 27.02.2018 г.), а также инклюзивный императив во мн.ч., несколько адресатов – 11%: ***Давайте посмотрим****, что Сати нам рассказала* («Пусть говорят», 23.11.2017 г.).

В каждом из речевых жанров обнаружены языковые единицы, использование которых характерно лишь для определенного жанра. В жанре «новости» такими единицами, например, являются: синтетическая форма превосходной степени имени прилагательного (далее – СФПСИП), которая применяется: а) с целью указания на масштабность события: *Далее в «Вечерних новостях» вернемся к одной из главных тем дня – оглашению приговора по делу* ***крупнейшей аварии*** *в московском метро* («Вечерние новости», 09.11.2015 г.); б) для того, чтобы подчеркнуть приоритет чего-либо: *Россия готова сотрудничать в сфере* ***новейших технологий*** («Вечерние новости», 28.10.2015 г.).

В «ток-шоу» такими единицами можно считать диминутивы: *Да, что перевернуло сознание Евдокии, когда из такого прекрасного* ***ангелочка*** *вдруг делается невменяемый мальчик, которого сдают в психбольницу?* («Пусть говорят», 23.11.2017 г.), а также синтетическую форму сравнительной степени имени прилагательного (далее – СФССИП): *Почему юная видеоблогер Саша Спилберг стала* ***популярнее*** *Максима Галкина?* («Пусть говорят», 26.10.2017 г.); глаголы 2-го лица в ед.ч. в повелительном наклонении (далее – глаголы 2-го л. в ед.ч. в ПН), один адресат, «на ты»: ***Расскажи****, кто он, как ты с ним познакомилась, чем он занимается э-э-э?* («Пусть говорят», 23.11.2017 г.) и другие.

Синтаксический уровень. В жанре «ток-шоу» доминирующими языковыми единицами являются закрытые вопросы – 59%: *А Дима знает потому, что Вы были в него влюблены?* («Пусть говорят», 14.08.2017 г.); в речевом жанре «новости» – этикетные конструкции (9%), адресованные: а) телезрителям / присутствующим в студии: *Всем еще раз* ***добрый вечер****!* («Пусть говорят», 26.10.2017 г.); б) коллегам / героям программы и гостям: ***Привет****! Пятнадцать лет прошло, как будто ничего не изменилось* («Пусть говорят», 23.11.2017 г.), а также вводные единицы, указывающие на источник информации (6%): *Но захочет ли сам Армен Джигарханян быть вновь под такой опекой, которая могла,* ***по его словам****, свести его в могилу* («Пусть говорят» 16.01.2018 г.). В жанре «новости» не используются обращения по имени и отчеству, этикетные, разговорные обращения, употребление которых выявлено в жанре «ток-шоу». Отсутствие обращений по имени и отчеству в жанре «новости»

обусловлено тем, что возраст коллег, с которыми вступает в диалог телеведущий, как правило, не превышает 40–45 лет.

Частотность употребления языковых единиц на синтаксическом уровне в речевых жанрах «новости» и «ток-шоу» отображена на рисунке 5.

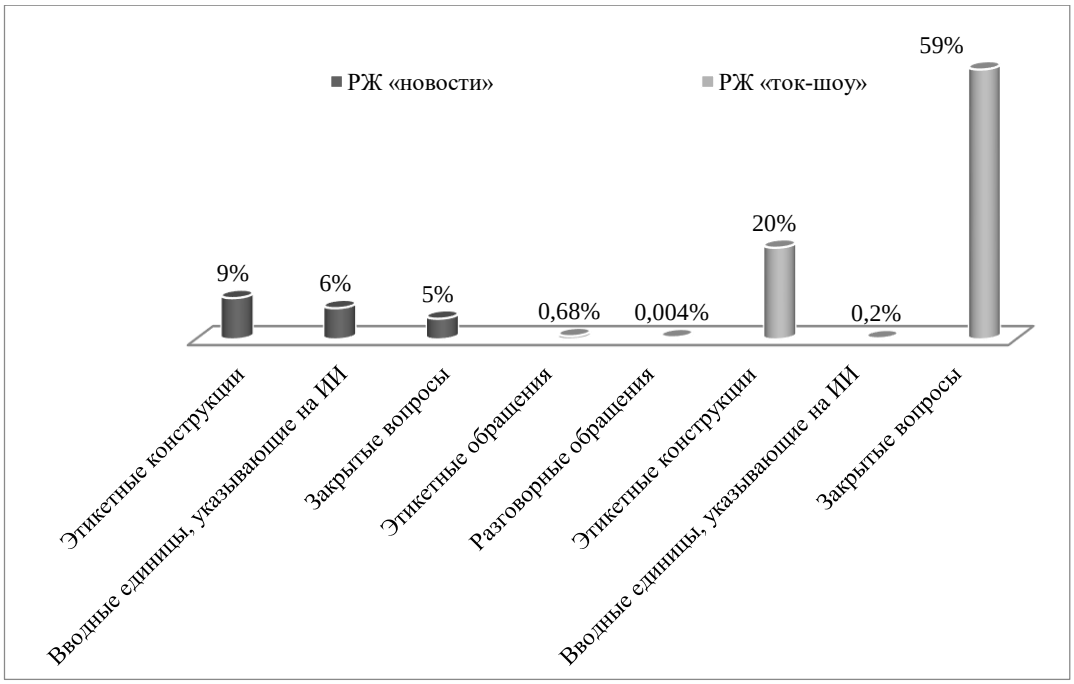

Рис. 5. Частотность использования языковых единиц на синтаксическом уровне в речевых жанрах «новости» и «ток-шоу»

Внеязыковые средства экспликации имиджа телевизионного ведущего реализуются на вокалическом, кинесическом, проксемико-тактильном и артефактическом уровнях.

Вокалический уровень. В речевом жанре «новости» логическое ударение и повышение громкости голоса подкрепляют: а) собственные имена существительные: *Новое уголовное дело об организации преступного сообщества возбуждено против депутата народного собрания* ***Дагестана*** («Вечерние новости», 24.01.2014 г.); б) нарицательные имена существительные, *Уполномоченным по правам человека в России впервые может стать* ***женщина*** («Вечерние новости», 24.01.2014 г.); в) аналитическая форма сравнительной степени имени прилагательного: *Там*

разбираются в деталях дорожного происшествия, которое послужило поводом для расследования ***более серьезного нарушения*** («Вечерние новости», 26.10.2015 г.). В жанре «ток-шоу» использование данного внеязыкового средства экспликации отмечается при произнесении оценочной лексики: *Его знаменитая мать, получив двухкомнатную квартиру, назвала его* ***вором*** *и* ***психопатом*** («Пусть говорят», 25.09.2017 г.).

В жанре «новости» понижение громкости голоса отмечается при освещении трагических событий: *Помощь медиков понадобилась также крановщику и водителю газели, но* ***последнего врачи спасти не смогли*** («Вечерние новости», 26.10.2015 г.); произнесении конструкций, предшествующих сюжету: *Дмитрий Медведев провел переговоры с главой Таджикистана – Эмомали Рахмоном,* ***речь шла об экономике*** («Вечерние новости», 30.10.2015 г.), а также заключительного слова выпуска: *Я – Дмитрий Борисов желаю вам хороших выходных, увидимся на «Первом канале».* ***Завтра*** («Вечерние новости», 21.03.2014 г.). В речевом жанре «ток-шоу» при произнесении а) заключительных слов закадрового текста: *Графиня обращается за помощью, так как боится* ***за свою жизнь и за своих детей*** («Пусть говорят», 27.12.2017 г.); б) заключительных слов выпуска: *У нас на сегодня все.* ***Увидимся*** («Пусть говорят», 25.09.2017 г.).

Кинесический уровень. В жанре «новости» используются жесты-иллюстраторы: перстоуказующий жест (см. рис. 6), сопровождающий конструкцию – глагол 2-го лица во мн.ч.: ***Сделаем*** *это в следующей части «Вечерних новостей»* («Вечерние новости», 09.11.2015 г.). В жанре «ток-шоу», помимо вышеуказанных, используются жесты-эмблемы: скрещенные руки на груди (см. рис. 7), которые «свидетельствуют об отгороженности от других людей» [14, с. 32]; рука прикрывает рот (см. рис. 8), жест свидетельствует о том, что телеведущий «старательно скрывает свою позицию по обсуждаемому вопросу» [16].

Проксемико-тактильный уровень. В жанре «ток-шоу» отмечается использование: а) публичной дистанции – при произнесении вступительного слова: (см. рис. 9): *Это «Первый канал», добрый вечер! Я – Дмитрий Борисов* («Пусть говорят», 25.09.2017 г.); б) социальной дистанции – при постановке закрытых

вопросов героям (см. рис. 10): *С кем Армен Борисыч встретил Новый год?* («Пусть говорят», 16.01.2018 г.); а также открытых вопросов: *Но нашли потом Колю все равно. Почему? Как?* («Пусть говорят», 25.09.2017 г.); в) личной дистанции (см. рис. 11) – при постановке закрытых вопросов: *Когда поступило предложение?* («Пусть говорят», 14.08.2017 г.); г) интимной дистанции – с целью поддержать героя программы, данный тип дистанции сопровождается использованием тактильных средств (см. рис. 12), а также языковой конструкции: глагол 2-го лица в ед.ч.: *Ну не плачь* («Пусть говорят», 25.09.2017 г.). В жанре «новости» зафиксировано использование личной дистанции (см. рис.13).

Артефактический уровень. В речевом жанре «ток-шоу» отмечается смешение делового и спортивного стилей, что не характерно для речевого жанра «новости».

ВЫВОДЫ

Телеведущий может формировать свой профессиональный имидж с помощью речевого жанра. Имидж трансформируется в зависимости от выбранного речевого жанра. В жанре «новости» зафиксировано сдержанное речевое поведение и официальный стиль в одежде, в жанре «ток-шоу» – раскрепощенное речевое поведение, свободный стиль невербального поведения.

Речевой жанр «новости» устанавливает определенные рамки перед телеведущим в применении как языковых единиц, так и внеязыковых характеристик. В данном жанре наблюдаем проявление предпосылок к изменению имиджа.

В перспективе на основе установленной взаимосвязи между речевым жанром и имиджем телеведущего может быть создано руководство по корректированию имиджа при переходе из одного речевого жанра в другой для ведущего, работающего в нескольких речевых жанрах. Основные положения исследования можно применить при формировании имиджа телеведущих Республики Крым.

Рис. 6 Жест-иллюстратор

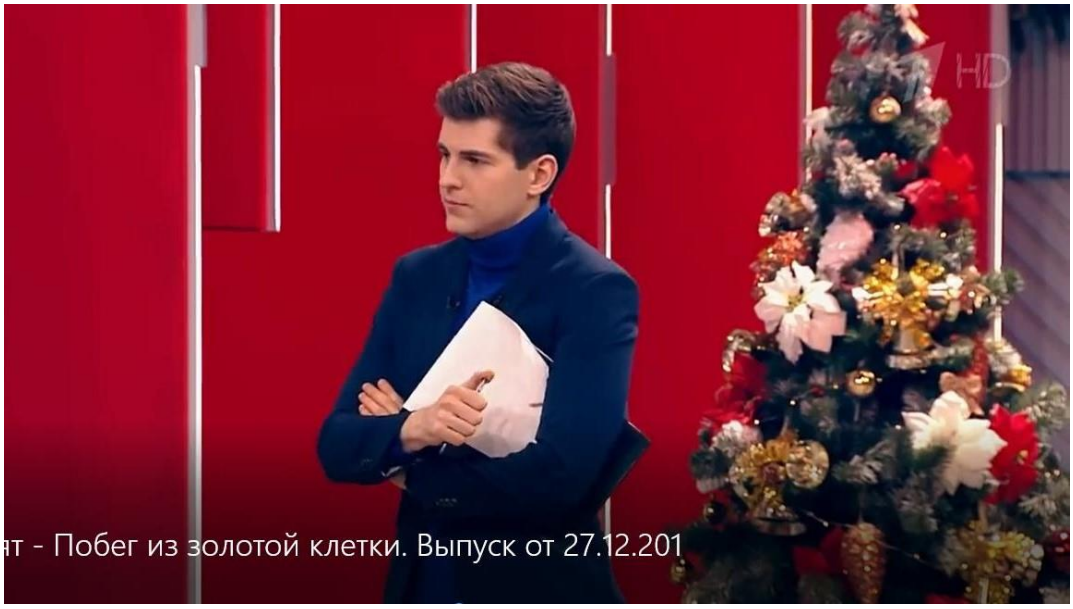

Рис.7 Жест-эмблема

Рис.8 Жест-эмблема

Рис.9 Публичная дистанция

Рис.10 Социальная дистанция

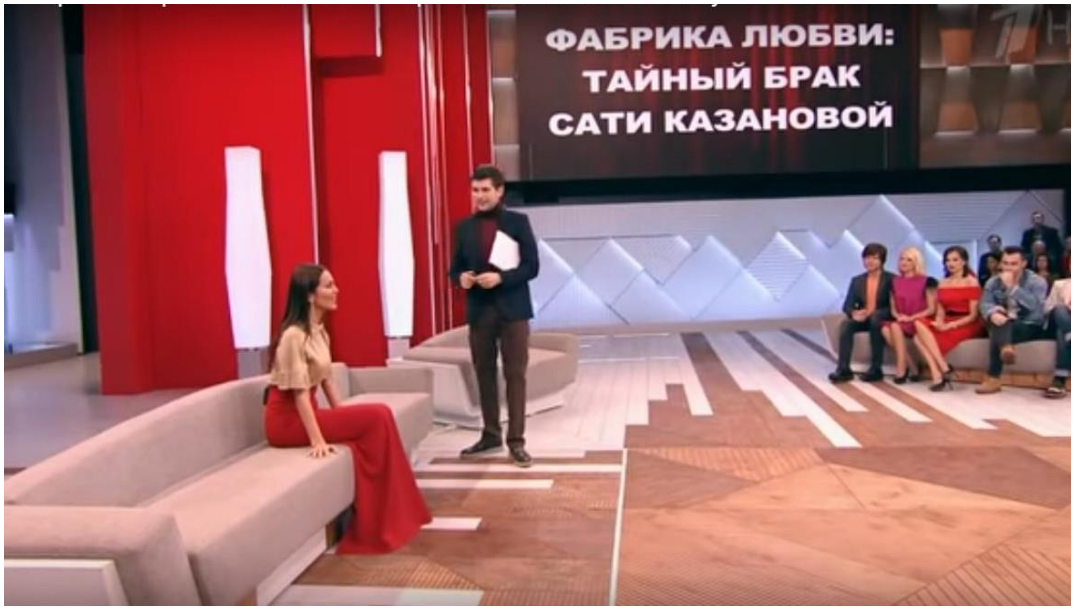

Рис.11 Личная дистанция

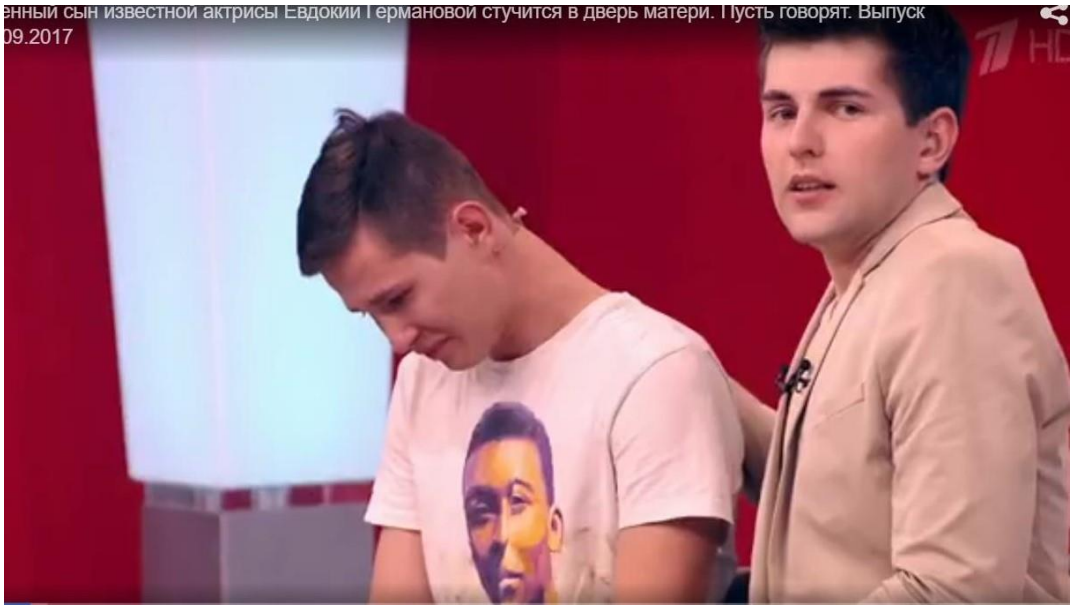

Рис.12 Интимная дистанция

Рис. 13 Личная дистанция

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5 : Работы 1940–1960 гг. / М. М. Бахтин. – Москва, 1996. – С. 159–206. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.html. – (Дата обращения: 12.05.2020).

2. Беспоместных, А. Е. Речевая композиция псалтири как структурная особенность жанра [Текст] / А. Е. Беспоместных, Н. Н. Ничик // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68). – № 1. – С. 31–36.
3. Гайда, Ст. Жанры разговорных высказываний [Электронный ресурс] / Ст. Гайда // Жанры речи. – 1999. – Вып. 2. – С. 103–112. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/5680=ru/. – (Дата обращения: 12.04.2019).
4. Голошубина, О. К. Модель речевого жанра «Разговор в Мессенджере» [Электронный ресурс] / О. К. Голошубина // Омский научный вестник. Филологические науки. – 2014. – № 5 (132). – С. 101–103. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/model-rechevogo-zhanra-razgovor-v-messendzhere/viewer. – (Дата обращения: 12.02.2020).
5. Дементьев, В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров [Текст] / В. В. Дементьев // Жанры речи. – 2019. – № 1 (21). – С. 6–21.
6. Дорфман, И. И. «Паспорт» речевого жанра приветствия/прощания (по модели Т. В. Шмелевой) [Электронный ресурс] / И. И. Дорфман // Научная мысль Кавказа. Языкознание и литературоведение. – 2012. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pasport-rechevogo-zhanra-privetstviya-proschaniya-po-modeli-t-v-shmelevoy/. – (Дата обращения: 16.02.2020).
7. Казакова, О. А. Ритуальные жанры как отражение национальных стратегий речевого поведения языковой личности [Электронный ресурс] / О. А. Казакова // Вестник науки Сибири. – 2011. – 1 (1). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ritualnye-zhanry-kak-otrazhenie-natsionalnyh-strategiy-rechevogo-povedeniya-yazykovoy-lichnosti/viewer. – (Дата обращения: 16.02.2020).
8. Кравчук, Е. Р. Модель речевого жанра новости (на материале телетекстов новостной программы «Вечерние новости с Дмитрием Борисовым») [Текст] / Е. Р. Кравчук // Пятый этаж. – 2018. – С. 39–43.

9. Криворученко, Е. Ю. Диффузия жанров журналистики в печатных СМИ на примере региональных газет «Крымский телеграфъ» и «Новый Крым» [Текст] / Е. Ю. Криворученко, А. Ю. Калугина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 4. – С. 31–35.
10. Кубрякова, Е. С. К определению понятия имиджа [Электронный ресурс] / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1 (014). – С. 5–11. – Режим доступа: http://elibrary.ru/item.asp?id=116337526/. – (Дата обращения: 06.05.2020).
11. Латышева, В. Л. Признаки и функции прецедентных феноменов [Электронный ресурс] / В. Л. Латышева // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2011. – № 1 (48). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-i-funktsii-pretsedentnyh-fenomenov. – (Дата обращения: 10.04.2020).
12. Лушникова, Г. И. Жанровая трансформация романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в текстах современных американских авторов [Текст] / Г. И. Лушникова, А. А. Дзюба // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2020. – Т. 6 (72). – № 1. – С. 42–57.
13. Нестерова, Н. Г. Коммуникативно-прагматические особенности этикетных речевых жанров в радиодискурсе [Электронный ресурс] / Н. Г. Нестерова // Вестник Томского государственного университета. Языкознание и литературоведение. – 2009. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativno-pragmaticheskie-osobennosti-etiketnyh-rechevyh-zhanrov-v-radiodiskurse. – (Дата обращения: 16.02.2020).
14. Пиз, А. Язык телодвижений: как читать мысли других по жестам [Текст] / А. Пиз. – Нижний Новгород : Изд-во «Ай Кью», 1992. – 272 с.
15. Прядильникова, О. В. Экологический аспект культуры речи (что мешает чистоте речи) [Электронный ресурс] / О. В. Прядильникова // Наука и образование : новое время. – 2017. – № 2. – С. 83–92. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=29148711. – (Дата обращения: 12.02.2020).

16. Ривера, А. Д. Как понять, что вам врут [Электронный ресурс] / А. Д. Ривера. – Москва : AB Publishing, 2013. – Режим доступа: https://profilib.com/chtenie/114114/aleksandr-rivera-kak-ponyat-chto-vam-vrut.php. – (Дата обращения: 18.02.2020).
17. Шилина, А. Г. Русскоязычный женский журнал Украины в аспекте теории текста (синергетический анализ) [Текст] / А. Г. Шилина. – Симферополь : Антиква, 2012. – 280 с.
18. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1.– С. 88–98.

References

1. Bakhtin M. M. *Problema Rechevykh Zhanrov* [The Problem of Speech Genres]. *Sobraniye Sochinenii. Tom 5. Raboty 1940–1960 Gg*. Moscow, 1996. Pp. 159–206. Available at: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.html (accessed 12 May 2020).
2. Bespomestnykh A. Ye., Nichik N. N. *Rechevaya Kompozitsiya Psaltiri kak Strukturnaya Osobennost' Zhanra* [The Speech Composition of Psalter as a Structural Feature of Genre]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, 2016, Vol 2 (68), no 1, pp. 31–36.
3. Gaida St. *Zhanry Razgovornykh Vyskazyvaniy* [Genres of Spoken Utterances]. *Zhanry Rechi*, 1999, no 2, pp. 103–112. Available at: https://docviewer.yandex.ru/view/5680=ru (accessed 12 April 2020).
4. Goloshubina O. K. *Model' Rechevogo Zhanra Razgovor v Messendzhere* [The Model of the Speech Genre Conversation in the Messenger]. *Omskii Nauchnyi Vestnik. Filologicheskiye Nauki*, 2014, no 5 (132), pp. 101–103. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/model-rechevogo-zhanra-razgovor-v-messendzhere/viewer (accessed 12 February 2020).
5. Dement'yev V. V. *Zhanry v Menyayushchemsya Mire: Kreatsionistskiye Potentsii Rechevykh Zhanrov i Jepistemologicheskiye Potentsii Teorii Rechevykh Zhanrov* [Genres in Changing World. Creationistic Potentials of Speech Genres and

Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres]. *Zhanry Rechi*, 2019, no 1 (21), pp. 6–21.

6. Dorfman I. I. *Pasport Rechevogo Zhanra Privetstviya / Proshchaniya (po Modeli T. V. Shmelevoi)* [Specification of the Greeting / Farewell Speech Genre (according to T. V. Shmeleva Model)]. *Nauchnaya Mysl' Kavkaza. Yazykoznaniye i Literaturovedeniye*, 2012. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pasport-rechevogo-zhanra-privetstviya-proschaniya-po-modeli-t-v-shmelevoy (accessed 16 February 2020).
7. Kazakova O. A. *Ritual'nyye Zhanry kak Otrazheniye Natsional'nykh Strategii Rechevogo Povedeniya Yazykovoi Lichnosti* [Ritual Genres as a Reflection of National Strategies of the Speech Behavior of a Language Personality]. *Vestnik Nauki Sibiri*, 2011, no 1 (1). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/ritualnye-zhanry-kak-otrazhenie-natsionalnyh-strategiy-rechevogo-povedeniya-yazykovoy-lichnosti/viewer (accessed 16 February 2020).
8. Kravchuk Ye. R. *Model' Rechevogo Zhanra Novosti (na Materiale Teletekstov Novostnoi Programmy Vecherniye Novosti s Dmitriyem Borisovym)* [Model of the Speech Genre of News (Based on the Material of Teletext of the News Program Evening News with Dmitry Borisov)]. *Pyatyi Jetazh*, 2018, pp. 39–43.
9. Krivoruchenko Ye. Yu., Kalugina A. Yu. *Diffuziya Zhanrov Zhurnalistiki v Pechatnykh SMI na Primere Regional'nykh Gazet Krymskiy Telegraf i Novyi Krym* [Diffusion of Genres of Journalism in Printed Media on the Material of Regional Newspapers Crimean Telegraph and New Crimea]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, 2015, Vol 1 (67), no 4, pp. 31–35.
10. Kubryakova Ye. S. *K Opredeleniyu Ponyatiya Imidzha* [To the Definition of the Notion of Image]. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2008, no 1 (014), pp. 5–11. Available at: http://elibrary.ru/item.asp?id=116337526 (accessed 06 May 2020).
11. Latysheva V. L. *Priznaki i Funktsii Pretsedentnykh Fenomenov* [Features and Functions of Precedent Phenomena]. *Vestnik Irkutskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta*, 2011, no 1 (48). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-i-funktsii-pretsedentnyh-fenomenov (accessed 10 April 2020).

12. Lushnikova G. I., Dzyuba A. A. *Zhanrovaya Transformatsiya Romana Sh. Bronte Dzhein Jeir v Tekstakh Sovremennykh Amerikanskikh Avtorov* [Genre Transformation of the Novel Jane Eyre by Sh. Bronte in the Texts of Modern American Authors]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, 2020, Vol 6 (72), no 1, pp. 42–57.
13. Nesterova N. G. *Kommunikativno-Pragmaticheskiye Osobennosti Jetiketnykh Rechevykh Zhanrov v Radiodiskurse* [Communicative and Pragmatic Features of Etiquette Speech Genres in Radio Discourse]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. *Yazykoznaniye i Literaturovedeniye*, 2009. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativno-pragmaticheskie-osobennosti-etiketnyh-rechevyh-zhanrov-v-radiodiskurse (accessed 16 February 2020).
14. Piz A. *Yazyk Telodvizhenii: kak Chitat' Mysli Drugikh po Zhestam* [Body Language. How to Read Others' Thoughts by Their Gestures]. Nizhnii Novgorod: Izdatelstvo Ai K'yu, 1992. 272 p.
15. Pryadil'nikova O. V. *Jekologicheskiy Aspekt Kul'tury Rechi (Chto Meshayet Chistote Rechi)* [Ecological Aspect of the Speech Culture (What Prevents the Purity of Speech)]. *Nauka i Obrazovaniye: Novoye Vremya*, 2017, no 2, pp. 83–92. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=29148711 (accessed 12 February 2020).
16. Rivera A. D. *Kak Ponyat', Chto Vam Vrut* [How to Know that You Are Being Lied to]. Moscow: AB Publishing, 2013. Available at: https://profilib.com/chtenie/114114/aleksandr-rivera-kak-ponyat-chto-vam-vrut.php (accessed 18 February 2020).
17. Shilina A. G. *Russkoyazychnyi Zhenskii Zhurnal Ukrainy v Aspekte Teorii Teksta (Sinergeticheskiy Analiz)* [Russian-Language Women's Magazine of Ukraine in the Aspect of the Theory of Text (Synergetic Analysis)]. Simferopol: Aktiva Publ., 2012. 280 p.
18. Shmeleva T. V. *Model Rechevogo Zhanra* [Model of the Speech Genre]. *Zhanry Rechi*. Saratov: GosUNTs Koledzh Publ., 1997, Issue 1, pp. 88–99.

SPEECH GENRE AS A FACTOR OF TV PRESENTER'S IMAGE FORMATION

Kravchuk Ye. R.

This article proposes a hypothesis about the correlation of the speech genre with the image of a media personality using a particular genre in professional activity. The key (basic) ideas of genre studies, as well as linguistic imagelogy, were taken as the basis. The speech genre is considered as a communicative and pragmatic identifier of the subject's image. The speech genres news and talk show have universal and specific linguistic, as well as extralinguistic means, which function as explicators of the image of a TV presenter. During the transition from the speech genre of news to the speech genre of talk show, there is a transformation of verbal and non-verbal means (explicators) which build the image of the TV presenter. The dynamics of transformation is reflected on four linguistic levels (phonetic, lexical, morphological, and syntactic) and four extralinguistic levels (vocal, kinesic, proxemicotactile, and artefact). Linguistic levels of the TV presenter image interact with extralinguistic levels. General scientific methods such as comparison, analysis, synthesis as well as specific scientific, which include descriptive method with the involvement of qualitative and quantitative content analysis and discourse-analysis, are used in the research. The results of the research may be used in theoretical and practical courses on the theory of media discourse, television discourse, and special courses on the problems of medialinguistics, as well as linguoimigelogy and communicative genrology (genristics).
Keywords: image of TV presenter, speech genre news, speech genre talk show, linguistic means of explication, extralinguistic means of explication.

5. РЕЦЕНЗИИ

КОММУНИКАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

(Рецензия на книгу: Коммуникационный менеджмент / Под ред. Г. Акопова. – СПб.: Питер, 2020)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет гражданской авиации»
Ростовский филиал (Ростовский филиал МГТУ ГА)
E-mail: director@rfmstuca.ru

Акопова А. Л.
Ст. преподаватель кафедры специальной языковой подготовки МГТУ ГА
Сережкина А. А.
Доцент кафедры специальной языковой подготовки МГТУ ГА, к.ф.н.

В статье рецензируется учебное пособие по направлению «журналистика» и «реклама и связи с общественностью», которое вышло в издательстве «Питер» под редакцией профессора Акопова Г.Л. В рецензии детализируется содержание учебного пособия и особенности изложения материала. Акцентируется внимание на отдельных разделах и особенностях применения изложенного материала. Данная рецензия подготовлена на основе детального мониторинга разделов учебного пособия, которое подготовлено авторским коллективом из 14 авторитетных авторов. В учебном пособии «Коммуникационный менеджмент» отражены основные аспекты, необходимые студентам, аспирантам и практикующим специалистам для организации управления коммуникационными процессами.
Ключевые слова: коммуникационный менеджмент, медиаменеджмент, PR, коммуникациии, медиалогия, журналистика, менеджмент массовых коммуникаций.

Коммуникационный менеджмент как учебная дисциплина на сегодняшний день представлен ограниченным числом учебных пособий. В отечественной науке он исследуется не многим более двух десятков лет и имеет весьма ограниченную теоретическую базу. В контексте развития инновационных технологий и распространения информационно-коммуникационных медиаресурсов коммуникационный менеджмент как учебная и научная дисциплина нуждается в существенной модернизации методологических подходов и обновлении учебно-методической базы.

Развитие коммуникационных интернет-технологий в современном обществе, являющемся, по мнению ряда экспертов, информационным, выступает трендом повышения эффективности управленческого воздействия на общественное сознание.

Глобализирующийся мир и технологии модернизации интернет-коммуникаций делают актуальным значение коммуникационного менеджмента в качестве обязательного элемента управления экономическими, социально-политическими и информационными процессами в обществе.

В 2020 г. по инициативе кафедры менеджмента массовых коммуникаций Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета было принято решение о подготовке комплексного учебного пособия «Коммуникационныий менеджмент» [1]. Решение было продиктовано прежде всего необходимостью расширить базу источников для подготовки студентов по направлениям «журналистика» и «реклама и связи с общественностью». С этой целью была сформирована рабочая группа, преимущественно из сотрудников кафедры менеджмента массовых коммуникаций Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ под руководством профессора Григория Леонидовича Акопова. И в 2020 году издательство «Питер» представило новое учебное пособие на отечественном рынке учебных пособий.

В учебном пособии «Коммуникационный менеджмент» отражены основные аспекты, необходимые студентам, аспирантам для изучения курса «Коммуникационный менеджмент». Цель пособия – обеспечить студентов знаниями о современной науке управления информационными процессами и обобщить методики коммуникаций и практические решения различных задач информационно-коммуникационного характера. В учебное пособие вошли отдельные параграфы, дающие практические знания по курсу «Коммуникационного менеджмента», поэтому оно будет полезно не только тем, кто изучает коммуникационный менеджмент как учебную дисциплину, но и практикующим работникам средств массовой информации, а также менеджерам, внедряющим в своей работе коммуникационные технологии.

Примечательно, что в данное пособие наравне с традиционными разделами «Основные определения коммуникационного менеджмента», «Основные факторы эффективности коммуникации», «Функции коммуникационного менеджмента» включены и главы, посвященные «Основным теоретическим учениям о

коммуникационном менеджменте», «Сущности и классификации управленческих решений» и т.д. Рассматриваются и такие проблемы, как: «Менеджмент неформальных массовых коммуникаций» (детально изложены факторы возникновения слухов и стратегии противодействия “фейковой информации”); «Бюджетирование коммуникационного процесса» (с детализацией процесса и этапов бюджетирования коммуникационного менеджмента, методологией расчета общего коммуникационного бюджета, принципами бюджетирования и правилами организации и планирования малобюджетных коммуникаций). В книге приведены методики составления сметы по всем выбранным каналам и инструментам в рамках коммуникационной стратегии с учетом их медиахарактеристик и коррекции бюджета.

Естественно, что в учебном пособие уделено достойное внимание «Рекламе как неотъемлемому элементу коммуникационного менеджмента». Детализируется методика подготовки рекламного контента, особенности построения PR-текста и написания текстов для веб-пространства. Данное направление было описано кандидатом филологических наук, специалистом по рекламе и медиакоммуникациям Н. В. Луговой.

Отдельная глава «Корпоративные медиа в системе медиакоммуникации» подготовленная заведующей кафедрой цифровых медиа коммуникаций К. Р. Нигматулиной, специализирующейся на медиаобразовании [2], освещает вопросы класификации и сегментация медиарынка, освоения цифровой среды, бренд-журналистики в качестве нового тренда и кейсов удачных корпоративных медиа.

В современной инфосфере коммуницирование преимущественно осуществляется в социальных медиа, в связи чем в учебном пособии «Коммуникационный менеджмент» есть глава «Коммуникационный менеджмент в социальных медиа», анализирующая социальные медиа как субъекты распространения новостного контента средствами массовой информации, разбираются и видеоблоги как неотъемлемый элемент коммуникационного менеджмента. Примечательно, что в данной главе Акопова А. Л., много лет проработавшая в социальных медиа, дает практические рекомендации по

осуществлению менеджмента в социальных сетях [3]. Изложенные рекомендации безусловно полезны как практикующим работникам социальных медиа, так и руководителям, заинтересованным в виртуальном присутствии и формировании информационного контента в информационной среде.

Отдельные психологические аспекты управления массовым сознанием прописаны в главе «Информационные эффекты воздействия СМИ как фактор управления массовым сознанием и поведением аудитории», где конкретизируются этапы изучения эффектов влияния массовой коммуникации на общество, законы эффективного информирования, манипулирование как технология эффективного влияния на массовое сознание и информационные медиаэффекты [4]. Обозначенные разделы подготовлены совместно доктором психологических наук Д. С. Горбатовым и заместителем директора Академии психологии ЮФУ Шипитько О. Ю. и представляют большой практический и теоретический интерес.

Экономика и HR коммуникационного агентства тоже нашли свое отражение в разбираемом учебном пособие. Примечательно, что главы подготовлены доктором экономических наук А. М. Пономоревой и доцентом кафедры менеджмента массовых коммуникаций СПбГУ С.И. Коренюшкиной соответственно. Особенно оригинальным контекстом пособия являются разделы практических рекомендаций от директора школы голоса и речи Е.С. Шестаковой [5] в главе № 14 «Голос и речь как инструменты коммуникации» и главе №15 «Публичные выступления». Изложенные Шестаковой Е.С. практики уже завоевали популярность в профессиональной среде и являются надежным подспорьем в ораторском мастерстве, столь необходимом в медиа-индустрии.

Таким образом, комментируемое учебное пособие не только восполняет существенные пробелы в методическом обеспечение учебного процесса по направлениям «журналистика» и «связи с общественностью», но и представляет большой практический и теоретический интерес и весьма полезно для всех заинтересованных читателей.

Список литературы

1. Коммуникационный менеджмент [Текст] / Под. ред. Г. Акопова. – СПб. : Питер, 2020.
2. Нигматулина, К. Р. Медиакоммуникация в современном медиаобразовании. [Текст] / К. Р. Нигматулина // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Материалы Шестой Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Председатель редколлегии А.Н. Гуда. – 2018. – С. 66–73.
3. Акопова, А. Л. Медиаменеджмент в социальных сетях [Текст] / А. Л. Акопова // Медиа в современном мире. Петербургские чтения (на примере деятельности МИА «Россия Сегодня»). Век информации. – 2018. – № 2-2. – С. 133–134.
4. Акопов, Г. Л., Шипитько, О. Ю. Профессиональная самореализация личности в интернет-пространстве [Текст] / Г. Л. Акопов, О. Ю. Шипитько // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Материалы международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 91–95.
5. Шестакова, Е. С. Говори красиво и уверенно. Постановка голоса и речи [Текст] / Е. С. Шестакова. – Санкт-Петербург, 2013.
6. Akopov G.L., Akopova A.L., Pankova G.K., Puiy A.S., Redkina T.Y. The role of internet community in political elite’s sociopolitical discourse. International Review of Management and Marketing, 2015, V. 5, pp. 92–96.
7. Акопов, Г. Л. Политика и Интернет [Текст] / Г. Л. Акопов. – Москва, 2014.

References

1. *Komunikatsionnii Menedzment* [Communication Management] / edited by G. Akopov. Saint Petersburg: Piter Publ., 2020.
2. Nigmatulina K. R. *Mediakommunikatsiya v Sovremennom Mediaobrazovanii.* [Media Communication in Modern Media Education]. *Reklama i Svyazi s Obshhestvennost'yu: Traditsii i Innovatsii. Materialy Shestoi Mezhdunarodnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii v Dvukh Chastyakh*, 2018, pp.66-73

3. Akopova A. L. *Mediamenedzhment v Sotsial'nykh Setyakh* [Media Management in Social Media Networks]. *Media v Sovremennom Mire. Peterburgskie Chteniya (na Primere Deyatel'nosti MIA Rossiya Segodnya) Vek Informatsii*, 2018, № 2-2, pp. 133–134.
4. Akopov G. L., Shipitko O. J. *Professional'naya Samorealizatsiya Lichnosti v Internet-Prostranstve.* [Professional Self-realization of Personality in the Internet Space]. *Reklama i Svyazi s Obshhestvennost'yu: Traditsii i Innovatsii. Materialy Mezhdunarodnoi Nauchno-prakticheskoy Konferentsii*, 2016, pp. 91–95.
5. Schestakova E. S. *Govori Krasivo i Uverenno. Postanovka Golosa i Rechi* [Speak Beautifully and Confidently. Voice and Speech Training]. St. Petersburg, 2013.
6. Akopov G.L., Akopova A.L., Pankova G.K., Puiy A.S., Redkina T.Y. The role of internet community in political elite's sociopolitical discourse. International Review of Management and Marketing, 2015, V. 5, pp. 92–96.
7. Akopov G. L. *Politika i Internet* [Politics and the Internet]. Moscow, 2014.

COMMUNICATION MANAGEMENT AS SCIENTIFIC AND ACADEMIC DISCUPLINE (REVIEW ON THE BOOK COMMUNICATION MANAGEMENT. EDITED BY G. AKOPOV. SAINT PETERSBURG: PITER PUBL., 2020).

Moscow State Technical University of Civil Aviation
The Rostov branch of MSTUCA
Email: director@rfmstuca.ru

The article reviews a textbook about journalism, advertising and public relations, which was published by the publishing house *Peter* under the editorship of Professor G.L. Akopov. The review the content of the textbook and features of the presentation of the material are specified. Attention is focused on individual sections and features of the application of the material presented. This review was prepared on the basis of a detailed monitoring of the sections of the textbook by a team of 14 authoritative authors. The *textbook Communication Management* reflects the main aspects necessary for students, graduate students and practicing specialists to organize the management of communication processes.
Keywords: communication management, media management, PR, communications, mediaalogy, journalism, management of mass communications.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Александр Васильевич – ассистент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Баранская Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Егорова Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы и журналистики факультета истории, искусств и крымскотатарского языка и литературы ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Беспалова Елена Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Борисова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Валиева Мадина Раилевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия

Грошева Алла Владимировна – преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций факультета журналистики ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск, Россия

Дохчукова Ида Александровна – аспирант кафедры черкесской и абазинской филологии Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева», г. Карачаевск, Россия

Киуру Константин Валерьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций факультета журналистики ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск, Россия

Кравчук Елена Романовна – аспирант кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Курьянова Валерия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Литвинчук Иригна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Мащенко Александр Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Муратова Римма Талгатовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия

Орехова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Пазов Сергей Умарович – кандидат филологических наук, профессор, проректор но научной работе, профессор кафедры черкесской и абазинской филологии Института филологии КЧГУ, ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева», г. Карачаевск, Россия

Цилимецкая Ксения Александровна – магистр кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Валиева М. Р.

ПРОСТРАНСТВО В БАШКИРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА……...…...3

Пазов С. У., Дахчукова И. А.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРХАИЗМОВ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА.....…...…20

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Литвинчук И. Н.

ЗАПАД И ВОСТОК В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОЛЕ МЕНТАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ……..…….....47

Муратова Р. Т.

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ALA ‘ПЕГИЙ’ И SÏBAR ‘ПЕСТРЫЙ’ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА…….....…....65

3. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Баранов А. В.

ОБРАЗ БАШНИ И РЕАЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «GENERATION “П”»)…….…….……..…..85

Баранская Е. М.

«ТАЙНЫ ДУШИ» И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЛИРИКЕ Я. П. ПОЛОНСКОГО…….....104

Беспалова Е. К.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПРОЗА В. НАБОКОВА …….....…....117

Борисова Л. М.

НЕГАТИВНАЯ АЛЛЕГОРИЯ (ОСТРАНЕНИЕ) В ПОЭТИКЕ М. ГОРЬКОГО…….....135

Курьянова В. В.

ТОЛСТОВСКИЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА…… …….…....…….....147

Мащенко А. П.

БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА: ПОЧЕМУ УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ ПОЛУЧИЛ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ ПО ЛИТЕРАТУРЕ РАНЬШЕ, ЧЕМ ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ?.....…….....165

Орехова Л. А.

ЧАТЫРДАГ КАК ОБЪЕКТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ А. С. ГРИБОЕДОВА….....….....177

4 . ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Грошева А. В., Киуру К. В.

КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМИДЖА РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА В ОНЛАЙН-СМИ ……..…….....206

Егорова Л. Г., Цилимецкая К. А.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОГРАММ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕЛЕКАНАЛОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. СЕВАСТОПОЛЯ)…….....…....221

Кравчук Е. Р.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ТЕЛЕВЕДУЩЕГО……..…….....…....241

5. РЕЦЕНЗИИ

Акопова А. Л., Сережкина А. А.

КОММУНИКАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА ……..…….....…....262

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....268